

ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАСПИЙСКОГО МАКРОРЕГИОНА

Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Астраханский государственный университет»
Институт исследований проблем Юга России и Прикаспия

Проблемы комплексной безопасности Каспийского макрорегиона

Сборник научных статей по материалам
международной научно-практической
конференции
(28–29 октября 2021 года),
Астрахань, Российская Федерация

Под общей редакцией доктора философских наук,
профессора А.П. Романовой,
младшего научного сотрудника Д.А. Черничкина

Издательский дом «Астраханский университет»
2021

УДК 00
ББК 60.56
Р69

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного университета

Редколлегия
А.П. Романова, Д.А. Черничкин

Проблемы комплексной безопасности Каспийского макрорегиона [Электронный ресурс]: материалы международной научно-практической конференции (г. Астрахань, 28–29 октября 2021 года) / отв. ред. и сост. : А. П. Романова, Д. А. Черничкин. – Электрон. текстовые, граф. дан. (4,01 Мб). – Астрахань : Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2021. – 230 с. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM): 12 см. – Загл. с экрана. – Диск помещен в контейнер 14×12 см.

Сборник составлен по материалам, подготовленным участниками Международной научно-практической конференции «Проблемы комплексной безопасности Каспийского макрорегиона», прошедшей 28-30 октября 2021 г. в Астраханском государственном университете. В сборнике освещены темы, связанные с проблемами безопасности территории Каспийского региона с социальной, культурной, правовой, экономической, экологической и других точек зрения, а также изменениями в изучении проблем безопасности Прикаспия на современном этапе. Сборник может быть востребован научным сообществом, аспирантами, магистрантами, бакалаврами и читателями, интересующимися проблемами безопасности.

ISBN 978-5-9926-1339-1

© Астраханский государственный университет,
Издательский дом «Астраханский университет», 2021
© Романова А. П., Черничкин Д.А., составление, 2021
© Черничкин Д.А., оформление обложки, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

РЕГИОН ПРИКАСПИЯ: ПЕРИФЕРИНЫЙ ФАКТОР, ОТНОШЕНИЕ С ПРИГРАНИЧНЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ (Бугай Н.Ф.)	5
ОТНОШЕНИЕ К РЕЛИГИОЗНЫМ ОНЛАЙН-ОБЪЕДИНЕНИЯМ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ РОССИЙСКОГО ПРИКАСПИЯ (Черничкин Д.А.)	11
ЦИФРОВИЗАЦИЯ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (Глазков А.П., Востриков И.В., Лопатинская Т.Д.)	19
КУЛЬТУРНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК МЕХАНИЗМ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (Демина А.В.)	25
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР В ВОПРОСЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ЮГЕ РОССИИ (Джабраилов Ю.)	31
ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ (Кондратьев В.В.)	37
К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ ТРАКТОВКАХ ТЕРМИНА «РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» (Кудряшова Ю.А.)	47
ТРАНСКАСПИЙСКИЙ ГАЗОПРОВОД: ЭКОЛОГИЯ ИЛИ ГЕОПОЛИТИКА? (Малахов Д.А.)	52
ОБ ИЗМЕНЕНИИ В КУЛЬТУРЕ ПИТАНИЯ КАЛМЫКОВ (XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА) (Намруева Л.В.)	59
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ НАРОДОВ ПРИКАСПИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ НА ТЕРРИТОРИИ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ФАКТОР МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (Хлыщева Е.В.)	69
РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ОБЩИНЫ В МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА КАК ФАКТОР РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (Михайлова Е.А., Бедаев А.И., Тихонова В.Л., Упир И.Р.)	76
ПЕРСПЕКТИВЫ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН ПРИКАСПИЯ (Холова Л.А.)	82
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ И ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ СОБСТВЕННОСТИ ВОЛГО-КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА (Дягтерев А.А.)	87
ФОРУМ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ОДИН ИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ РЕШЕНИЯ ВОПРОСОВ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА (Жексембекова В.А., Сергазин Е.Ф., Урузгалиева М.Е.)	97
СОВРЕМЕННОЕ ГИДРОЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ РУСЛОВОЙ СИСТЕМЫ РУКАВА КИГАЧ (КАЗАХСТАН, ДЕЛЬТА ВОЛГИ) (Кенжебаева А.Ж., Магрицкий Д.В., Ефимова Л.Е., Гончаров А.В.)	103
ОСОБЕННОСТИ И РАЗМЕРЫ ВЛИЯНИЯ ВОДОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СТОК Р.УРАЛ В ПРЕДЕЛАХ КАЗАХСТАНА (Магрицкий Д.В., Кенжебаева А.Ж.)	111
БИОЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ В ПРИЗМЕ ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА (Мамедов В.Г., Джафарова Л.А.)	119
ПОЧВЕННЫЙ ПОКРОВ ДЕЛЬТЫ ВОЛГИ КАК ФАКТОР ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИКАСПИЯ (Федотова А.В., Яковлева Л.В.)	126

НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ (Ажмухамедов И.М., Веснинцева А.А.).....	134
ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПРИМОРСКОГО РЕГИОНА: БЮДЖЕТНАЯ ПОДГОТОВКА КАДРОВ В СЕВАСТОПОЛЕ (Кондрашихин А.Б.).....	141
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ АУДИТА ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЪЕКТОВ КРИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ (Смирнов Г.Е., Макаренко С.И.).....	148
ESG – ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (Вострикова Е.О., Мешкова А.П.).....	157
ВЛИЯНИЕ ИНВЕСТИЦИЙ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА (Галиева Л.Э., Сурина Е.А.)	165
ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ СТРАНЫ (Магеррамова Э.Д., Чертина И.В.).....	172
МИРОВОЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ И ВОЗМОЖНОСТЬ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИИ (Овезниязова Ш.У.).....	179
ПОЗИТИВНЫЙ И НОРМАТИВНЫЙ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (Муравьев С.Р.).....	185
ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ В ПЕРИОД КОРОНАКРИЗИСА (Овезниязова Ш.У.).....	194
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА: ИННОВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ (Тошпулотов А.А.).....	198
ДИЗЪЮНКТИВНЫЙ СИЛЛОГИЗМ В АРГУМЕНТАТИВНОМ ДИСКУРСЕ (Зайцев Д.В.).....	205
АРГУМЕНТАЦИЯ ДИАЛОГ И КОММУНИКАЦИЯ (Беликов А.А., Боброва А.С., Елагин Г.Б., Карпов Г.В., Микиртумов И.Б., Фролов К.Г., Шесткова Д.В., Перова Н.В.).....	211
АЛГОРИТМ ПОИСКА И ОТБОРА РЕШЕНИЙ СПОРА (Лисанюк Е.Н.)	219
ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ	225

РЕГИОН ПРИКАСПИЯ: ПЕРИФЕРИЙНЫЙ ФАКТОР, ОТНОШЕНИЕ С ПРИГРАНИЧНЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ

Бугай Николай Федорович
Институт российской истории РАН
E- mail: nikolay401@yandex.ru

Аннотация: В предлагаемом научном сообщении на примере субъектов Прикаспийской зоны – Астраханской области и Республики Дагестан рассматривается актуальная проблема современности – фактор периферийности и пограничности, их наполнение и развитие с целью поддержки добрососедских отношений во имя сохранения мира и гражданского согласия между народами. В сообщении представлена основополагающая нормативно-правовая база, государственные документы типа Концепций о пограничном сотрудничестве, Конвенции, соглашения, меморандумы и пр. Раскрываются формы приграничного сотрудничества в сферах хозяйствования и культурной жизни, в которых осуществлялись мероприятия по сотрудничеству. Пограничное сотрудничество, несомненно, остается одной из приоритетных составляющих для обеспечения безопасности государств.

Ключевые слова: Прикаспий, регион, пограничье, периферийность, соглашение, меморандум, отношения, ассоциация, согласие, Азербайджан, Дагестан

Пограничье в истории Российской империи, как и в последующие времена, играло заметную роль и особенно в приумножении экономического потенциала страны, защите государства в годы Великой Отечественной войны. В конкретном случае выступают и разные акторы, т.е. действующие субъекты. В данной ситуации уделяется внимание действиям администраций субъектов Российской Федерации – республик, краев и областей Северного Кавказа, а также разного рода государственных служб, курировавших данное направление, связанное с фактором пограничности [Бугай, 2008].

Не все аспекты проблемы в целом применительно к Российской Федерации разработаны достаточно. Значительный уклон в изучении темы характерен для итальянской историографии. Не случайно там проходили многие международные форумы, раскрывающие степень разработки настоящей проблемы исторической науки. Здесь же состоялся и 53-й Конгресс Европейской ассоциации регионоведческой науки (Палермо, Италия, 2013). Не разрабатывалась это проблема в научном плане и применительно к рассматриваемому региону.

Многие стороны практики приграничного сотрудничества выступали в качестве предмета обсуждения на состоявшихся заседаниях «круглых столов» и научных конференций, проходивших в 2003 – 2019 гг.

Фактор приграничного сотрудничества применительно России нашел свое отражение в утвержденных еще 3 июня 1996 г. «Основных положениях региональной политики Российской Федерации». Положения его осуждались и

на проходивших научных форумах. К проблеме проявляют повышенный интерес 49 приграничных субъектов Российской Федерации. Со странами СНГ граничит непосредственно 21 субъект России.

Общая ситуация в состоянии приграничных связей в конце 1990-х годов была представлена 10 февраля 1999 г. руководителю рабочей группы по приграничному сотрудничеству (Миннац России) Департаментом этнических проблем русского народа, в которой читаем: «При определении перспектив приграничного сотрудничества в РФ необходимо исходить из того, что в связи с распадом СССР, образованием на его территории независимых государств 45 (51%) из 89 субъектов РФ стали приграничными. Приграничные регионы занимают 76,6% всей территории России. 24 субъекта РФ оказались в положении приграничных впервые». И сразу же была поставлена задача о разработке Концепции приграничного сотрудничества РФ и Федеральной программы приграничного сотрудничества на период до 2005 года [Бугай, 1999].

Она была утверждена постановлением Правительства РФ от 13 февраля 2001 г. № 148, 2 июля 2003 г. Утвержден также и Перечень мер по реализации названной Концепции. Все эти меры имели ценное значение в плане решения организационных вопросов, институционализации направления.

Эти проблемы обсуждались 28 марта 2003 г. на общественно-практической конференции по сотрудничеству «Развитие Северо-Востока России как региона безопасности и сотрудничества», проходившей в Пскове, а также 28 сентября 2006 г. – в г. Петрозаводске (Республика Карелия) на 2-й Международной конференции «Приграничное сотрудничество Российской Федерации и Евросоюза». Примечательной по своему содержанию явилась и состоявшаяся в декабре 2020 г. в Пскове международная конференция [Родненко, 2002].

В современных условиях проходит и процесс формирования источниковой базы этого направления в науке. Это в основном документы Минрегиона, Минэкономики и МИД России, а также местных регионов, граничащих с другими государствами.

Конечно, решение этой задачи всецело направлено на формирование условий мира и гражданского согласия и конструктивных отношений между государствами-соседями.

Что же касается Северо-Кавказского региона в России, то события 1990-х, а затем и 2000-х годов не содействовали развитию процесса сотрудничества в периферийной зоне, хотя, начиная с 1920-х годов, они имели в этом плане накопленный богатый опыт отношений как в условиях региона, так и соседними государствами. Чеченский кризис 1990-х начала 2000-х годов, а также события в Грузии, затронувшие и Северный Кавказ, не содействовали развитию этому направлению.

Несомненно, все эти проявления на границах многонациональных анклавов страны обостряли в целом и социально-экономическое положение и общественно-политическую обстановку в приграничных субъектах Российской Федерации, прерывались экономические связи как с государствами ближнего,

так дальнего зарубежья, развитие приграничной торговли. Наносился ущерб и государственной национальной политике в целом.

Тем не менее, развивающиеся экономические связи в разных отраслях промышленного производства, транспортных коммуникаций, аграрном секторе, в сфере культуры народов, присутствие желания к развитию отношений постоянно требовали перемен. Необходимо было учитывать наличие фактора приграничной торговли, способствовавшего усилению контактов между государствами и народами, их населяющими. Избранный в этом плане регион – Прикаспий заметно отличается определенной активностью в решении обозначенных проблем. Это четко прослеживается и при анализе обстановки на территории двух конкретных административно-территориальных образований – Астраханской области и Республики Дагестан.

Только в условиях второй половины 1990-х – в 2000-е годы появилась возможность обратить внимание на развитие отношений между субъектами России и приграничных стран. Это было связано с появлением некоторой свободы в выстраивании приграничных торговых контактов и в сфере культуры. Появилась в этом плане и определенная свобода.

Тем не менее и эти отношения в сфере экономики и культуры должны были осуществляться с самого начала в рамках юридических норм. Поэтому не случайно много внимания уделялась разработке нормативно-правовой – база как в Астраханской области, так и Республике Дагестан.

Что же удалось за короткое время выполнить в сложных условиях 1990-х годов в этом отношении как на федеральном уровне, так непосредственно в названных субъектах.

В информации министр международного сотрудничества Астраханской области А.Н. Кабикеев в числе документов называл базовые документы этой сферы [Кабикеев, 2007]. Это соглашения между Астраханской областью РФ и Атырауской областью Республики Казахстан об экономическом, научно – техническом и культурном сотрудничестве от 3 апреля 1995 г. (дополнение к нему было принято 25 августа 1998 г.), Соглашение между с Акиматом Мангистауской области Республики Казахстан об установлении культурных и торгово-экономических отношений от 18 июля 1999 г., Соглашение с Акиматом Западно-Казахстанской области Республики Казахстан от 9 октября 2003 г.

Не оставались в стороне эти отношения и применительно к Исламской Республике Иран, начало которым было продолжено еще в 1993 – 1994 гг. В этот период и в последующие время были заключены 20 соглашений и протоколов, регистрировавших различные аспекты торгово-экономического и культурного сотрудничества. Основой для их реализации были такие документ как Меморандум о сотрудничестве между Астраханской областью и провинцией Махзандаран ИРИ от 20 октября 1994 г. (в сотрудничестве участвовали на базе соглашений провинция Ирана – Гилянский остан (18 октября 1994 г., провинция Гилян (17 мая 1996 г., и от 10 июля 2001 г.), провинция Хормозган ИРИ от 8 апреля 2004 года).

В реализации подобные мер активно участвовали Республика Азербайджан и Туркменистан, выстраивавшие отношения на базе Соглашений

между администрацией Астраханской области и правительствами названных республик (26 апреля 2004 г. и от 17 апреля 2006 г.). Предложения со стороны администрации Астраханской области согласовывались с Мидом России, Минюстом России и другими заинтересованными федеральными органами исполнительной власти.

Анализ конкретного воплощения планов свидетельствует о широком диапазоне мероприятий, включавшим различные направления хозяйственной деятельности, культурных связей применительно к Астраханской области и названных субъектов отношений были проведены Дни культуры Астраханской области в регионах Республики Казахстан. В Астрахани состоялось 12 октября 2005 г. открытие Международного центра культуры им. Курмангазы Сагырбасана (композитор, народный музыкант, просветитель). В августе 2006 г. высокое искусство продемонстрировал профессор и композитор Карышбай Ахмедияров (Консерватория Алма-Аты). В это же время состоялся Международный фестиваль «Каспий – море дружбы» в г. Актау.

Огромное значение приобрело и празднование года Абая в России. Многие творческие коллективы Казахстана представили свое искусство в сентябре 2006 г. Творческие коллективы из областей Казахстана. Имели широкий резонанс поведения Межрегиональная научная конференция «Природа – общество и этнос в традиционных культурах Нижневолжья, Прикаспия и прилегающих территорий», а также состоявшийся международный семинар «Казахстан Россия – диалог культур» (22 – 23 декабря 2006 г.).

По направлению сотрудничества с Исламской Республикой Иран (ИРИ) был создано отделение персидского языка и иранистики на базе Астраханского педагогического университета (май 2001 г.), а также на базе Технического университета (АГТУ). Проводился обмены группами студентов с целью изучения языка. Отделение русского языка было открыто в Гилянском университете ИРИ. Организована и успешно работала Ассоциация университетов Прикаспийских государств. В олимпиадах принимают участие студенты как Астраханской области, так и всех названных провинций Исламской Республики Иран.

В подобном ключе развивались приграничные контакты Астраханской области и с Республикой Азербайджан. Конститутивные связи области с Азербайджаном были запечатлены открытием памятника известного государственного деятеля Наримана Нариманова, памятник которому был воздвигнут в г. Нариманов (апрель 2004г.). Затем состоялись неоднократные выступления творческих коллективов Азербайджанского государственного театра оперы и балета (август 2004 г.), было представлено также творчество народной артистки Азербайджана Сафаровой Афаг башир Казы, солистов театра оперы и балета, участвовавших в 7 Международном фестивале вокального искусства, (ноябрь 2004 г.) и многих других творческих коллективов. Развитие приграничного сотрудничества, особенно в гуманитарной сфере рассматривалось Республикой Азербайджан и администрацией Астраханской области как «перспективное, требующее

решения возникающих вопросов (финансирование, расширение системы грантов и пр.).

Расширение пограничного сотрудничества, несомненно, объективно повышали значение одной из составляющих российской внешнеполитической линии.

Примером может служить и развитие международного сотрудничества в Прикаспийской Республике Дагестан (Россия). Возглавил направление назначенный в 1991 г. назначенный председателем Государственного комитета по делам национальностей Республики Дагестан М. С.-М. Гусаев [Бугай, 2008]. Затем комитет был преобразован в Министерство по национальной политике, информации и внешним связям. Министр Республики Дагестан М. Гусаев ратовал за тесное приграничное сотрудничество с Республикой Азербайджан.

Конечно, на практике республика не могла выступать как субъект международного права, однако вклад подобных субъектов в развитие Российского государства имел огромное значение. Этому был подчинено и подписание 4 ноября 1999 г. Мадридской Конвенции, и ее последующая ратификация Россией позволяли поднять на новую качественную ступень приграничное сотрудничество субъектов РФ с соседними государствами, которые в большинстве своем являлись субъектами этой Конвенции, и делали Россию равным партнером в отношениях с этими государствами.

В этом ключе организовывало свою работу и Министерство по национальной политике и международным связям Республики Дагестан.

В первую очередь предпринимались значительные шаги в урегулировании вопроса между Республиками Дагестаном и Азербайджан по урегулированию проблем разделения этнических родственных народов, прежде всего лезгинского, возникавших при обустройстве государственной границы между РФ и Азербайджанской Республикой, о мерах по временному ограничению пересечения государственных границ и республик Азербайджан и Грузия.

В отношениях между Дагестаном и Азербайджаном наблюдались позитивные изменения в этом направлении. Увеличивалась интенсивность взаимодействия, возрастал объем их и расширялся спектр торгово-экономического сотрудничества. В 2002 г. была составлена и утверждена программа сотрудничества на период до 2010 года. Из Дагестана экспортировались главным образом продовольственные товары, древесина изделия из нее, строительные материалы, оборудование и другие.

Одновременно импортировались в республику овощи, продукты их переработки, алкогольные и безалкогольные напитки, продукция нефтехимического комплекса. Особенностью сотрудничества в сфере экономики было развитие кооперационных постановок между предприятиями Дагестана и Азербайджана: осуществляются поставки продукции между ДагЗЕТО (г. Избербаш) и бакинским заводом «Электроцентралит», дербентскими предприятиями «Садам», Хырдаланской фабрикой.

Знаковым событием было заключение договора о сотрудничестве между министерствами сельского хозяйства обеих республик, достигнута договоренность об открытии новых пропускных пунктов. В 2003 г. был открыт

пункт пропуска «Яраг-Казмаляр», одновременно организован новый маршрут для пассажирских перевозок Дербент – Баку. Имелись направления в этой сфере на перспективу – совместное использование водных ресурсов р. Самур.

Широкой была программа сотрудничества в сфере культур народов Дагестана и республики Азербайджан.

Разумеется, что на пути развития приграничного сотрудничества оставались еще и многие нерешенные вопросы, которые обуславливались наличием расхождений в характере их государственного устройства и рыночных режимов. Так, в Российской Федерации регионы, задействованные в пограничном сотрудничестве, относительно экономически самостоятельные и их сотрудничество практически полностью обеспечено было необходимой правовой базой. В ряду других государств над этим устанавливался жесткий контроль. Складывалось и отсутствие межгосударственной нормативно-правовой базы, низкий уровень платежно-расчетных отношений, отсутствие реального механизма обеспечения совместной хозяйственной деятельности, дисбаланс цен на товары и транспортные услуги, наличие таможенных и налоговых барьеров, неплатежеспособность некоторых конкретных хозяйствующих субъектов регионов государств – участников СНГ и других. В связи с этим предлагалось с целью преодоления этих недостатков создание Ассоциации приграничных регионов СНГ, а также принятие торгового кодекса ЕВРАЗЭС как нормативно-правового акта высшей юридической силы.

Литература

1. Бугай 1999 – Бугай Н.Ф. Служебная записка «О развитии приграничного сотрудничества, подготовленная директором Департамента этнических проблем русского народа от 11 февраля 1999 г. (Из личного архива автора).
2. Бугай 2008 – Бугай Н.Ф. Проблемы приграничного сотрудничества России: реальность и перспективы (региональный аспект) / Долг и судьба историка. Сборник статей памяти доктора исторических наук П.Н. Зырянова. М., 2008.
3. Бугай 2020 – Бугай Н.Ф. Северо-Запад России: факторы периферийности и приграничности в условиях многонациональной государственности в прошлом и настоящем / Дихотомия войны и мира: приграничные регионы в переломные исторические эпохи. Сборник материалов Всероссийской научно-практической онлайн-конференции (Пред. ред. совета: Гарбузов В.Н.). Псков: Псковский государственный университет: ООО «ПолиАрт Студио», 2020. 270 с.
4. Бугай 2012 – Бугай Н.Ф. Новые лица Российской государственности: министр Республики Дагестан Магомедсалах Гусаев / Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX – XXI вв. Материалы Международной научной конференции (1 марта 2012 г.). Липецк, 2012.
5. Кабикеев 2007 – Кабикеев А.Н. Информационная записка» Министра Международного сотрудничества Астраханской области «О перспективах развития приграничного сотрудничества Астраханской области РФ в

гуманитарной сфере» от 30 мая 2007 г. на имя зам. министра регионального развития РФ М.Н. Пономарева (Коллекция документов Минрегион России).

6. Родненко 2002 – Родненко И.В. Информационная записка зам. главы администрации Астраханской области «О реализации Концепции государственной национальной политики в Астраханской области» от 9 апреля 2002 г. на имя Министра Российской Федерации В.Ю. Зорина.

ОТНОШЕНИЕ К РЕЛИГИОЗНЫМ ОНЛАЙН-ОБЪЕДИНЕНИЯМ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ РОССИЙСКОГО ПРИКАСПИЯ

Черничкин Дмитрий Алексеевич
Астраханский государственный университет
E-mail: chernichkin95@mail.ru

Аннотация: *Статья посвящена выявлению отношения студенческой молодежи к деятельности религиозных онлайн-сообществ. В рамках поставленной цели автором было проведено мониторинговое социологическое исследование, основным методом которого стал опрос в форме электронного анкетирования (количественный метод). Результаты исследования позволили определить осведомленность респондентов относительно существования религиозных онлайн-сообществ, оценить уровень доверия к религиозному онлайн-контенту, а также проанализировать мнение студенческой молодежи о возможности угрозы со стороны религиозных сообществ, функционирующих в сети Интернет.*

Ключевые слова: *религия, интернет-пространство, конфессиональная безопасность, студенческая молодежь, Прикаспий.*

Процессы глобализации, расширение информационного пространства и появление транснациональных сетевых структур, которые иногда недостаточно контролируются, активно влияют на мировоззрение современных россиян [Джиган 2016]. Однако, важной частью их развития по-прежнему являются культурное и религиозное воспитание. На сегодняшний день, с развитием информационных технологий, потребителями которых является, по большей части, молодежь, основные векторы формирования ценностных установок находятся в виртуальном пространстве: социальных сетях, развлекательных сервисах и видеохостингах. Виртуальное пространство стало неотъемлемой частью повседневной жизни не только обычных, но и верующих людей [Гаврилов 2014].

Интернет в современном мире стал особой категорией, где происходит встреча человека с человеком, в результате чего формируются новые формы социального общения. Здесь также за несколько последних лет сложилась особая социальная реальность. В этой реальности человек сам себе хозяин и творец, не скован нормами закона и морали. Интернет-пространство привлекает

к себе огромное количество людей со всего мира и осевая коммуникация разрастается до сетевой, где одно сообщение направлено сразу нескольким получателям [Ганский 2015]. Интернет-пространство создается отдельными людьми, вступающие в различные социальные отношения и формирующие особый вид социальной реальности [Родин 2009]. Но считается, что эти социальные отношения, не смотря свое виртуальное проявление так же реальны, как и реально наше собственное существование в сфере самых обычных отношений. Также как и реальном пространстве, в интернет-пространстве складываются такие же социальные общности, в том числе и религиозные. Такие религиозные объединения хоть и являются виртуальными, но на деле являются социальными образованиями, которые влияют как на общество в целом, так и на отдельного человека.

Религия не отстает от технологического мира и постепенно переходит из реального в виртуальный мир. Так как религиозное воспитание тесно связано с системой ценностей, которая диктует поведенческую и жизненную позицию человека во многих аспектах его реальной жизни, формируя, по сути, нашу идентичность, то теперь, благодаря повсеместному распространению сети Интернет, различные религиозные учения получили возможность распространять свои ценностные установки в сети. С усложнением информационной среды повышается потребность человека в систематизированном и стабильном мировоззрении [Емельяненко, Александрова 2015], являющийся одним из условий сохранения конфессиональной безопасности. Поэтому религиям приходится подстраиваться под эти изменяющиеся условия, чтобы не растерять своего аутентичного содержания, используя интернет для привлечения неофитов.

По нашему мнению, наиболее важным фактором, влияющим на популярность религиозных онлайн-объединений, является то, что в современном религиозном сознании обозначился переход от религиозности традиционной, полученной от рождения, к вере, требующей личного выбора, а многообразие «выбора» в интернет-пространстве лишь стимулирует множественность и религиозную неопределенность. В контексте данного тезиса важным для нас представляется вопрос: каково отношение молодежи, составляющей основную аудиторию различных онлайн-сообществ, к деятельности религиозных онлайн-объединений.

Методы и процедура исследования

В октябре-ноябре 2020 года, нами было проведено мониторинговое социологическое исследование, основной задачей которого стало выявление отношения молодежи к деятельности религиозных онлайн сообществ. Используемым социологическим методом стал опрос в форме электронного анкетирования (количественный метод). Объем выборочной совокупности составил 257 респондентов – студентов высших учебных заведений Астраханской области; из них: 22,6% — юноши, 77,4% — девушки; респондентов 16-18 лет – 53,3%, 19-21 года – 39,6%, 22-24 – 6,1%. Метод

получения первичной социологической информации: электронное анкетирование, посредством использования платформы Google Forms. Погрешность выборки — 2,5%. Инструментарий и матрица исследования разработаны авторами исследования. Обработка и анализ полученных данных проведены с использованием статистического пакета IBM SPSS Statistics 21.

Результаты исследования

Основная часть опрошенных (53,0%) в той или иной степени осведомлена о существовании религиозных онлайн сообществ, действующих в интернет-пространстве, что в свою очередь подтверждает актуальность данного исследования (см. Табл. 1).

Таблица 1. Знаете ли Вы о существовании религиозных онлайн сообществ, действующих в интернет-пространстве?

Вариант ответа		%
1.	Да, знаю	24,9
2.	Что-то слышал	28,1
3.	Нет, не знаю	47,0

Анализируя ответы респондентов относительно функционирования различных религиозных сообществ через всемирную информационную сеть Интернет, необходимо обратить внимание на значительный перевес отрицательно относящихся к данной ситуации респондентов (33,6%) к 8,3% положительно или скорее положительно относящихся. Почти половина опрошенных указали нейтральную позицию относительно подобного функционирования религиозных сообществ (см. Табл. 2).

Таблица 2. Как Вы относитесь к тому, что религиозные сообщества функционируют через сеть Интернет? (%)

Вариант ответа		%
1.	Положительно	3,7
2.	Скорее положительно	4,6
3.	Нейтрально	49,3
4.	Скорее отрицательно	18,9
5.	Отрицательно	14,7
6.	Затрудняюсь ответить	8,8

На вопрос «Как Вы считаете, может ли деятельность различных религиозных сообществ, функционирующих в сети Интернет угрожать общественной безопасности?» подавляющее большинство респондентов (62,7%) высказались положительно, указывая тем самым на угрозу со стороны

определенных религиозных сообществ. Оставшиеся часть респондентов (37,3%) считают, что угрозы от религиозных сообществ, функционирующих в сети Интернет нет (см. Табл. 3).

Таблица 3. Как Вы считаете, может ли деятельность различных религиозных сообществ, функционирующих в сети Интернет угрожать общественной безопасности? (%)

Вариант ответа		%
1.	Да, безусловно	19,4
2.	Скорее может	43,3
3.	Скорее не может	29,0
4.	Нет, не может	8,3

Аргументируя свой ответ, респонденты чаще всего указывали возможную экстремистскую направленность религиозных онлайн-сообществ, где форма и предлагаемая трактовка публикуемого контента могут отрицательно влиять на систему ценностей пользователей, которые не могут правильно верифицировать и оценивать воспринимаемую информацию. Респонденты отмечают: *«Вербальные посты могут влиять на человека негативно»; «Опасны внушением идей и мировоззрения, запрещенных или потенциально опасных в обществе»; «Возникновение религиозных войн и конфликтов, что угрожает безопасности общества. Разрушение духовности и культуры верующих и пользователей сети Интернет»; «Есть возможность внедрения ложной информации людям в головы»; «Из-за неправильных интерпретаций религиозных текстов может сформироваться группа людей, планирующих незаконные действия, выдаваемые как за писания из религиозных трактатов, причем распознать их планирование будет непросто для других людей, поскольку только такая группа может интерпретировать тексты нужным им способом, то есть такая группа будет пользоваться своего рода «религиозным шифром. Помимо этого, я сталкивался с завуалированным набором в христианскую секту, неокрепшие умы, дорвавшиеся до интернета, этого не разглядят».*

Беря во внимание вышеизложенные результаты, необходимо обратить внимание на то, что подавляющее большинство участников опроса, как и их знакомые (79,3%) никогда не пользовались интернет-ресурсами с ярко выраженной религиозной тематикой. Чуть более 15% респондентов указали, что подобными Интернет-ресурсами пользовались их знакомые и только 5,5% опрошенных указали, что являются пользователями данных Интернет-ресурсов (см. Табл. 4).

Таблица 4. Пользовались ли Вы или Ваши знакомые Интернет-ресурсами с ярко выраженной религиозной тематикой (новости, социальные сети, блоги, видео, сайты)? (%)

Вариант ответа	%
----------------	---

1.	Да, лично пользовался(пользуюсь)	5,5
2.	Пользуются знакомые	15,2
3.	Не пользовался(лась)/не пользуются знакомые	79,3

Основная часть респондентов (42,4%), пользующихся интернет-ресурсами с ярко выраженной религиозной тематикой или осведомленных от своих знакомых, являющихся подобными пользователями, на вопрос: «Где чаще всего Вы наблюдаете/наблюдали подобные Интернет-ресурсы с ярко выраженной религиозной тематикой?» указали вариант «группы в социальных сетях». На втором месте по популярности среди подобных Интернет-ресурсов находятся различные форумы и блоги (21,7%), на третьем месте - специализированные сайты (19,6%), на четвертом месте – рекламные объявления (11,9%) (см. Табл. 5).

Таблица 5. Где чаще всего Вы наблюдаете подобные ресурсы? (%) (многовариантный вопрос)*

Вариант ответа		% ответов респондентов	% от всех ответов (сумма = 100%)
1.	Группы в социальных сетях	86,7	42,4
2.	Специализированные сайты	40,0	19,6
3.	Форумы, блоги	44,4	21,7
4.	Сайты знакомств	6,7	3,3
5.	Рекламные объявления	24,4	11,9
6.	Другое	2,2	1,1

* - из расчета респондентов, пользовавшихся интернет-ресурсами с ярко выраженной религиозной тематикой

При анализе ответов респондентов на открытый вопрос, было выявлено, что основной целью обращения к интернет-ресурсам с ярко выраженной религиозной тематикой является любопытство и даже образовательные цели: «Для личного интереса», «Познание нового», «Увлечение народной культурой», «С целью расширения собственного кругозора», «С образовательной целью» и др.

Наиболее популярной социальной сетью, по мнению участников исследования, в которой размещается наибольшее количество ресурсов с ярко выраженной религиозной тематикой является социальная сеть «Одноклассники» (31,8%), далее социальная сеть «ВКонтакте» (25,8%), на третьем месте «Instagram» (10,1%), видео-хостинг «YouTube» (9,2%), мессенджеры «Telegram» (8,3%) и «WhatsApp» (7,8%) (см. Табл. 6).

Таблица 6. На Ваш взгляд, в какой из социальных сетей размещается наибольшее количество ресурсов с ярко выраженной религиозной тематикой? (%)

Вариант ответа	%
----------------	---

1.	ВКонтакте	25,8
2.	Instagram	10,1
3.	Facebook	4,6
4.	Одноклассники	31,8
5.	WhatsApp	7,8
6.	Viber	2,3
7.	Telegram	8,3
8.	YouTube	9,2

Большинство респондентов (61,3%) отвечая на вопрос: «Деятельность Интернет (онлайн) религиозных сообществ аналогична деятельности классической формы религиозных сообществ, действующих в офлайн пространстве (в реальной жизни)?» ответили отрицательно, указав на значительную разницу между деятельностью религиозных сообществ в онлайн и в офлайн пространствах (см. Табл. 7).

Таблица 7. Деятельность Интернет религиозных сообществ аналогична деятельности классической формы религиозных сообществ, действующих в офлайн пространстве (в реальной жизни)? (%)

Вариант ответа		%
1.	Да, деятельность аналогична (одинаковая)	38,7
2.	Нет, деятельность не аналогична (различная)	61,3

При анализе ответов респондентов на открытый вопрос «Почему деятельность Интернет (онлайн) религиозных сообществ не аналогична деятельности классической формы религиозных сообществ, действующих в офлайн пространстве (в реальной жизни)?» были получены следующие группы ответов: невозможность верификации информации, возможное искажение интерпретации и каналов воздействия на пользователей, ориентация на коммерческий успех и маркетинговую деятельность: «Деятельность сообществ в сети представлена больше как маркетинг. Так же присутствует конкуренция с церковными и другими сообществами, что влияет в целом на религию»; «Потому что в интернете нельзя так донести информацию, как в реальной жизни»; «Потому что ты не видишь, кто находится по другую сторону экрана, какие цели он преследует и т.д.»; «Невозможно воспроизвести ту деятельность, которую проводят различные религии (обряды, таинства и т. д.) в онлайн-режиме».

Общий уровень доверия респондентов к религиозному контенту в сети Интернет находится на достаточно низком уровне. Подавляющее большинство участников опроса (63,6%) не доверяют религиозному контенту в сети Интернет, а также ресурсам с ярко выраженной религиозной тематикой.

Доверяющих подобному контенту – чуть менее 15%. Затруднились ответить на данный вопрос – 21,7% респондентов (см. Табл. 8).

Таблица 8. Оцените Ваш общий уровень доверия к религиозному контенту в сети Интернет (%)

Вариант ответа		%
1.	Полностью доверяю	3,2
2.	Скорее доверяю	11,5
3.	Скорее не доверяю	27,2
4.	Полностью не доверяю	36,4
5.	Затрудняюсь ответить	21,7

Анализ связи между уровнем доверия и оценки отношения к функционированию религиозных сообществ в сети Интернет не показал противоречий в ответах респондентов. Так, из 100% респондентов, заявивших о своем полном доверии религиозному контенту, 74% ответили, что положительно относятся к функционированию религиозных сообществ в сети (см. Табл. 9).

**Таблица 9. Оценка общего уровня доверия к религиозному контенту в сети Интернет *
Отношение к религиозным сообществам, функционирующим через сеть Интернет (%)**

Оценка общего уровня доверия к религиозному контенту в сети Интернет	Отношение к религиозным сообществам, функционирующим через сеть Интернет					
	1. Положительно	2. Скорее положительно	3. Нейтрально	4. Скорее отрицательно	5. Отрицательно	6. Затрудняюсь ответить
1. Полностью доверяют	71,4%	-	28,6%	-	-	-
2. Скорее доверяют	8,3%	29,2%	50,0%	4,2%	4,2%	4,2%
3. Скорее не доверяют	1,8%	1,8%	63,2%	26,3%	5,3%	1,8%
4. Полностью не доверяют	-	1,3%	33,3%	23,1%	34,6%	7,7%
5. Затруднились ответить	-	-	63,0%	13,0%	-	23,9%
Итого	3,8%	4,2%	49,5%	18,9%	14,6%	9,0%

При анализе сопряжения индикаторов возможности угрозы со стороны религиозных сообществ, функционирующих в сети Интернет и отношения к религиозным сообществам, функционирующим через сеть Интернет была установлена четкая взаимосвязь ответов, отрицательно относящихся к религиозным сообществам, функционирующим через сеть Интернет и в свою очередь считающих, что от данных религиозных сообществ может исходить угроза общественности. В обратном случае выявлена зеркальная тенденция:

положительно относящиеся к религиозным сообществам, функционирующим через сеть Интернет считают, угроз от данных сообществ исходить не может (см. Табл. 10).

Таблица 10. Возможность угрозы со стороны религиозных сообществ, функционирующих в сети Интернет* Отношение к религиозным сообществам, функционирующим через сеть Интернет (%)

Возможность угрозы со стороны религиозных сообществ	Отношение к религиозным сообществам, функционирующим через сеть Интернет					
	1. Положительно	2. Скорее положительно	3. Нейтрально	4. Скорее отрицательно	5. Отрицательно	6. Затрудняюсь ответить
1. Да, безусловно	-	2,4%	26,8%	19,5%	43,9%	7,3%
2. Скорее может	-	-	47,3%	31,2%	10,8%	10,8%
3. Скорее не может	6,6%	9,8%	70,5%	4,9%	3,3%	4,9%
4. Нет, не может	23,5%	11,8%	41,2%	-	5,9%	17,6%
Итого	3,8%	4,2%	49,5%	18,9%	14,6%	9,0%

Заключение

Таким образом, на сегодняшний день религиозные объединения активно используют интернет-технологии в своей деятельности, так как они в большей степени соответствует потребностям и возможностям в информационной сфере и имеет наибольший охват аудитории по сравнению с другими медиаканалами трансляции информации. Сеть Интернет, будучи пространством свободы самовыражения, способствует выражению радикальных мнений и может выступать катализатором для экстремистских движений, позиционирующих себя в качестве представителей традиционных религий, где данная позиция представляет собой угрозу конфессиональной безопасности не только для поликультурных регионов, но и для России в целом. Актуальность данного исследования подтверждается тем, что основная часть респондентов (53,0%) в той или иной степени осведомлена Вы о существовании религиозных онлайн сообществ, действующих в интернет-пространстве.

Больше половины респондентов видят в религиозных онлайн-сообществах потенциальную угрозу общественной безопасности, но данное утверждение, на наш взгляд, является субъективным, так как больше 79% участников опроса никогда не посещали и не пользовались подобными интернет-ресурсами. Также часть респондентов указала на значительную разницу между деятельностью религиозных сообществ в онлайн и в офлайн пространствах. Общий уровень доверия представителей студенческой молодежи г. Астрахани и Астраханской области к религиозному контенту в сети Интернет находится на достаточно низком уровне. Подавляющее большинство участников опроса не доверяют религиозному контенту в сети Интернет, а также ресурсам с ярко выраженной религиозной тематикой. Доверяющих подобному контенту в рамках данного

опроса насчитывается около 15%. Затруднились ответить на данный вопрос чуть меньше четверти респондентов.

Литература

1. Джиган 2016 – Джиган М.В. Влияние глобализационных процессов на трансформацию информационного общества // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2016. №2(10). С.138-142.
2. Гаврилов 2014 – Гаврилов Е. О. Оцифрованное сакральное: особенности существования религии в интернет-пространстве (по материалам СМИ) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. Вып.28. С.177-183.
3. Ганский 2015 – Ганский П. Н. Интернет-пространство как особая коммуникационная среда и его влияние на современные общества // Теория и практика общественного развития. 2015. Вып.17. С.118-121.
4. Родин 2009 – Родин А.В. Коммуникационное пространство как социальная реальность. Дисс...к.ф.н. Саранск, 2009. 164 с.
5. Емельяненко, Александрова 2015 – Емельяненко В.Д., Александрова Н.В. Интернет и мировоззренческие основания религиозного сознания // Альманах современной науки и образования. 2015. №2(92). С. 28-33.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Глазков Александр Петрович
Астраханский государственный университет
E-mail: alpglazkov@yandex.ru

Востриков Игорь Владимирович
Астраханский государственный университет
E-mail: igvladvost@mail.ru

Лопатинская Тинатин Давидовна
Астраханский государственный университет
E-mail: kardentin@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы духовной безопасности, которые возникают в процессе цифровизации виртуальной реальности. Проблема духовной безопасности затрагивается в контексте необходимости использования искусственного интеллекта. Виртуальность в целом понимается как конструирование особой искусственной сферы, которая в условиях цифровизации усиливает свои возможности. Цифровизация резко усиливает позиции электронной культуры и виртуальной среды в

целом. Цифровые технологии позволяют оперировать огромными массивами данных, создавать инновационные продукты в области виртуальной реальности. Цифровизация возникает как попытка подчинить себе вал информации, структурировать ее, оперировать огромными массивами данных. Возникает необходимость использования искусственного интеллекта, для того чтобы преодолеть границы возможностей человеческого восприятия и анализа. Искусственный интеллект является удобной и действенным инструментом обработки огромного количества данных. В тоже время в условиях геополитического и идеологического противостояния, он может использоваться и во вред обществу. Виртуальная сфера оказывает свое воздействие на духовном уровне. Поэтому угроза духовной безопасности общества видится в использовании виртуальной реальности в качестве орудия манипулирования сознанием человека. Это в свою очередь касается безопасности страны в целом.

Ключевые слова: *цифровизация, безопасность, виртуальная реальность, искусственный интеллект.*

К XXI веку человечество оказалось на пороге новой, цифровой эры в развитии цивилизации. Понятием «цифровая эра» или «цифровая эпоха» обозначается этап развития информационно-коммуникативных технологий, открывающий новые возможности работы с информацией и средствами коммуникации. Цифровые технологии позволили оперировать огромными массивами данных, создавать инновационные продукты в области виртуальной реальности, расширить коммуникационные возможности сети Интернет.

В техническом отношении цифровую эпоху трактуют как переход от аналоговой информации к информации в формате «digital». В результате получают широкое распространение цифровые технологии, которые передают информацию с помощью дискретной кибернетической системы. Это в свою очередь позволяет одновременно и быстро решать множество задач. Широкое использование цифровых технологий или «цифровизация» становится реальностью нашей современной эпохи, поэтому понимание ее сущности является актуальной философской задачей. Осмысление цифровизации как общественно-значимого фактора рождает множество оценок и интерпретаций такого влияния и его последствий. Соответственно использование цифровизации в различных отраслях общественной и профессиональной деятельности тоже будут иметь различные нюансы, которые отражают конкретную специфику этой деятельности. Цифровизация становится одним из важнейших факторов развития современного мира, который изменяет потребности людей и уклад их жизни, оказывает влияние на сознание человека и культурное развитие социума. Выявить проблемные узлы этого влияния с точки зрения духовной безопасности является актуальной задачей для научного познания.

Впервые понятие цифровизация появляется в 1971 году в связи с анализом развития компьютерных технологий [Данилова и др. 2020, с. 7]. В настоящее время термин «цифровизация» активно используется научными кругами для обозначения широкого спектра проблематики, связанной с развитием компьютерных и информационных технологий. Цифровизация по своему замыслу, реализации и последствиям является многомерным явлением

современной эпохи, поэтому существует множество определений цифровизации. В узком смысле – это означает оцифровку данных и «вещей» этого мира, а в широком – внедрение и широкое распространение цифровых технологий в профессиональной, общественной деятельности и в обычной жизни людей. Исходя из различий в понимании сущности понятия «цифровизация», можно предположить, что этим понятием обозначается один из значимых факторов развития современной цивилизации, который становится движущей силой развития общества.

В технологическом отношении цифровизация представляет собой оперирование с большой скоростью огромными массивами данных. Техническая, по сути, операция «оцифровки» открывает новые возможности в области виртуализации и тем самым, в свою очередь становится фактором, влияющим на развитие общества. Чтобы приблизиться к пониманию сути происходящих перемен, связанных с цифровизацией необходимо рассмотреть феномен виртуальности.

Слово «виртуальность» имеет множество значений, которые появлялись и входили в разное время в европейскую философскую традицию. Чтобы получить философское осмысление понятия виртуальности, необходимо выделить общую смысловую основу, через которую раскрывается сущность виртуальности как таковой во всех ее проявлениях. Так, например, Е.В. Грязнова насчитывает порядка 11 концепций виртуальной реальности [Грязнова 2013]. В этой связи отмечается наложение терминологических значений понятия «виртуальная реальность». Можно выделить два основных возможных варианта терминологических значений:

1. Онтологический: виртуальная реальность – есть «невидимая» часть действительности, которую необходимо иметь в виду, когда мы говорим о полноте реальности. В этом своем значении данное понимание виртуальной реальности используется, например, в научном познании микромира.

2. Гносеологический: реальность, конструируемая или конституируемая человеком, которая представляет собой субъективно выраженную чувственно постигаемую реальность.

Эти два подхода, которые исторически проявили себя в процессе использования термина виртуальность, представляются противоположными друг другу. В первом случае речь идет об идеальной, энергичной реальности, которая проявляет себя в сознании человека, в процессе опытного постижения мира. Во втором случае речь идет о представлении, которое возникает естественным путем, через работу нашего сознания и самосознания. Рассматривая гносеологический взгляд на виртуальность, можно отметить, что виртуальная реальность может быть создана и искусственным путем через творческое создание моделей реальности. Формы такого искусственного представления реальности могут быть самыми различными. Здесь необходимо выделять два компонента: смысловой – содержательный и технический – каким образом исполнено. Техническое исполнение может быть самым разным. Появление и развитие компьютерных технологий привело к созданию целого феномена компьютерной виртуальной реальности – электронной культуры.

Возникла и стремительно развивается виртуальная среда, которая окружает человека и в которую он оказывается погруженным наряду со своим естественным представлением реальности. Цифровизация резко усиливает позиции в общественном сознании электронной культуры и виртуальной среды в целом.

Прояснение статуса понятия «виртуальная реальность» в последние годы увеличило степень адекватности восприятия данного термина, под которым теперь понимается, по терминологии С.С. Хоружего, «многомодусное бытие, допускающее большое количество вариантов развития событий» [Хоружий 1997, с. 53]. Причем, если философ в этом определении делает акцент исключительно на компьютерную виртуальную реальность, это не исключает экстраполяции данного определения на весь созданный техническими средствами мир, *встраивающийся* в человека через его ощущения, такие как слух, осязание, обоняние, зрение и другие. И мы будем недалеко от истины, если предположим, что постепенно определения виртуальной реальности будут дополняться, особенно если учитывать, что этот культурно-технологический феномен был впервые зафиксирован еще в 1960-е годы в США, а в научный оборот введен в 1984 году Джароном Ланье [Гаврилов 2014а, с.162].

Особый акцент обозначенный мыслитель делает на технической природе виртуальности, позволяющей назвать ее «иллюзорной реальностью», у истоков которой стоят компьютерные технологии. Впрочем, современную виртуальную реальность далеко не все ученые считают обусловленной исключительно компьютерными технологиями, но полагают, скорее, субъективной реальностью, в которой акцент делается именно на субъективности. Так, И.Г. Корсунцев видит в виртуальной реальности «переработку» бытия субъектом с точки зрения присущей ему логики» [Гаврилов 2014б, с.94]. А его американский коллега П. Тиллих, говоря о «виртуальном», вскрывает «интеллектуальную способность самого человека создавать виртуальные вещи, выступать творцом виртуального мира» [Гаврилов 2014б, с.94]. И в этих определениях роль компьютеризации в процессе создания нового мира, параллельного реальному и частично перекрывающему его, существенно сужается.

Не углубляясь в лингвистические и историко-философские корни происхождения рассматриваемого термина, которые изучают в своих работах Е.А. Солодкина [Солодкина 2004-2005, с. 189], В.Н. Первушина и С.Н. Хуторной [Первушина, Хуторной 2016, с. 53-60], А.А. Гаврилов [Гаврилов, Гаврилов 2014б, с. 163] и другие, стоит отметить повышение интереса ученых к текущему состоянию понятия «виртуальная реальность» и, одновременно, поляризацию их взглядов на проблему. От отношения к виртуальной реальности как к «недобытию» у С.С. Хоружего до реальности, «созданной на основе замещения ценностных и институциональных элементов общества симулякрами» (в видении постмодернистов, в первую очередь, Ж. Бодрийера, а также преподавателя философского факультета МГУ Д.В. Иванова). При этом не подвергаются сомнению такие свойства виртуальной реальности, как альтернативность (реально существующему миру), субъективность восприятия,

социальность и наличие определенной системы ценностей, особое место в которой отводится *симулякрам*.

В целом же развитие представлений о виртуальной реальности вполне отражает развитие общества в целом. Именно поэтому социологи Н. Луман [Луман 2004, с. 68] и М. Паэтау [Игнатъев и др. 2009, с. 183] рассматривают быстрое развитие процессов виртуальности в последние 40-50 лет как предтечу глобальных социальных дифференциаций, которые помогают обществу не только совершить сравнительно безболезненный переход к обществу нового типа, но и самовоспроизводиться. И в этом смысле усложнение происходящих в обществе процессов может говорить и о быстром развитии в нем виртуализации.

Чем больше в обществе преобладают тенденции виртуализации – тем заметнее в нем становятся несовершенства реальной жизни, с которыми начинается борьба через внесение в этот реальный мир новых смыслов, традиций, ценностей, порожденных в виртуальном пространстве. И от того, насколько успешно удастся соединиться и дополнить друг друга в этом важном деле двум реальностям, зависит, по большому счету, успех развития социума в целом. А усиление интереса к сущности, характеристикам и проявлениям виртуальной реальности в целом позволяет говорить о тенденциях к равноправию двух разновидностей реальности в быстро меняющемся мире.

Цифровизация виртуальной реальности является причиной трансформации всего уклада социальной и личной жизнедеятельности, меняется система ценностей, ускоряются временные параметры научно-технического развития, усиливаются процессы глобализации, упрощается доступ к информации через различные средства связи, снимаются множество ранее существовавших ограничений и барьеров, например, пространственных, технических, языковых и т.д.

Цифровизация возникла, как попытка подчинить себе стремительно нарастающий вал информации. Цифровые технологии сделали возможным оперировать огромными массивами данных, создавать инновационные продукты в области виртуальной реальности. Развитие культуры представляет собой динамический процесс, вектор которого зависит от разнообразных преобразований. Современная эпоха, значимое влияние на которую оказал фактор информационных технологий, стала погружаться в новое многомерное цифровое пространство. Следствием этого одним из ведущих направлений ее развития стал процесс цифровизации культуры.

Подобные факты реального усиления значения «цифры» стали определяющими в трансформации потребностей, а также культурных ориентиров как каждого отдельного индивида, так и всего социума. В результате подобных изменений общество получило новое цифровое измерение и, как следствие, «нового» человека. При этом, представляется необходимым отметить, что цифровая эпоха является значимым следствием информатизации, новая цифровая среда, активно воздействуя на все сферы жизнедеятельности индивида показывает трансформирующее воздействие на культуру в целом, оцифровывая ее феномены и процессы.

Технические возможности в цифровом варианте расширились, информационный поток резко вырос, предоставление информации и ее представление обрело новые возможности. Проблема, которая возникла и которая требует внимания: как человек воспринимает этот огромный вал информации и как он осмысляет эти данные.

Быстрый доступ к необходимой информации ускоряет процесс работы над проблемами в самых разных сферах жизнедеятельности общества. С другой стороны, это увеличивает информационную нагрузку на человека, ускоряет движение его личного времени. Физические возможности человека не изменились, он остается таким же, каким он был всегда. На восприятие информации и ее осмысление уходит столько же времени, сколько это было и раньше, до информационной эпохи. Дополнительные возможности ему дает обучение, тренировка внимания, специальная подготовка, использование специальных техник и методик, но человеческим возможностям все равно есть предел, перейти который человек не может. При цифровизации объем и формы представления информации и создаваемой виртуальной реальности давно уже превышают физические возможности восприятия. На усвоение и понимание резко возросшего объема информации не хватает времени. Поэтому в процессе усвоения информации, она фрагментируется, воспринимается поверхностно. Проблема в том, что информация и виртуальная реальность формируется дискретно, а восприятие у человека целостно. Поэтому восприятие дробится на фрагменты, фрагментируется. В цифре объемы информации резко увеличиваются, сознание не справляется и само включается в дискретный контекст и само становится дискретным, то есть не целостным, а ущербным. Как следствие, человек «растворяется» в текущей информации, его жизненно важные ценности и цели виртуализируются. Бывшие ранее в его реальной жизни они начинают уходить в искусственно созданный виртуальный мир.

Проблему пытаются решить через разработку и подключение к решению восприятия информации и принятию решений искусственного интеллекта.

Использование искусственного интеллекта открывает огромные возможности для человечества. Помимо военной сферы он активно применяется в духовном пространстве человеческой жизнедеятельности, которое как отмечалось выше включает в себя виртуальную составляющую. Техническая возможность описывать одновременно десятки самых различных события и выдавать по ним решение может быть использовано не только в рекламной деятельности. Это открывает возможность манипулировать общественным мнением. Интернет-боты могут навязывать определенные темы, решения актуальных проблем, расставлять смысловые и ценностные акценты. Например, как отмечается в исследованиях: «Организации, которые искусственно продвигают контент, могут манипулировать повесткой дня: чем чаще люди видят определенный контент, тем более важным они его считают» [Пашенцев и др. 2020, с. 191]. Таким образом, искусственный интеллект является мощным орудием в информационном пространстве.

Фрагментация сознания и тем более погружение в виртуальную реальность открывает возможность манипулированию сознанием человека,

навязывание ему определенного видения, духовное подчинение человека. В условиях глобализации, когда границы исчезают и потоки информации не встречают барьеров это открывает возможность в условиях геополитического противостояния духовно подчинить себе человека. Данная возможность затрагивает проблему духовной безопасности страны.

Литература

1. Гаврилов 2012 – Гаврилов А. А. Основные подходы к определению категории «виртуальная реальность» в современном философском дискурсе // Молодой ученый. 2014. № 9(44). С. 162-166.
2. Гаврилов 2012 – Гаврилов А.А. Осмысление феномена виртуальной реальности в философском дискурсе // Омский научный вестник. 2014. №2. С.93-96.
3. Грязнова 2013 – Грязнова Е.В. Философский анализ концепций виртуальной реальности // Философская мысль. 2013. № 4. С. 53-82.
4. Данилова и др. 2020 – Данилова Л.Н., Ледовская Т.В., Солынин Н.Э., Ходырев А.М. Основные подходы к пониманию цифровизации и цифровых ценностей // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26. № 2. С. 5-12.
5. Игнатъев и др. 2009 – Игнатъев В.И., Владимирова А.Н., Степанова А.Н. Социальная система как информационное взаимодействие: коллективная монография. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2009. 308 с.
6. Луман 2004 – Луман Н. Л. Общество как социальная система. М: Издательство «Логос». 2004. 232 с.
7. Пашенцев и др. 2020 – Пашенцев Е.Н., Фан К.Н.А., Дам В.Н. Злонамеренное использование искусственного интеллекта в Северо-Восточной Азии и угрозы международной информационно-психологической безопасности // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 80. С.178-199.
8. Первушина, Хуторной 2016 – Первушина В.Н., Хуторной С.Н. Виртуальная реальность: методологические подходы к определению понятия // Вестник ВГУ. Сер. Философия. 2016. № 4. С. 52-64.
9. Солодкина 2004-2005 – Солодкина Е.А. К определению понятия «виртуальная реальность» // Вестник РУДН. Сер. Философия. 2004-2005. №1. (10-11). С. 189-196.
10. Хоружий 1997 – Хоружий С.С. Род или недород? // Вопросы философии, 1997, № 6. С.53 - 68.

КУЛЬТУРНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК МЕХАНИЗМ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Демина Анастасия Владимировна
Астраханский государственный университет
E-mail: anastasiya_demin@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу осмысления феномена культурного интеллекта как процесса межкультурного понимания и успешной межкультурной коммуникации с позиции принятия инокультуры как основы коммуникационного процесса между представителями разных культур. В рамках статьи рассматривается и анализируется понятие культурного интеллекта (культурного коэффициента) в пространстве межкультурной коммуникации, межкультурного обмена и взаимодействия, а также ставится вопрос об актуализации теоретических научных исследований культурного интеллекта как важного аспекта межкультурного диалога в поликультурном обществе. В свою очередь, межкультурный диалог напрямую сопряжен с проблематикой культурной безопасности, которая в пределах статьи осмысливается, прежде всего, как система мер, направленная одновременно на сохранение самобытности культур и устойчивое развитие межкультурного обмена в рамках поликультурного региона. Такой подход позволяет выявить онтологические связи между функциональной природой культурного интеллекта как социокультурного феномена и практики и культурной безопасности как процесса сохранения и устойчивого межкультурного развития. Осмысление такого рода связей позволяет в теоретическом плане актуализировать вопрос о возможности и целесообразности представления культурного интеллекта как механизма укрепления культурной безопасности в пределах поликультурного региона, каким является, к примеру, Астраханская область.

Ключевые слова: культурный интеллект, культурная безопасность, национальная культура, национальная безопасность, межкультурная коммуникация, культурный коэффициент, культурная компетентность, межкультурный диалог, культурное разнообразие, поликультурный регион.

Современный мир в силу бурного и неуклонного развития компьютерных, информационных и телекоммуникационных технологий характеризуется, несмотря на все современные эпидемиологические ограничения сегодня, диффузностью границ, а также взаимообусловленными процессами глобализации и глокализации. Все это актуализирует необходимость выстраивать гармоничные отношения в сфере межкультурной коммуникации, не умаляя особенностей каждой из культур и способствуя поддержанию социокультурного гомеостаза в рамках культурного разнообразия. Культурный плюрализм, в свою очередь, во многом актуализирует проблему культурной безопасности, ключевого вопроса с пространстве поли- и мультикультурного общества.

В осуществлении данной задачи большую помощь способно оказать формирование так называемого культурного интеллекта (cultural intelligence), или, по-другому, культурного коэффициента (CQ). Разработка концепта «культурный интеллект» - достаточно инновационное направление в пространстве гуманитарного дискурса, особенно в рамках культурологических исследований (где практически отсутствуют академические исследования на данную тему) Для того, чтобы определить степень важности развития

культурного интеллекта, проанализируем для начала семантическое и концептуальное содержание данного социокультурного феномена.

Согласно точке зрения российских психологов, понятие «культурный интеллект» - это прежде всего умение понимать инокультурные коммуникационные знаки (вербальные и невербальные) и на этой основе правильно, эффективно гармонично выстраивать процесс межкультурной коммуникации, решая в результате такого взаимодействия обоюдных коммуникационных задач, для работы над которыми важным условием является принятие и равно уважительное отношение к специфике другой культуры [Беловол, Шкварило, Хворова 2012].

Несмотря на ярко выраженную актуальность исследования механизмов формирования культурного интеллекта, концепция культурного интеллекта оформилась не сегодня – ей предшествовали академические исследования в области психологии. Так, например, еще в 20-х годах прошлого столетия американский политический обозреватель В. Скаггс употребляет в одной из своих работ термин «культурный интеллект», анализируя разницу в специфике ментальности жителей северных и южных штатов США [Skaggs 1924]. В конце XX столетия в рамках становления кросс-культурной психологии американский психолог Р. Брислин разработал модель кросс-культурного интеллекта, представляющую собой совокупность знаний, умений и навыков, которые помогают человеку приспосабливаться к реалиям культурного (в особенности инокультурного) пространства [Брислин 2006].

Наконец, в 2003 году американский психолог Кристофер Эрли и сингапурский профессор психологии Сун Анг изложили концепцию культурного интеллекта на страницах своей совместной работы «Культурная образованность: индивидуальные взаимодействия между культурами». По мысли ученых, культурный интеллект – это «эффективное взаимодействие в ситуациях культурного многообразия» [Earley 2003, p. 48]. Другими словами, речь идет о приобретённом навыке личности адаптироваться к инокультурной среде; данное умение помогает принимать человеку отличия и специфику чужой культуры «без потери собственной культурной идентичности» [Earley, Peterson 2004, p. 112]. Такое понимание весьма созвучно с трактовкой концепта толерантности, однако, толерантность предполагает меньшую двустороннюю коммуникацию, направленную на взаимопонимание, так как основа толерантности – это прежде всего принятие другого со стороны «Я», тогда как понимание и взаимопонимание в данном случае являются производными от принятия.

Сформулировав свою теорию на основе многочисленных эмпирических исследований в более чем 20 странах, К. Эрли и С. Анг выделили 4 базовых компонента в концепции культурного интеллекта: когнитивный, метакогнитивный, мотивационный и поведенческий. Когнитивный компонент основывается прежде всего на знании о том, что в мире существует множество равноценных и уникальных культур, а также на понимании того факта, что другая культура – это не антитеза собственной, а просто другой локус, который имеет место быть. Метакогнитивный компонент предполагает уже не просто

понимание, а побуждение к пониманию и принятию другой культуры как равновеликой по отношению к родной социокультурной средой. Побуждение – это в данном случае уже сознательная работа мысли, рефлексия, требующая (особенно в поли- и мультикультурном пространстве) постоянной перенастройки собственного сознания по отношению к инокультуре. В этом кроется залог успешной межкультурной коммуникации.

Мотивационный аспект основывается уже не просто на побуждении, а на степени желания понять другую культуру и выработке стратегических действий на пути к межкультурному пониманию. Логично предположить, что данный компонент требует еще больших ментальных усилий со стороны участников межкультурных отношений. «Можно заметить, что, пожалуй, именно эта составляющая может оказаться наиболее проблематичной, поскольку для большинства людей характерно стремление оставаться в рамках привычного поведения и нежелание перестраивать свои привычки» [Хан 2020, с. 19].

Наконец, поведенческий аспект концепции культурного интеллекта детерминирован тем набором действий, которые выбирают участники межкультурного общения. Разумеется, данные действия должны помочь успешному и гармоничному общению и пониманию между представителями разных культур. Кроме того, выбор действий должен также учитывать правила и нормы поведения в инокультуре. Важно также отметить, что для гармоничного межкультурного общения действия должны быть обоюдными. Другими словами, все участники межкультурной коммуникации должны быть заинтересованы не просто в общении, но и в понимании и принятии друг друга как равновеликих коммуникационных партнеров.

Рассмотрение концепции культурного интеллекта будет неполным без учета сопутствующих терминов. Так, логично предположить, что культурный интеллект как приобретаемое личностью свойство мышления целесообразно измерять в неких количественных эквивалентах, чтобы иметь возможность следить за динамикой развития культурного интеллекта у каждой отдельно взятой личности и социокультурной общности в целом. Таким важным количественным показателем в рамках теории о культурном интеллекте является термин «культурная компетентность», который может быть расшифрован в общем смысле как показатель развитости культурного интеллекта, так называемый индекс CQ. С точки зрения американского социолога Дэвида Ливермора, культурная компетентность – это форма культурного интеллекта, похожая по своей сути на IQ и EQ (эмоциональный интеллект), однако, уникальная в том, что «фокусируется именно на навыках, необходимых для успеха в незнакомых культурах» [Livermore 2009, p.120].

Концепция культурного интеллекта наиболее актуализирована сегодня в бизнесе, образовании, политических отношениях и сфере дипломатии. Однако это не значит, что концепт культурного интеллекта применим только в глобальных сферах социокультурного бытия современного человека. Логично, что развитие культурного интеллекта и повышение в связи с этим уровня культурной компетентности целесообразно в области художественной культуры, культурного наследия, а также в орбите повседневных культурных

практик. Таким образом, исследование и дальнейшее развитие концепции культурного интеллекта может быть актуально и для культурологического дискурса. Более того, культурологическая направленность изучения культурного интеллекта способна не только обогатить саму концепцию, но и значительно расширить границы исследования, сместив фокус с психологического аспекта проблемы на собственно социокультурный.

К примеру, рассмотрение культурного интеллекта в области культурологии может помочь сформулировать гипотезу о возможности развития культурного интеллекта не только у конкретно взятой личности, но и у социокультурной общности в целом (этнической группы, народа и пр.). Что для этого потребуется в таком случае? Только лишь 4 упомянутых выше компонента теории культурного интеллекта или же плюс к этому, ментальные установки, являющиеся маркерами мышления той или иной социокультурной группы? Здесь мы входим в область задач культурной антропологии.

Безусловно одно - развитие культурного интеллекта актуально прежде всего для межкультурной коммуникации в поликультурном обществе или регионе, сопряженной с проблематикой культурной безопасности. Здесь важно уточнить, что концепт «культурная безопасность» целесообразно понимать не только как «поддержание безопасности в культурной сфере (предотвращение религиозных и этнических конфликтов, упадка духовности, разрушения культурных памятников), но и поддержание национальной безопасности через развитие культурного самосознания» [Романова 2012, с. 261].

Национальная безопасность в таком ключе невозможна без такого компонента, как национальная культура, которая представляет собой не герметичный, пространственно-временной континуум, а живой, постоянно развивающийся социокультурный процесс, открытый для кросс-культурного обмена. Какой бы уникальной и самобытной не была та или иная национальная культура, она по своему генезу «так или иначе, связана с культурами других народов, с мировой культурой, обогащается сама их ценностями, опытом, идеями, инновациями...» [Маршак, Сергеев 2008, с. 4]. В то же время ««культурный взаимообмен предполагает сохранение их уникальности, самостоятельности» [Маршак, Сергеев 2008, с. 4].

Таким образом, разнонаправленные, но одновременно протекающие процессы сохранения уникальности национальной культуры (культур) и ее модернизации вследствие межкультурного взаимного обмена (диалога) провоцируют постановку вопроса о культурной безопасности этноса, нации, государства. Так как культурный интеллект по своей сути представляет собой эффективный процесс межкультурной коммуникации по принципу «равный – равному», то функциональное поле культурного интеллекта и область задач культурной безопасности могут являться предметом единого философско-культурологического дискурса при условии трактовки культурной безопасности как системы «внутренней саморегуляции и стабилизации общества, направленной на ее развитие и сохранение одновременно» [Романова, Бичарова 2015, с. 48].

Все это позволяет обосновать гипотезу о том, что исследования в области культурного интеллекта и культурной компетентности могут быть полезны для развития меж- и кросс-культурных коммуникаций в Астраханском регионе. Согласно данным, размещенным на официальном интернет-портале «Астраханская область. РФ» (www.astrobl.ru), в настоящее время на территории Астраханской области проживают представители более 120 народностей, национальностей и малых этнических групп (объединенных в более чем 30 конфессий). Кроме того, в области действуют 46 национальных общественных объединений. В соответствии с этим, Астраханская область – довольно значимый поликультурный регион. Таким образом, становится очевидным, что в сфере культурного развития для Астрахани в целом одними из приоритетных задач являются анализ культурного разнообразия региона и поддержание стабильности межэтнического взаимодействия, обеспечение культурной безопасности.

Кроме того, Астраханский регион также характеризуется своим переплетением культурных традиций и позитивным опытом совместного межкультурного общения и проживания на одной территории. Достаточно ли для такого рода межкультурной коммуникации проявления толерантности или же толерантное отношение к друг другу – лишь основа, тогда как развитие культурного интеллекта может способствовать дальнейшему укреплению межкультурного диалога в рамках повышения культурной безопасности в регионе? Постановка такого вопроса определенно требует отдельных и полномасштабных культурологических и междисциплинарных исследований. Логично предположить, что исследования в области культурного интеллекта в совокупности с расширением проблематики толерантности и культурной безопасности гипотетически способны дать нужные и важные результаты в области межкультурных коммуникаций и культурной политики в Астраханской области.

Литература

1. Беловол, Шкварило, Хворова 2012 – Беловол Е.В., Шкварило К.А., Хворова Е.М. Адаптация опросника «Шкала культурного интеллекта» К. Эрли и С. Анга на русскоязычной выборке // Вестник РУДН. Серия Психология и педагогика. 2012. № 4. С. 5-14.
2. Брислин 2006 – Брислин Р. Кросс-культурная психология // Психологическая энциклопедия. СПб.: Питер, 2006. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_psychology/416
3. Маршак, Сергеев 2008 – Маршак А.Л., Сергеев В.В. Культурная безопасность московского мегаполиса. М.: Серебряные нити, 2008. 520 с
4. Романова 2012 – Романова А.П. Культурная безопасность как предмет философских дискуссий // Гуманитарные исследования. 2012. № 4. С. 258-263.

5. Романова, Бичарова 2015 – Романова А.В., Бичарова М.М. Проблема культурной безопасности в научном дискурсе // Человек. Сообщество. Управление. 2015. Т. 16. №2. С. 36-55.
6. Хан 2020 – Хан Ш.Д. Роль культурного интеллекта в современном глобальном мире // Философская мысль. 2020. № 10. С. 17-29. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34088
7. Skaggs 1924 – Skaggs W.H. The Southern Oligarchy: An Appeal in Behalf of the Silent Masses of Our Country against the Despotic Rule of the Few. N.Y.: The Devin-Adair Company. 1924. 420 p.
8. Earley 2003 – Earley P.C., Ang S. Cultural Intelligence: Individual interactions across cultures. Stanford, CA: Stanford University Press, 2003. 310 p.
9. Earley, Peterson 2004 – Earley P.C., Peterson S.R. The Elusive Cultural Chameleon: Cultural Intelligence as a New Approach to Intercultural Training for the Global Manager // Academy of Management Learning and Education. 2004. Vol. 3. No. 1. P. 100-115.
10. Livermore 2009 – Livermore D. Leading with Cultural Intelligence. New York: AMACOM. 2009. 272 P.

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР В ВОПРОСЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ЮГЕ РОССИИ

Джабраилов Юсуп Джабраилович

Региональный центр этнополитических исследований Дагестанского
федерального исследовательского центра Российской академии наук, г.

Махачкала

E-mail: y.djabrailov@yandex.ru

Аннотация: В статье в качестве важной основы национальной безопасности рассматривается обеспечение внутренней консолидации общества. Автор считает, что фактор равноправия при учете этнокультурных особенностей российских народов играет важную роль в процессе формирования гражданской нации как надэтнической и надрелигиозной формации. Поэтому в дальнейшем предлагается осуществлять мониторинг этноконтактной и межконфессиональной ситуации и разработку мер по согласованию интересов этнических и религиозных сообществ в субъектах Российской Федерации.

Ключевые слова: национальная безопасность, гражданская нация, идентичность, этнос, религия, социальное равенство, социальная справедливость, ислам, мусульмане, культура

Для современных многонациональных государств задача обеспечения национальной безопасности лежит в плоскости формирования гражданской нации (единства государства и общества). Повышение уровня гражданской

лояльности индивида, его открытости к представителям иных культурных кодов возможно, на наш взгляд, через обеспечение развития всего этнокультурного многообразия народов, проживающих в них.

Следовательно, залогом прочности российской государственности, бесспорно, может служить включение в ее сложную структуру элементов гражданско-территориальной и этнокультурной общности, обеспечивающей стабильное межкультурное и межрелигиозное взаимодействие [Зорин В.Ю. 2016, с.121].

Современные тенденции в отношении этнорелигиозного фактора в обществе свидетельствуют об изменении вектора отношения к нему. В практике международной политики предлагается перейти от теоретических подходов возможных войн по линии разлома между различными цивилизациями (религиями) [Хантингтон 2011, с. 495] к повышению роли религий в урегулировании существующих кризисных явлений в мире.

Так, в Межрелигиозном форуме стран «большой двадцатки» прошедшем 12-14 сентября 2021 года в г. Болонье с участием ведущих политиков европейских стран обозначается желательность более активного участия религиозных организаций и религиозных лидеров в разрешении локальных, региональных и международных конфликтов, а также актуализации потенциала религиозной идентичности, религиозного сознания и его роли в обществе. Религиозные ценности, нормы и правила поведения в течении многих веков доказывают свою эффективность в обеспечении стабильности и ценностной ориентации в динамичном мире. Закономерностью развития любой культуры является преемственность в передаче и сохранении ее ценностей, так как человечеству необходимо самовоспроизводиться и саморегулироваться [Ляушева С.А., Нагой А.А. 2009, с. 195-198].

На сегодняшний день в Республике Дагестан статус и роль религии выходит далеко за рамки узкоспециальных интересов конфессий. То есть на основе религиозной солидарности решаются вопросы развития нашей страны, ее безопасности, что не всегда под силу отдельным политикам и представителям властных структур. Представители традиционного мусульманского духовенства видят свою миссию в религиозном просвещении, укреплении единства и братства на основе общих ценностей, призыве к межкультурной терпимости.

Прежде всего Муфтият Республики Дагестан ведет активную работу в социально-культурной сфере общества: по повышению культуры поведения, воспитанию патриотизма, межнациональной и межконфессиональной согласия. Сотрудники отдела просвещения Муфтията проводят встречи с учащимися образовательных учреждений республики по проблеме духовно-нравственного кризиса современных обществ, касающегося изменения отношений к родителям, людям старшего поколения, друг-другу, к получению образования и знаний, пагубности употреблений наркотиков, алкоголя, табака и т.д. Особое внимание уделяют вопросам духовно-нравственного воспитания осужденных. Довольно часто имамы мечетей в проповедях призывают верующих соблюдать правила дорожного движения. При непосредственном содействии Муфтията РД

открыта третья городская больница в г. Махачкала и медицинский центр «Инклиник» по лечению и реабилитации пациентов с буллезным эпидермолизом.

Деятельность централизованной религиозной организации Республики Дагестан и религиозного лидера в деле сохранения и развития духовных и культурных традиций и укрепления дружбы между народами отмечена высокой наградой Президентом РФ. А также Муфтий республики награжден одной из высших наград РПЦ – орденом «Славы и чести».

Но альтернативной социально-политической позиции Муфтияту РД придерживаются представители так называемого «чистого ислама» (ваххабизм), основным каналом распространения которого являются социальные группы в интернет-пространстве, значительную часть аудитории которых составляет молодежь. Они, в частности, запрещают мусульманам какое-либо участие в избирательном процессе светских государств. Отсюда следует, что слабая интегрированность мусульманской части населения страны в гражданское правовое поле является уязвимым местом для воздействия со стороны нетрадиционных религиозных течений, цель которых межэтническое и межконфессиональное противопоставление и смута. Они используют множественность в самоидентификации дагестанцев для расшатывания общественно-политической ситуации в республике [Ниналов С. По постам и лайкам...]. Тем самым радикальные течения раскалывают не только внутриконфессиональное единство мусульман, но и способствуют распространению в обществе ложных представлений об исламе, как о религии насилия.

Следовательно, вполне возможно, что на формирования гражданской идентичности мусульман влияет симпатия идеям течений нетрадиционного ислама. Согласно результатам социологического исследования, проведенного автором среди студентов ведущих вузов республики в 2020 году 13,7 % респондентов не посчитали канонически обоснованной проведение «Маулида (мавлид)», проведение которой не выходит за рамки шариата согласно позиции традиционного направления ислама в регионе, 57,5 % респондентов придерживаются позиции о дозволенности его проведения и 38,8 % затруднились ответить [Джабраилов Ю.Д. 2020, с.97].

Таким образом, среди выделенных групп верующих на основе отрицания или утверждения обоснованности проведения маулида, уровень гражданской идентификации у сторонников традиционного ислама оказался выше, чем у сторонников, поддерживающих позиции «чистого ислама».

Республика Дагестан – самый многочисленный по численности мусульман регион Российской Федерации. Этнические мусульмане составляют 94 % состава ее населения [Двадцатка самых ...]. Этнокультурная пестрота, низкие показатели социально-экономической обеспеченности, специфика политической жизни становятся в Дагестане благодатной почвой для манипуляции общественным сознанием и противопоставления некоторых видов идентичности.

Следовательно, развитие всех видов идентичности важное условие достижения целостности всей системы этнонациональных и гражданских отношений в единой стране.

Далее мы попытались исследовать восприятие вопроса этнического равноправия в сознании дагестанской студенческой молодежи, дискриминация и перекося в которой, по мнению отдельных авторов, является причиной роста локальных идентичностей в ущерб общероссийским [Мусаева Э.Ш. 2013, с. 110-116].

Результаты распределения ответов на вопрос *«Как Вы считаете, имеет ли место в России ущемление прав граждан по этническому признаку?»* (в % от общего количества опрошенных) показали, что каждый третий респондент, опрошенный в рамках социологического исследования, дает утвердительный ответ на вопрос о возможной этнической дискриминации в России, каждый четвертый отрицает факты ущемления в России каких-либо прав граждан по этническому признаку, 28 % опрошенных считают дискриминацию по этническому признаку редкостным явлением и 17% затруднились ответить на вопрос.

При этом выявлена взаимосвязь между уровнем гражданской идентификации дагестанской молодежи с их позицией относительно обеспечения/необеспечения реального равноправия граждан в России по этническим и религиозным признакам.

Социальные измерения в регионе свидетельствуют о лидерстве «российской идентичности» в иерархии социальных идентичностей. Здесь следует акцентировать внимание на том, что речь идет скорее о доминировании в общественном сознании дагестанцев ассоциированности с государством. На первое место в плане ощущения социальной близости дагестанская молодежь выдвигает группы по этноконфессиональным признакам.

Соответственно, индивид является гражданином в той степени, в какой получает права и несет обязанности в государстве. А также человек гражданин в той степени, коим является членом сообщества индивидов, насколько идентифицирует себя с ней. Так, Президент РФ на встрече с главными редакторами российских СМИ феврале 2021 года заявил: *«У нас бесконечный генетический код. Он основан на смешении кровей, если так по-простому, по-народному сказать».* И важно сохранять межнациональное и межконфессиональное единство, уважая каждого человека. *«Чтобы каждый, кто здесь проживает, чувствовал, что это его Родина, даже будучи представителем самого малого народа»* [Путин заявил о бесконечном...].

В ходе социологического опроса, проведенного автором в 2021 году в целях дифференциации восприятия представлений молодежи о нарушениях этнических прав в регионе проживания и за пределами Северного Кавказа, в других регионах Российской Федерации были заданы вопросы *«Как Вы считаете, нарушаются ли права жителей Северного Кавказа по национальному (этническому) признаку за пределами региона, на территории Российской Федерации?»* и *«Как Вы считаете, нарушаются ли*

права жителей по национальному (этническому) признаку в Республике Дагестан?» (%).

Из распределения ответов на вопросы видно (табл.1), что число респондентов, которые считают, что возможны нарушения этнических прав граждан на территории Российской Федерации (за пределами Северного Кавказа) в два раза больше, чем на территории Республики Дагестан.

Таблица 1

Территория проживания	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
На территории Российской Федерации, за пределами Северного Кавказа	36,61%	31,07%	32,31%
На территории Республики Дагестан	18,61%	60,46%	20,92%

Для выявления возможных особенностей представлений молодежи о неравенстве прав религиозных групп были заданы также вопросы *«Как Вы считаете, нарушаются ли права жителей Северного Кавказа по религиозному признаку за пределами региона, на территории Российской Федерации?»* и *«Как Вы считаете, нарушаются ли права жителей по религиозному признаку в Республике Дагестан?» (%)*.

Как видно из табл. 2 получены практически аналогичные предыдущему опросу результаты. На наш взгляд, дело в том, что при глубоком проникновении религии в национальную психологию и ее преломлении в сознании молодежи через призму этничности, любое проявление этнического ущемления воспринимается ими как религиозное и наоборот. Поэтому при анализе этноконфессиональной проблематики в научной литературе можно встретить рассмотрение отношения к религии как фактор этнической самоидентификации.

Таблица 2

Территория проживания	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
На территории Российской Федерации, за пределами Северного Кавказа	36,61%	35,07%	28,15%
На территории Республики Дагестан	17,23%	64,46%	18,31%

Для выявления источников сведений об этнорелигиозном неравенстве в России респондентам был задан вопрос *«Из каких источников Вы получаете информацию о ситуации с этнорелигиозными правами граждан в нашей стране?»*.

В итоге 23,53%, опрошенных отметили среди источников информации о состоянии с обозначенными правами граждан в стране – собственный опыт и

наблюдение, значительная доля респондентов (25,53%) указывали СМИ в качестве основного источника их информации, сопоставимый со СМИ и даже где-то превосходящий его «Информационный ресурс» (26,15%) – информация от друзей и знакомых, но самое большое количество респондентов (30%) выбрали вариант «Социальные сети» и 24,92% опрошенных затруднились ответить на вопрос.

В целом, эмоциональное восприятие национальной (гражданской) идентичности позитивное у дагестанской молодежи. Всего лишь 14% респондентов отметили, что не ощущают чувства близости с «гражданами России». Тем не менее, как мы видим, более трети респондентов допускают возможность нарушения прав граждан по этническому и религиозному признаку за пределами республики и обращает на себя внимание, что 23,53% респондентов сами были свидетелями или являются пострадавшими соответствующих проявлений. Хотя и по словам самих респондентов: «Общество начало понимать глупость религиозной и этнической предвзятости, те случаи дискриминации, которые существуют не носят массовый характер на сегодняшний день».

На наш взгляд национальная безопасность базируется, прежде всего, на консолидации общества внутри страны, благодаря которой возможно преодолеть без существенных потерь довольно распространенные в последние годы экономические кризисы, эпидемии и пандемии, геополитические, региональные и локальные напряженности и конфликты.

Таким образом, результаты, полученные в ходе исследования, сигнализируют об определенных просчетах в государственной национальной политике. Нарушение равновесия этнонациональных систем ведет в конечном итоге к осложнению становления и развития гражданской нации в стране. Гражданская нация, по сути, возникает, когда верховное право (закон) ставится выше этноконфессиональных и иных предпочтений. Первичным звеном является обеспечение важного конституционного принципа равенство всех граждан перед законом и гарантировано равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии.

Следует подчеркнуть, равенство прав граждан должно быть обеспечено на всех уровнях и во всех сферах общественных институтов, в правительственных, образовательных, военных, правоохранительных и прочих структурах, принимать активное участие в экономической, социальной, политической, образовательной, духовной, культурной жизни страны [Лошкарева-Имгрунт 2014, с. 102]. Поскольку, для массового сознания в российском обществе справедливость есть равенство возможностей.

Об этом отметил Президент Российской Федерации на заседании Совета по межнациональным отношениям от 30 марта 2021 года: «Деление на «чужих» и «своих» – не лучший пример для подрастающих поколений. Гражданское самосознание, так же, как и патриотизм, не даётся при рождении, они формируются. Формируются поступками взрослых, моделями поведения и

образами, которые транслируют средства массовой информации, всей нашей общественной средой: культурой, наукой, образованием» [Заседание Совета ...].

Литература

1. Заседание Совета... – Заседание Совета по межнациональным отношениям от 30 марта 2021 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65252>
2. Зорин 2016 – Зорин В.Ю. Мусульмане России: реалии формирования гражданской идентичности // Ислам в современном мире. 2016. Т. 12. № 2. С. 117–126.
3. Двадцатка самых... – Двадцатка самых исламизированных регионов России. URL: https://islamtoday.ru/islam_v_rossii/dvadczatka_samyx_islamizirovannyx_regionov_rossii/
4. Джабраилов 2020 – Джабраилов Ю.Д. Религиозность и гражданская идентификация молодежи в Республике Дагестан: современное состояние // Историческая и социально-образовательная мысль. 2020. Т. 12. № 4-5. С. 90-102.
5. Лошкарева-Имгрунт 2014 – Лошкарева-Имгрунт С.И. Перспективы преодоления этнокультурных неравенств в рамках российской цивилизационной идентичности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. №6. С.100-103.
6. Ляушева, Нагой 2009 – Ляушева С.А., Нагой А.А. Религиозная идентичность в современной культуре // Вестник адыгейского государственного университета. Серия 1: регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. №1. С.195-198.
7. Мусаева 2013 – Мусаева Э.Ш. Роль исламского фактора в Дагестане: социологический анализ // Известия ДГПУ. 2013. №3. С. 110-116.
8. Ниналалов – Ниналалов С. Камиль Ланда: «По постам и лайкам можно собрать портрет». URL: https://dag.aif.ru/society/kamil_landa_po_postam_i_laykam_molodogo_cheloveka_mozhnosobrat_portret_
9. Путин заявил о бесконечном... – Путин заявил о бесконечном генетическом коде России. URL: <https://rg.ru/2021/02/14/putin-zaiavil-o-beskonechnom-geneticheskom-kode-rossii.html>
10. Хантингтон 2003 – Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. 2003. 603 с.

Кондратьев Владислав Владимирович
Астраханский государственный университет
E-mail: kondratijj@yandex.ru

Аннотация: В статье на основе изучения исторических аспектов формирования систем коллективной безопасности с середины XVII до XX вв., теоретических подходов различных отраслей наук к определению содержания понятий коллективной безопасности и системы коллективной безопасности, исследуются международно-правовые основы сотрудничества прикаспийских стран по вопросам безопасности и перспективы формирования системы коллективной безопасности в Каспийском регионе.

Ключевые слова: Коллективная безопасность, система коллективной безопасности, Каспийский регион, безопасность, международно-правовая база сотрудничества прикаспийских государств, Конвенция о правовом статусе Каспийского моря.

Понятия коллективной безопасности и системы коллективной безопасности являются достаточно исследованными в рамках таких отраслей наук, как история, политология, международные отношения, международное право и др.

Системы коллективной безопасности в мировой истории начинают складываться с середины XVII века, с момента Вестфальского мира 1648 г., заключенного по завершению Тридцатилетней войны. Первым примером системы коллективной безопасности многие исследователи называют Венскую систему межгосударственных отношений, известную как «Европейский концерт», сложившуюся по результатам работы Венского конгресса (1814-1815 гг.). Создание Лиги Наций в 1919 г. ознаменовало первую серьезную попытку институционализировать коллективную безопасность в современную эпоху. Цели Лиги Наций включали: разоружение, предотвращение военных действий, обеспечение коллективной безопасности, урегулирование споров между странами путем дипломатических переговоров, а также улучшение качества жизни на планете [История формирования...].

Термин коллективная безопасность стал активнее вводиться в практику международных отношений в 1930-х годах. К созданию системы коллективной безопасности тогда, в частности, стремились СССР и Франция, нацеленные на сдерживание агрессии, прежде всего германской. Главными идеологами «коллективной безопасности» в межвоенный период были премьер-министр Франции Л. Барту и народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов [Система «Коллективной Безопасности»].

До окончания Второй мировой войны, как известно, государствам не удалось сформировать систему коллективной безопасности. После окончания войны этот вопрос решили страны-победители, которые с утверждением Устава ООН ввели в действие универсальную систему коллективной безопасности.

С учётом многогранности понятия коллективной безопасности и системы коллективной безопасности существует большое количество их определений.

В исторической науке система коллективной безопасности определяется, как состояние международных отношений, при котором совместные усилия государств исключают нарушение всеобщего мира в мировом или региональном масштабе [Система «Коллективной Безопасности»].

В политической науке коллективная безопасность рассматривается, как правило, как система сотрудничества государств. Так, в Оксфордском политическом словаре коллективная безопасность (*collective security*) рассматривается как система поддержания мира и безопасности в мировом или региональном масштабе, обеспечиваемая совместными согласованными усилиями всех государств [Кузнецова 2001]. При этом собственно сама система коллективной безопасности – это создаваемая усилиями нескольких государств или мировым сообществом система предотвращения или нейтрализации различного рода угроз (экономических, военных, экологических и др.) на региональном или глобальном уровнях [Симонов 2002].

В теории международных отношений коллективную безопасность рассматривают, как ситуацию, в которой все члены определенного сообщества безопасности отказываются от применения силы в отношениях друг с другом и соглашаются оказывать помощь любому государству-участнику, который подвергся нападению со стороны иного государства данного сообщества [Цыганков 2003, с. 323].

Концепция коллективной безопасности в теоретическом и практическом плане наиболее разработана в рамках международного права. В международном праве коллективная безопасность рассматривается как система совместных действий государств, установленная Уставом ООН с целью поддержания международного мира и безопасности, предотвращения или подавления актов агрессии [Игнатенко 2005, с. 465]. В Энциклопедии международного права Макса Планка коллективная безопасность упоминается как «система, региональная или глобальная, в которой каждое государство в системе признает, что безопасность одного является заботой всех, и соглашается присоединиться к коллективному реагированию на угрозы и нарушения мира» [de Wet, Wood].

В международном праве различают два вида системы коллективной безопасности: универсальную и региональную, которые предусмотрены Уставом ООН.

Сформированная после Второй Мировой Войны универсальная система коллективной безопасности является уникальным явлением развития международных отношений после Второй мировой войны. Система коллективной безопасности устанавливает не только нормативные, но и политические и военные предпосылки для того, чтобы ООН в нынешних условиях могла предотвращать угрозы, акты агрессии и другие акты нарушения мира. Своей работой ООН обеспечивает необходимые условия для мирного урегулирования споров. ООН способствует миру всеми своими действиями: она предпринимает превентивные дипломатические меры для предотвращения конфликтов; оказывает гуманитарную помощь; работает над репатриацией беженцев; помогает восстанавливать общественную инфраструктуру и

облегчает процесс реконструкции и т.д. [Collective Security System].

Универсальная система коллективной безопасности как система совместных действий государств включает следующие элементы: 1) общепризнанные принципы современного международного права, важнейшими из которых являются принцип неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела; 2) коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и актов агрессии; 3) коллективные меры по ограничению и сокращению вооружений, вплоть до полного разоружения [Игнатенко 2003, с. 465].

Помимо универсальной системы международной безопасности ст. 52 Устава ООН предусматривает возможность создания региональных организаций коллективной безопасности «для разрешения таких вопросов по поддержанию международного мира и безопасности, которые являются подходящими для региональных действий».

Данные организации преследуют ту же цель, что и универсальный механизм коллективной безопасности, — поддержание международного мира и безопасности. Вместе с тем сфера их действия ограничена по отношению к универсальной системе коллективной безопасности. К компетенции региональных организаций относится, прежде всего, обеспечение мирного разрешения споров между их членами. Согласно п. 2 ст. 52 Устава ООН члены этих организаций должны прилагать все усилия для достижения мирного разрешения местных споров в рамках своих организаций до передачи споров в Совет Безопасности. Совет Безопасности может использовать региональные организации для осуществления под своим руководством принудительных действий. Сами же региональные организации не полномочны принимать никаких принудительных мер без разрешения Совета Безопасности. Региональные организации вправе применять принудительные меры только для отражения уже совершенного нападения на одного из участников региональной системы коллективной безопасности. Другая важная задача региональных организаций состоит в содействии сокращению и ликвидации вооружения, и в первую очередь оружия массового уничтожения [Игнатенко 2003, с. 467].

Следует отметить, что в последние годы понятие «коллективная безопасность» приобретает все более широкий смысл. В докладе Генерального секретаря ООН 2005 года «При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех» утверждается важность всеобъемлющей концепции коллективной безопасности, которая охватывает как новые угрозы, так и старые, а также затрагивает интересы безопасности всех государств [Резюме Доклада...].

В документе, в частности, отмечается, что Генеральный секретарь полностью разделяет общее видение коллективной безопасности. Наряду с традиционными угрозами для мира и безопасности в XXI веке, которые несут международные войны и конфликты, в докладе подчёркивается актуальность угроз терроризма, распространения оружия массового уничтожения, организованной преступности и насилия против гражданского населения,

нищеты, смертоносных инфекционных заболеваний и деградации окружающей среды.

В качестве ключевых политических и организационных задач в документе отмечены предотвращение катастрофического терроризма, нераспространение ядерного, химического и биологического оружия, уменьшение угрозы и числа войн, ограничение применения силы в международных отношениях.

В докладе ООН декларируется необходимость признания зависимости коллективной безопасности от угроз, с которыми сталкивается каждый регион мира.

Таким образом, в современных условиях возрастает роль региональных организаций коллективной безопасности в вопросах поддержания мира и безопасности.

Региональные организации коллективной безопасности позволяют преодолеть разрыв между традиционными определениями безопасности и более широкими концепциями безопасности, включающими вопросы торгово-экономического сотрудничества, противодействия организованной преступности, борьбы с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, охраны окружающей среды и защиты прав человека. Содействуя более тесной интеграции, региональные институты способствуют предупреждению конфликтов и кризисов, росту доверия и обеспечению стабильности в регионе, что в конечном итоге ведет к укреплению безопасности и жизнеспособности их членов, а также укреплению универсальной системы коллективной безопасности [История формирования...].

В настоящее время региональными организациями коллективной безопасности являются: Лига арабских государств (ЛАГ); Организация африканского единства (ОАЕ); Организация американских государств (ОАГ); Организация Североатлантического договора (НАТО); Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ); Содружество Независимых Государств (СНГ); Шанхайская организация сотрудничества (ШОС); Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Данный перечень не является исчерпывающим и может быть дополнен, исходя из реалий развития ситуации в сфере безопасности в конкретном географическом регионе.

Каспийский регион, который согласно устоявшемуся в экспертном сообществе мнению включает в себя административно-территориальные единицы государств, расположенных вдоль побережья Каспийского моря, в т.ч. России, Казахстана, Туркменистана, Ирана и Азербайджана и собственно акваторию Каспийского моря [Зонн, Жильцов 2008 с. 24], после распада СССР превратился в одну из самых важных и сложных геополитических проблем международных отношений. Преобразование каспийского геополитического пространства оказало существенное негативное влияние на ситуацию в сфере безопасности в регионе.

Особую актуальность для Каспийского региона приобрели угрозы терроризма и религиозного экстремизма, незаконной добычи водных биологических ресурсов, контрабанды наркотических средств, прежде всего

афганского происхождения и др. В этих условиях имеется насущная необходимость создания на Каспии полноценной региональной системы коллективной безопасности, что будет способствовать стабилизации обстановки в этом геополитически важном регионе мира.

С учетом формирования после распада Советского Союза в 1991 году новых геополитических реалий в Каспийском регионе, прикаспийские страны столкнулись с необходимостью разработки новой международно-правовой базы, которая регулировала бы отношения между ними. Наиболее актуальными проблемами, требующими международно-правового регулирования, стала проблема правового статуса Каспийского моря. Однако проблема безопасности также была не обойдена вниманием стран региона.

Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море от 18 ноября 2010 г. [Соглашение о сотрудничестве 2010] стало вторым пятисторонним документом после Тегеранской конвенции, подписанным главами всех прикаспийских государств. Это соглашение придало существенный импульс дальнейшему формированию пятисторонней нормативно-договорной базы в отношении правового режима на Каспии. Таким образом, проблема безопасности Каспийского региона исторически занимает одно из ведущих мест среди приоритетов сотрудничества прикаспийских республик, уступая первое место в «иерархии ценностей» регионального взаимодействия только проблеме экологии Каспия.

Вместе с тем именно подписанная 12 августа 2018 года Конвенция о правовом статусе Каспийского моря является основополагающим документом, создающим правовую основу формирования региональной системы коллективной безопасности. Положения статьи 3 Конвенции содержат ряд основополагающих принципов деятельности прикаспийских государств, которые определяют каркас этой системы [Конвенция о правовом...].

К принципам, призванным способствовать формированию пространства каспийской безопасности, можно отнести:

уважение суверенитета, территориальной целостности, независимости, суверенного равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, взаимного уважения, сотрудничества, невмешательства во внутренние дела друг друга;

использование Каспийского моря в мирных целях, превращения его в зону мира, добрососедства, дружбы и сотрудничества, решения всех вопросов, связанных с Каспийским морем, мирными средствами;

обеспечение безопасности и стабильности в Каспийском регионе;

обеспечение стабильного баланса вооружений Сторон на Каспийском море, осуществления военного строительства в пределах разумной достаточности с учетом интересов всех Сторон, ненанесение ущерба безопасности друг друга;

соблюдение согласованных мер доверия в сфере военной деятельности в духе предсказуемости и транспарентности в соответствии с общими усилиями по упрочению региональной безопасности и стабильности, в том числе в соответствии с заключенными между всеми Сторонами международными

договорами;

неприсутствие на Каспийском море вооруженных сил, не принадлежащих Сторонам;

непредоставление какой-либо Стороной своей территории другим государствам для совершения агрессии и других военных действий против любой из Сторон.

Вышеуказанные принципы формируют необходимые предпосылки для создания в Каспийском регионе такой системы взаимодействия государств, которая позволит эффективно противодействовать возникновению в регионе таких традиционных для мира и безопасности угроз, как международные войны и конфликты.

Этой же цели подчинено принятие прикаспийскими государствами в 2018 году Соглашения о предотвращении инцидентов на Каспийском море [Распоряжение Правительства...№1624-р]. Соглашение направлено на обеспечение безопасности плавания военных кораблей и полётов воздушных судов вооруженных сил прикаспийских государств на Каспийском море и воздушном пространстве над ним.

Статьи соглашения применяются к военным кораблям и воздушным судам, действующим на Каспийском море, за пределами территориальных вод и воздушного пространства над ним. Стороны берут на себя обязательства по соблюдению Международных правил предупреждения столкновений судов от 1972 года. Кроме этого, статьи 4 и 5 соглашения содержат перечень обязательств сторон по недопущению инцидентов на Каспийском море с участием военных кораблей и воздушных судов.

Если Конвенция о правовом статусе Каспийского моря и Соглашение о предотвращении инцидентов на Каспийском море призваны создать необходимые предпосылки для создания зоны мира и добрососедства в регионе, исключаяющей возможность возникновения конфликтов между странами, то Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море 2010 года призвано создать правовые основы сотрудничества в борьбе с нетрадиционными угрозами безопасности, которые несут терроризм, организованная преступность, незаконный оборот оружия, наркотических средств и др.

Данный документ, как и Конвенция носит рамочный характер и создаёт основу для сотрудничества компетентных органов Сторон в борьбе с различными видами преступлений, а также предусматривает взаимодействие в обеспечении безопасности морского судоходства, мореплавания и в борьбе с пиратством. Соглашение содержит принципиально важное с точки зрения интересов России положение о том, что обеспечение безопасности на Каспийском море является прерогативой прикаспийских государств. В соглашении также особо подчеркивается, что «Каспий провозглашается морем мира, стабильности, дружбы и добрососедства». В целом же документ подтверждает курс Российской Федерации и других прикаспийских государств на развитие всестороннего сотрудничества, одной из важнейших составляющих которого является совместное обеспечение безопасности на Каспии

[Соглашение о сотрудничестве 2010].

В развитие положений данного соглашения прикаспийские страны в ходе Пятого Каспийского саммита подписали ряд дополнительных протоколов, в частности протокол о сотрудничестве в области борьбы с терроризмом на Каспийском море, протокол о сотрудничестве в области борьбы с организованной преступностью на Каспийском море и протокол о сотрудничестве и взаимодействии пограничных ведомств.

Протокол о сотрудничестве в области борьбы с терроризмом на Каспийском море направлен на укрепление и расширение сотрудничества прикаспийских стран в сфере борьбы с терроризмом на Каспийском море, который страны называют серьёзной угрозой для национальной безопасности. Статьи протокола содержат положения о формах данного сотрудничества, перечень вопросов, по которому стороны ведут обмен информацией, регламентирует порядок взаимодействия и связи и т.д. [Распоряжение Правительства... №1623]

В преамбуле протокола о сотрудничестве в области борьбы с организованной преступностью на Каспийском море стороны отмечают взаимную обеспокоенность распространением организованной преступности, а также негативными социальными и экономическими последствиями, связанными с организованной преступной деятельностью. Протоколом предусмотрены формы сотрудничества правоохранительных органов, виды преступлений, борьбу с которыми ведут компетентные органы сторон, процессуальный порядок сотрудничества и др. [Распоряжение Правительства... №1623]

Протокол о сотрудничестве и взаимодействии пограничных ведомств регулирует вопросы организации сотрудничества и взаимодействия между этими структурами. Статья 3 документа определяет формы сотрудничества и взаимодействия. В соответствии со статьёй 7 пограничные ведомства договорились проводить совещания не реже одного раза в год поочередно на территории одного из государств Сторон. При необходимости могут создаваться рабочие группы и разрабатываться совместные планы по направлениям сотрудничества и взаимодействия [Распоряжение Правительства...№1652-р].

Дальнейшие направления развития региональной системы коллективной безопасности на Каспии обозначены в совместном заявлении глав прикаспийских государств по итогам Пятого Каспийского саммита. По результатам Саммита сторонами определен перечень новых пятисторонних документов, над которыми в ближайшие несколько лет будет проводиться основная работа [Коммюнике Пятого...].

В целях обеспечения интересов прибрежных государств в сфере безопасности президенты подтвердили необходимость разработки и принятия согласованных мер доверия на Каспии в области военной деятельности на море. В целях реализации Соглашения о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море президенты отметили необходимость завершить согласование протокола о сотрудничестве в области борьбы с незаконным

промыслом биологических ресурсов, призванного содействовать сохранению рыбных запасов Каспия и противодействовать браконьерству, а также протокола о сотрудничестве в области обеспечения безопасности мореплавания. Также дано поручение доработать протокол о борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Таким образом, проведённое исследование политико-правовых основ формирования системы коллективной безопасности в Каспийском регионе показало, что прикаспийскими странами к настоящему времени проведена масштабная работа по созданию международно-правовой базы пятистороннего сотрудничества по вопросам безопасности. Подписанные странами региона Конвенция о правовом статусе Каспийского моря и Соглашение о предотвращении инцидентов создают необходимые предпосылки для исключения конфликтов и военных столкновений в регионе, которые рассматриваются в качестве традиционных угроз безопасности. Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море 2010 года создаёт правовые основы сотрудничества в борьбе с нетрадиционными угрозами безопасности.

Несмотря на имеющуюся международно-правовую базу говорить о формировании в Каспийском регионе полноценной системы коллективной безопасности, имеющей основание быть признанной ООН, преждевременно. На Каспии до сих пор не создан институциональный механизм сотрудничества по вопросам безопасности, имеющийся в таких организациях коллективной безопасности, как ОДКБ, НАТО, ШОС и др. Выработанные на настоящее время формы сотрудничества не позволяют вырабатывать и реализовывать единую и согласованную политику безопасности стран Каспийского региона.

В связи с этим имеется необходимость дальнейшего исследования практических и теоретических аспектов создания, развития и функционирования действующих региональных систем коллективной безопасности. На основе результатов данного исследования можно выработать практические рекомендации по совершенствованию механизмов сотрудничества прикаспийских стран в сфере безопасности.

Литература

1. Зонн, Жильцов 2008 – Зонн И.С., Жильцов С.С. Новый Каспий. География, экономика, политика. М.: Восток – Запад, 2008. С. 24.
2. Игнатенко 2003 – Международное право: Учебник для вузов. 3-е изд. М.: Норма, 2005. 624 с.
3. История формирования... – История формирования коллективной безопасности. Сайт «Международное право». URL: <https://interlaws.ru/kollektivnaya-bezopasnost/>
4. Коммюнике Пятого... – Коммюнике Пятого Каспийского саммита. 12 августа 2018. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5330>

5. Конвенция о правовом... – Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. 12 августа 2018. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328>
6. Распоряжение Правительства... №1623 – Распоряжение Правительства Российской Федерации от 04.08.2018 № 1623-р «О подписании Протокола о сотрудничестве в области борьбы с терроризмом на Каспийском море к Соглашению о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море от 18 ноября 2010 г.» URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201808070002#print>
7. Распоряжение Правительства... №1652-р – Распоряжение Правительства Российской Федерации от 08.08.2018 № 1652-р «О подписании Протокола о сотрудничестве и взаимодействии пограничных ведомств к Соглашению о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море от 18 ноября 2010 г.». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201808100013>
8. Распоряжение Правительства... №1624-р – Распоряжение Правительства Российской Федерации от 04.08.2018 № 1624-р «О подписании Соглашения о предотвращении инцидентов на Каспийском море». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201808070003?index=&rangeSize=1>
9. Резюме Доклада... – Резюме Доклада Генерального секретаря ООН, представленного для обсуждения главами государств и правительств в сентябре 2005 года «При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех». Официальный сайт ООН. 2005 год. URL: <https://www.un.org/ru/events/pastevents/largerfreedom.shtml>.
10. Симонов 2002 – Симонов К.В. Политический анализ: Учебное пособие. – М.: Логос, 2002. URL-адрес: <https://politike.ru/termin/sistema-kollektivnoi-bezopasnosti.html>
11. Система «Коллективной Безопасности» – Система «Коллективной Безопасности». Энциклопедия Всемирная история. URL-адрес: https://w.histrf.ru/articles/article/show/sistema_kollektivnoi_biezopasnosti
12. Соглашение о сотрудничестве 2010 – Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море. 10 ноября 2010. URL: <http://kremlin.ru/supplement/785>
13. Соглашение о сотрудничестве 2017 – Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море. Каспийский вестник. 17.11.2017. URL-адрес: <http://casp-geo.ru/soglashenie-o-sotrudnichestve-v-sfere-b/>
14. Соглашение о предотвращении... – Соглашение о предотвращении инцидентов на Каспийском море. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 04.08.2018 № 1624-р.
15. Цыганков 2003 – Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2003. 590 с.
16. Collective Security System – Collective Security System. The United Nations Regional Centre for Preventive Diplomacy for Central Asia (UNRCCA), URL: https://unrcca.unmissions.org/sites/default/files/4-unrcca_handout_collective_security_system_eng_2020.pdf

17. de Wet, Wood – de Wet E., Wood M. Collective Security. Max Planck Encyclopedias of International Law. URL: <https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e270?rskey=ndydce&result=4&prd=MPIL>
18. Кузнецова 2001 – Кузнецова Н.В. Политика. Толковый словарь М.:Весь Мир, 2001. 768 с. URL: <https://politike.ru/termin/kollektivnaja-bezopasnost.html>

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ ТРАКТОВКАХ ТЕРМИНА «РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»

Кудряшова Юлия Александровна
Астраханский государственный университет
E-mail: Ylyub@mail.ru

Аннотация: в статье рассматривается проблема региональной безопасности в контексте национальной безопасности государства, поскольку, каждый регион несет в себе различные риски, угрожающие стабильности страны, учитывая которые, можно выстроить эффективную стратегию взаимодействия государств. Проблема безопасности становится объектом изучения различных наук, а усложнение ее понимания предполагает, прежде всего, выявление рисков на ранних этапах возникновения. Кроме того, в условиях глобализации современного мира, когда мировое сообщество представляет собой совокупность множества интеграционных образований, часто образованных именно по региональному признаку и решающих целый комплекс различных проблем, в том числе и по обеспечению безопасности коллективными усилиями, значение региональной безопасности существенно возрастает.

Ключевые слова: национальная безопасность, региональная безопасность, субъекты и объекты безопасности, структура безопасности, риски, концепция национальной безопасности РФ

Обеспечение региональной безопасности в настоящее время – одна из важнейших и главенствующих проблем для любого государства. В современных условиях при всевозрастающей взаимозависимости стран и появлении новых «транснациональных» угроз ни одна страна не может собственными силами обеспечить национальную безопасность. При изучении проблемы национальной безопасности акценты все чаще смещаются с национального аспекта на региональный, так как именно отдельно взятый интегрированный регион несет в себе целую совокупность различных рисков. Данные риски, которые прежде всего угрожают каждой из суверенных стран, входящих в регион, могут быть преодолены только при совместном взаимодействии этих стран. Более того, определение концепции национальной безопасности позволяет достаточно эффективно правильно выстроить стратегию взаимодействия государств на международной арене.

Таким образом, термин «региональная безопасность» довольно широко распространен не только в этом словосочетании, но и в таких, как «национальная безопасность и ее региональный аспект», «региональная политика безопасности» и так далее. Кроме того, существует огромное количество публикаций о региональных аспектах различных видов безопасности (экономической, приграничной, общественной, экологической и др.) [Мельников 2010, с.5].

По мнению Мельникова В.И. причиной такого широкого и разнообразного употребления термина «региональная безопасность» в том, что региональная безопасность непосредственно входит во все сферы, виды, уровни национальной безопасности, занимая в них совершенно определенный, а иногда и превалирующий объем. Из данных рассуждений можно сделать вывод, что региональная безопасность не может по своей сути и элементам отличаться от понятия национальной безопасности, которое применяется не только в российском законодательстве, но и в теории национальной безопасности. Определение «региональная безопасность» может отличаться от понятия «национальная безопасность» только территориальным (то есть не содержательным) уровнем ее реализации, а именно — органами власти и институтами гражданского общества субъектов Федерации и местного самоуправления [Закон Российской Федерации «О безопасности» 1992].

Что касается точки зрения различных субъектов Российской Федерации на определение термина «региональная безопасность», в данном контексте можно выделить два существенных аспекта: во-первых, под этим термином понимается комплексная безопасность субъекта Российской Федерации, во-вторых, проекция государственной региональной политики на уровень субъекта Российской Федерации с учетом особенных проблем безопасности субъекта.

Основные предметы исследования в различных научных дисциплинах являются именно аспекты безопасности человека и человеческой деятельности. Безопасность представляет из себя сложное социальное явление, которое является многоплановым и многогранным в своих структурных составляющих и проявлениях. Кроме того, безопасность отражает противоречивые интересы в отношениях различных социальных субъектов. В настоящее время прослеживаются тенденции подробного изучения теории безопасности, которые вытесняют традиционное понимание (военная стратегия, искусство управления государством и т.д.) и одновременно становятся объектом особого внимания множества других направлений науки. Такое многообразие в исследовании безопасности пропорционально состоянию и характеристике этого понятия. Иными словами, безопасность — это междисциплинарная и межпарадигмальная совокупность подходов и концепций о безопасности [Сулаймони Шохзода 2006].

Традиционно многие ученые придерживаются точки зрения, которая отображает безопасность как состояние защищенности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз [О стратегии национальной безопасности 2009].

Однако стоит подчеркнуть, что не все исследователи согласны с данной точкой зрения. К примеру, российский исследователь Д. Данкин считает, что безопасность характеризует не только состояние, но и тенденции развития, и условия жизнедеятельности всех элементов социума. Именно при них обеспечивается их качественная определенность с объективно обусловленными инновациями и свободное, соответствующее собственной природе и ею определяемое функционирование при сохранении фундаментальных ценностей и основных институтов [Данкин 2000, с.342].

В отношении «защищенности» есть еще ряд мнений. Так, Г.В. Иващенко, российский ученый, считает, что безопасность – это не состояние защищенности интересов субъекта, а контролируемые субъектом условия своего существования [Иващенко 2010].

Таким образом, попытки определения понятия «безопасность» многогранны и могут быть обобщены некоторыми подходами. Во-первых, понятие «безопасность» может быть определено как многоаспектное состояние, которое отражает положение человека, общества или государства во внешней среде. В рамках данного подхода понятие «безопасность» означает отсутствие опасности. Данное представление обозначает и безопасность в узком значении этого слова. В практическом плане такое определение носит достаточно условный характер, ведь в реальной жизни ситуации с полным отсутствием угроз встречаются крайне редко.

Во-вторых, термин «безопасность» трактуется, как комплекс представлений, в которых имеется сравнение характеристик, которые отражают реальное и желаемое состояние человека, общества или государства. С точки зрения данного подхода понятие безопасность может означать не только как сам процесс, но и его результат. Состояние безопасности связано с осуществлением функции защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства или с ее результатами. При этом безопасность обозначается как результат глубокого процесса обеспечения безопасности, а также постоянно реализуемой задачи, связанной с поддержанием оптимальных параметров жизненно важных функций объекта.

В-третьих, понятие «безопасность» может выступать как ценность и цель, для реализации которых человек, общество или государство предпринимают действия. В качестве подхода к этому понятию «безопасность» выводится из анализа человеческих ресурсов, удовлетворение которых и есть цель его жизнедеятельности [Чмыхало 2007. с. 6].

Как уже говорилось ранее, при рассмотрении проблематики региональной безопасности следует обратить внимание и на такое определение, как «национальная безопасность», которое напрямую отражает представление той или иной страны о сущности безопасности.

Что касается термина «региональная безопасность», то существует несколько подходов к пониманию данного определения. Под регионом могут понимать область, район, часть страны, отличающуюся от других областей совокупностью естественных и (или) исторически сложившихся, относительно устойчивых экономико-географических и иных особенностей, нередко

сочетающихся с особенностями национального состава населения и т.д. [Михалев 2007, с. 5].

Исследователь Э. Б. Алаев приводит следующее определение региона: «регион – это территория (геотерия), по совокупности насыщающих ее элементов отличающаяся от других территорий и обладающая единством, взаимосвязанностью составляющих элементов, причем эта целостность – объективное условие и закономерный результат развития данной территории». В данном случае имеет место быть и географический термин региона, который сопоставляется с термином окружающей среды, где географические элементы соединены друг с другом определенными и постоянными отношениями [Алаев 1977, с. 48].

Однако в данном контексте актуально будет определение региона как группы близлежащих стран, представляющих собой отдельный экономико-географический или близкий по национальному составу и культуре, или однотипный по общественно-политическому строю район мира.

Из этого следует, что региональная безопасность – это состояние, при котором для объекта региональной безопасности, во-первых, созданы все условия защиты и благоприятного развития, во-вторых, заложены механизмы по минимизации рисков, по предотвращению или устранению явлений, процессов или элементов негативного воздействия.

Чаще всего ученые выделяют вертикальную структуру безопасности – безопасности личности, общества, государства, а также региона и планеты в целом, а также горизонтальную, которая включает в себя политическую, экономическую, социальную, экологическую, информационную, военную и духовно-культурную сферы.

Безопасность, как и другие многогранные определения, включает в себя собственные субъекты и объекты. Объектом безопасности является то (тот), к чему (кому) направлена деятельность субъекта для обеспечения его безопасности. Субъект безопасности – это то (тот), что (кто) обеспечивает безопасность [Сулаймони Шохзода 2006].

Структура региональной безопасности может быть описана следующим образом:

1. Объекты региональной безопасности - интересы личности, общества и государства, существование и жизнь которых могут подвергаться внешним, внутренним и трансграничным угрозам;

2. Субъектами обеспечения региональной безопасности являются конкретные должностные лица, официальные и неофициальные учреждения, органы и организации, действующие в системе региональной безопасности;

3. Предметом обеспечения региональной безопасности являются ее цели, задачи и функции по предотвращению, пресечению и нейтрализации любых опасностей, угрожающих существованию личности, общества и государства, а также по созданию условий для развития региона, отвечающих требованиям измерения современной цивилизации;

4. Методы и средства обеспечения региональной безопасности, которые могут быть использованы субъектами обеспечения региональной безопасности в процессе функционирования данной системы [Кирьянов 2005, с. 6].

В настоящее время понятие безопасности вышло за рамки внешней политики, ведь оно стало предметом изучения таких наук, как экономика, социология, экология, правоведение, геополитика, международные отношения, культурология и многие другие. Появление интереса к изучению термина «безопасность» с точки зрения данных наук вызвано прежде всего с развитием невоенных угроз безопасности. К вышесказанным угрозам можно отнести такие, как экономических, конфессиональных, информационных, экологических и многих других. Следовательно, отсюда можно и обратить внимание на составляющие компоненты безопасности, в том числе и региональной безопасности. Данные компоненты показывают все многообразие связей и взаимодействий между государствами региона. К ним можно отнести:

- внешнеполитические связи;
- региональные интеграционные процессы;
- геополитический компонент;
- экономические и торговые связи;
- трансграничное взаимодействие;
- экологическая составляющая;
- информационная составляющая;
- культурные связи;
- этническая и конфессиональная составляющие и др.

Таким образом, процесс обеспечения региональной безопасности включает в себя решение целого комплекса задач различного характера, что в исторически, политически и географически сложившихся условиях приобретает специфический оттенок в различных регионах. Понимание безопасности становится заметно сложнее, и теперь ее обеспечение означает не только устранение рисков, но и их долгосрочное прогнозирование и выявление на самых ранних этапах развития. Также усложнилось определение основных сфер общественной жизни, в которых обеспечение безопасности является приоритетом. Новый этап мирового развития принес новые вызовы и угрозы, и все чаще на главенствующее место ставится экономическая, информационная и экологическая безопасность. Это демонстрирует, прежде всего, специфику наиболее острых международных проблем, таких как экономические кризисы, нехватка продовольствия и ресурсов, информационные войны и так далее.

По отношению к региональной безопасности, можно сделать вывод, что ее значение невероятно велико в нашем современном мире. Ведь мировое сообщество настоящее время – это совокупность множества интеграционных образований, которые чаще всего образуются по региональному признаку. Их особенность состоит в том, что они могут решать огромное количество проблем, касаемых безопасности, в частности, именно совместными действиями. Наш мир – это единый взаимосвязанный элемент, поэтому на современном этапе бороться за свои собственные интересы и защищать свои права возможно по большей части лишь при участии в различных

организациях, которые позволяют объединиться и сплотиться странам, которые обладают территориальной близостью, историческими и географическими особенностями развития для дальнейшего развития.

Литература

1. Алаев 1978 – Алаев Э.Б. Экономико-географическая терминология. М.: Мысль, 1977. С. 199.
2. Данкин 2000 – Данкин Д. Безопасность – предпосылка и результат развития политического доверия // Безопасность Евразии. 2000. №1. С. 342.
3. Закон Российской Федерации «О безопасности» от 5 марта 1992 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_376/
4. Иващенко 2000 – Иващенко Г.В. О понятии "безопасность" // Credo. Теоретический философский журнал. 2000. №4(22). URL: <http://www.orenburg.ru/culture/credo/24/>
5. Кирьянов 2005 – Кирьянов А.Ю. Региональная безопасность в условиях современной России // Адвокатская практика. 2005. №5.
6. Мельников 2010 – Мельников, В.И. Региональная безопасность как неотъемлемая составляющая национальной безопасности Российской Федерации // Социология власти. 2010. С. 172-181.
7. Мельников 2010 – Мельников В.И. Роль и место региональной безопасности в общегосударственной системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации М.: Издание Совета Федерации, 2010.
8. Михалев 2007 – Михалев О.Ю. Регион как подсистема международных отношений. Учебное пособие для ВУЗов. Воронеж: Издательский центр Воронежского государственного университета, 2007.
9. Сулаймони Шохзода 2006 – Сулаймони Шохзода. Формирование структуры региональной безопасности Центральной Азии в контексте трансформации современной системы международных отношений: автореферат диссертации кандидата политических наук. М.: Моск. гос. ин-т междунар. отношений, 2006. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003280460>
10. Указ Президента... – Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. №537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». URL: <https://rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html>
11. Чмыхало 2007 – Чмыхало А. Ю. Социальная безопасность: Учебное пособие. Томск: Изд-во ТПУ, 2007.

ТРАНСКАСПИЙСКИЙ ГАЗОПРОВОД: ЭКОЛОГИЯ ИЛИ ГЕОПОЛИТИКА?

Малахов Даниил Александрович
МГИМО МИД России
E-mail: danmalakhov@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается потенциальная реализация проекта Транскаспийского газопровода и его негативное влияние на систему региональной стабильности и безопасности. Данный проект свяжет крупнейшие нефтегазовые провинции Азербайджана и Туркменистана с европейским рынком газа. Москва и Тегеран выступают против строительства магистрального газопровода по дну Каспийского моря, отмечая его негативное воздействие на окружающую среду. Тем не менее, данную проблему стоит относить к геополитическим, поскольку она касается жизненно важных энергетических интересов «каспийской пятерки». Особую роль в данном процессе играет Турция, руководство которой активно лоббирует начало строительства Транскаспийского газопровода и стремится расширить сферу своего влияния. Единственным барьером для реализации проекта остается отсутствие двусторонних договоренностей между Азербайджаном и Туркменистаном. В случае, если руководству Республик удастся договориться, правовая система, установленная странами в результате подписания Конвенции о правовом статусе Каспийского моря, окажется в серьезной опасности.

Основным последствием реализации проекта Транскаспийского газопровода станет надлом системы двусторонних отношений, годами выстраивавшийся в регионе. Противоречия между Россией и Азербайджаном, Ираном и Азербайджаном, а также потенциальная поддержка руководством КНР реализации проекта на западе Казахстана могут серьезно изменить баланс сил в регионе и привести к открытой конфронтации между ними. Несмотря на то, что перспективы реализации данного проекта до конца неясны, страны «каспийской пятерки» в своей политике уже сейчас должны задумываться о долгосрочных политических последствиях и не допустить строительства газопровода. При этом необходимо продолжать развивать комплексное и инклюзивное сотрудничество в регионе и стараться преодолевать имеющиеся противоречия в двусторонних отношениях.

Ключевые слова: Транскаспийский газопровод, Россия, Казахстан, Иран, Азербайджан, Туркменистан, безопасность, Каспийское море, Турция, экология, геополитика, двусторонние отношения, конвенция, каспийская пятерка.

Введение

Каспийский регион на протяжении десятилетий оставался местом столкновения интересов ключевых региональных акторов и континентальных сил. Благодаря значительному ресурсному потенциалу, уникальным физико – географическим особенностям и экологическим характеристикам, Каспий превратился в регион, где борьба за распределение ресурсов и дальнейший контроль над ними стали основополагающими факторами в двусторонних и многосторонних отношениях между странами. По данным Управления энергетической информации (США), в 2013 году доказанные и вероятные запасы углеводородов каспийского шельфа составили 48 миллиардов баррелей нефти (6,5 млрд тонн) и 292 триллиона кубических футов газа (3,8 триллионов кубометров газа) [Overview of oil...]. Сравниться с подобными объемами запасов способно лишь сырье, извлекаемое на месторождениях Персидского

залива. Именно поэтому сегодня энергетическая составляющая является фактором, определяющим векторы сотрудничества и взаимодействия между странами. Однако именно она является и первопричиной возникновения конфликтов и противоречий между ними.

В контексте проблем обеспечения комплексной безопасности Каспийского макрорегиона именно энергетический аспект может стать определяющим. Особый интерес вызывает потенциальная реализация проекта Транскаспийского газопровода со стороны Туркменистана и Азербайджана. В рамках его реализации планируется строительство по дну моря газопровода, который свяжет города важнейших нефтегазовых провинций Туркменистана и Азербайджана – Туркменбаши и Баку. В соответствии с основным замыслом проекта, планируется объединение мощностей туркменской и азербайджанской газовой промышленности (в будущем, и казахстанской), с целью транспортировки природного газа по маршруту «Туркменистан – Казахстан – Азербайджан – Турция – Грузия – Европейский Союз». Данный проект способен существенно пошатнуть основы сотрудничества в области безопасности и надломить порядок, установленный Конвенцией о правовом статусе Каспийского моря в 2018 г. На современном этапе, большинство стран региона (за исключением Азербайджана и Туркменистана) выступают против реализации данного проекта, отмечая его потенциально «негативное воздействие на окружающую среду» [Лавров 2017]. Однако этот вопрос намного более комплексный и сложный, чем может показаться на первый взгляд. Безусловно, риски для экосистемы Каспийского моря есть, но ключевым является именно геополитический аспект. Трудно представить, в каком положении окажутся Россия и Иран в случае, если проект будет когда – либо реализован, поскольку это нанесет серьезный удар по ценам на газ и их энергетическим интересам. На фоне противоречий, существующих в двусторонних отношениях между Азербайджаном и Туркменистаном (по поводу спорных месторождений на Каспии), региональные акторы не верят в возможность строительства Транскаспийского газопровода и с недоверием относятся к компаниям, стремящимся претворить его в жизнь.

Таким образом, на сегодняшний день проект Транскаспийского газопровода способен подорвать систему региональной стабильности и безопасности, открывая возможности для возникновения новых споров и противоречий между странами Каспия и континентальными акторами.

Практические и теоретические аспекты реализации проекта Транскаспийского газопровода

Рассматривая нормативно – правовой аспект реализации проекта, необходимо отметить, что ранее для того, чтобы какая – либо из стран «каспийской пятерки» (Россия, Иран, Туркменистан, Казахстан, Азербайджан) имела право проложить магистральный трубопровод по дну моря, требовалось согласие каждой из представленных в регионе стран. Однако теперь в статье 14 Конвенции о правовом статусе Каспийского моря признается возможность

стран прокладывать трубопроводы по дну Каспийского моря, придерживаясь требований и экологических правил, установленных международными договорами [Бальдони 2019]. По сути, теперь для реализации проекта такого масштаба необходимо лишь действовать в соответствии с экологическими нормами и стандартами, не вступая в противоречия с международными договорами. Таким образом, с нормативно – правовой точки зрения, реализация проекта представляется более, чем возможной, поскольку у стран, выступающих против (Россия и Иран), нет механизмов воздействия на Туркменистан и Азербайджан. Они вынуждены апеллировать к экологической проблематике, всеобъемлющим угрозам для существования каспийской экосистемы и особой опасности для морского биоразнообразия. Однако, на практике, Россия и Иран, подписав Конвенцию о правовом статусе Каспийского региона, добровольно отказались от механизмов противодействия потенциальной реализации проекта Транскаспийского газопровода. К тому же опыт реализации подобных проектов на Каспии уже показал, что серьезного ущерба экологии не наносится.

С технической точки зрения, проект также не выглядит чем – то нереализуемым, поскольку строительство трехсоткилометрового магистрального газопровода по дну моря является достаточно простой задачей для современных судов – трубоукладчиков. Так, например, в рамках реализации проекта «Северный поток – 2», даже с учетом серьезного политического давления, удалось завершить строительство финского участка трубопровода, протяженностью 374 км, практически за полгода. В этой связи можно сделать вывод о том, что единственный фактор, который отделяет Туркменистан и Азербайджан от реализации проекта Транскаспийского газопровода, является сугубо политическим. В случае, если странам все же удастся договориться между собой и получить определённые гарантии со стороны особо заинтересованных внерегиональных сил, регион станет местом столкновения интересов всех участников «каспийской пятерки». Под особо заинтересованными странами понимаются, прежде всего, Турция и США, желающие диверсифицировать поставки газа и нанести удар по российским энергетическим интересам в Европе.

Транскаспийский газопровод как угроза региональной стабильности и безопасности

Прежде всего, в случае реализации данного проекта, стоит ожидать резкого ухудшения двусторонних отношений России и Азербайджана. Подобный сценарий особенно вероятен на фоне растущего интереса Турции к данному региону, что лишь подтверждается недавними военными учениями Турции и Азербайджана на Каспии [Участие Турции...]. Казалось бы, шестой пункт третьей статьи Конвенции о правовом статусе Каспийского моря достаточно четко оговаривает «неприсутствие на Каспийском море вооруженных сил, не принадлежащих сторонам» [Пятый каспийский саммит], однако сегодня можно увидеть, что турецкое руководство не особенно придает

этому значение. Для действующего главы Турецкой республики Реджепа Тайипа Эрдогана Каспийский регион представляет особый интерес. В рамках реализуемой Р. Т. Эрдоганом политики неоосманизма, предполагающей проведение стратегического курса, направленного на возврат «оттоманского прошлого» с учетом современных реалий [Мехдиев 2020], Каспий представляется неким плацдармом для последующего объединения тюркских народов под эгидой одной нации. Несмотря на обширные экономические связи Азербайджана и России, тенденция к постепенному увеличению влияния Турции на Азербайджан видна уже невооруженным глазом. Наглядным примером этому стала поддержка Турцией Азербайджана в нагорно – карабахском конфликте и последующее заключение Шушинской декларации [Шушинская декларация 2021], ознаменовавшей начало качественно нового этапа двустороннего сотрудничества во всех областях. Заручившись поддержкой Турции и достигнув договоренностей с Туркменистаном, руководство Азербайджана может взять курс на реализацию данного проекта, нанося удар по гегемонии России на газовом рынке Европы. Подобные шаги вызовут резкое неодобрение со стороны российского руководства и приведут к обострению российско – азербайджанских отношений в Каспийском регионе.

Так, реализация проекта Транскаспийского газопровода может существенно подорвать двусторонние отношения России и Азербайджана. Поддерживаемые Турцией власти в Баку, заручившись военно-политическими гарантиями со стороны Р. Т. Эрдогана и оценивая потенциальную прибыль от реализации данного проекта, могут вступить в конфронтацию с Москвой и вновь поднять вопрос по поводу разработки ряда месторождений в регионе.

Также необходимо уделить внимание и ирано – азербайджанским отношениям, переживающим сегодня непростой этап. С экономической точки зрения, проект Транскаспийского газопровода не выглядит для Ирана как неразрешимая проблема, поскольку для Исламской Республики Персидский залив все еще остается основным с точки зрения добычи энергоносителей. Тем не менее, Иран солидарен с Россией в вопросе строительства Транскаспийского газопровода, поскольку понимает, что это может оказать серьезное влияние на его позиции на газовом рынке и иметь далекоидущие политические последствия. Разногласия между двумя странами, обострившиеся еще в ходе нагорно – карабахского конфликта, в последнее время лишь усиливаются, и потенциальная реализация проекта Транскаспийского газопровода может окончательно рассорить соседей. В особенности это становится возможным, учитывая углубление сотрудничества между Ираном и Арменией, партнерство которых имеет особое значение, поскольку противостоит азербайджано – турецкому стратегическому тандему [Борисова 2017]. 1 октября 2021 г. Иран начал масштабные учения на границе с Азербайджаном, ставшие крупнейшими со времен распада СССР. Все это создает угрозу для договоренностей, достигнутых в рамках V саммита глав прикаспийских государств, главным итогом которого стало подписание Конвенции о правовом статусе Каспийского моря, а также является существенным ударом по балансу сил в регионе.

Таким образом, серьезные разногласия в отношениях Ирана и Азербайджана уже сейчас создают угрозу каспийской системе безопасности, однако потенциальная реализация проекта Транскаспийского газопровода может подвести страны к необходимости решать данный конфликт силовыми методами. На фоне ухудшения двусторонних отношений ключевых гарантов «каспийского консенсуса» вся система региональной стабильности находится под угрозой, и именно реализация подобного стратегического проекта может стать для одной из стран руководством к действию.

В особенно непростой ситуации находится Казахстан. Будучи ключевым стратегическим партнером России в Центральной Азии, Казахстан вынужден соглашаться с позицией Москвы по Транскаспийскому газопроводу. Однако другим важным фактором является наличие у Казахстана тесных связей с Китайской Народной Республикой. Несмотря на то, что руководство КНР до конца не определилось по поводу возможной поддержки проекта Транскаспийского газопровода, поскольку не хочет портить отношения с Россией, экономическая и политическая выгода для Китая очевидна. КНР заинтересована в создании системы транспортной, энергетической и экономической взаимозависимости в Центральной Азии, где особая роль уделяется основному из участников проекта Транскаспийского газопровода – Туркменистану [Мирзеханов, Тюльпаков 2018]. Также стоит отметить и факт того, что Китай является держателем контрольного пакета акций многих нефтедобывающих компаний Казахстана и может в зависимости от политической конъюнктуры оказать серьезное влияние на присоединение Республики к проекту¹.

Так, несмотря на то что Казахстан является стратегическим партнером России, потенциальное влияние КНР может сыграть ключевую роль в процессе присоединения Республики к проекту. Теперь многое зависит от позиции КНР в этом вопросе, экономические и политические выгоды от участия Казахстана, в котором очевидны. Казахстан играет важную роль в реализации концепции правительства КНР «Один пояс – один путь» и присоединение его к проекту Транскаспийского газопровода могло бы существенно укрепить позиции Пекина в Центральной Азии. В то же время подобные шаги могут стать причиной для возникновения конфликта между Казахстаном и Россией в регионе, поскольку Москва всячески старается помешать реализации данного проекта и не готова допустить укрепления позиций внерегиональных сил на Каспии, пусть даже посредством деятельности компаний из Казахстана.

Заключение

Реализация проекта Транскаспийского газопровода является серьезной угрозой для системы двусторонних отношений в регионе и противоречит

¹ КНР является держателем контрольного пакета акций компании «Озенмунайгаз», осуществляющей освоение крупнейших месторождений Узень и Карамандыбас, а также ПО «Актюбинскнефть», которая занимается освоением крупных месторождений Жанажол и Кенкияк. В общей сумме КНР владеет до 65% акций данных компаний.

интересам ключевых игроков «каспийской пятерки» - России и Ирана. Энергетический аспект реализации данного проекта может поставить под удар позиции Российской Федерации на европейском газовом рынке и стать катализатором обострения отношений с Азербайджаном. Также настораживает желание внерегиональных акторов оказывать влияние на внутрикаспийские процессы и косвенно влиять на политику, проводимую странами. Для государств – участников Конвенции о правовом статусе Каспийского моря чрезвычайно важно сохранить действующий международно – правовой режим, гарантом которого они являются. Укрепление сотрудничества и преодоление противоречий должно помочь странам сохранить действующий статус Каспия, но проекты, подобные Транскаспийскому газопроводу лишь подрывают основы региональной безопасности и создают прецеденты для открытой конфронтации. На сегодняшний день, от строительства магистрального газопровода регион отделяет лишь отсутствие политических договоренностей между руководством Туркменистана и Азербайджана. У стран, выступающих против реализации проекта, более не осталось инструментов противодействия его реализации. В этой связи остается лишь надеяться, что странам не удастся достичь договоренностей и Транскаспийский газопровод так и останется на бумаге.

Литература

1. Алхасов, Султанов 2019 – Алхасов З.М., Султанов Г.С. Анализ геополитических проблем Каспийского региона // Экономика устойчивого развития. 2019. №3. С. 10-13.
2. Бальдони 2019 – Бальдони М. Постсоветские исследования (Транскаспийский газопровод – реальные возможности или бесконечные обещания) // Энергетическая дипломатия. 2019. №2. С. 1-9.
3. Борисова 2017 – Борисова И. И. Региональные конфигурации международных отношений (Фактор нагорно – карабахского конфликта в ирано – азербайджанских отношениях) // Международные отношения. 2017. №3. С. 13–23.
4. Завьялова 2017 – Завьялова Е.Б. Каспийская мечта и геополитическая реальность // Экономика и управление: проблемы и решения. 2017. №5. С. 41 – 48.
5. Зеленина 2006 – Зеленина Л. Ю. Каспийский регион в системе внешнеэкономических связей Российской Федерации // Финансовая академия при правительстве Российской Федерации. 2006. С.175 л.
6. Магомедов 2009 – Магомедов А.С. Энергетическая и транзитная геополитика «Большого Каспия» // «Свободная мысль». 2009. №6. С 65-80.
7. Мехдиев 2020 – Мехдиев Э. Т. Турция в мировой политике и экономике («Неоосманизм» в региональной политике Турции) // Центр постсоветских исследований. 2020. №7. С. 1-8.
8. Мирзаханов, Тюльпаков 2018 – Мирзаханов В. С. Тюльпаков М. В. Центральная Азия и Закавказье (Потенциал и перспективы современных туркмено – китайских отношений) // Экономика. 2018. №6. С. 30-37.

9. Суханов, Грибанич 2018 – Суханов А.А., Грибанич В.М. Энергетическое сотрудничество на Каспии после подписания Конвенции // Инновации и инвестиции. 2018. №8. С. 113-115.
10. Тасмагамбетова 2017 – Тасмагамбетова И.Н. Казахстанско – российские отношения: 25 лет стратегического взаимодействия (1992 – 2016 годы // Москва: Лысенко А.Д. 2017. С. 681.
11. Черницына 2017 – Черницына С.Ю. Роль внерегиональных государств на Каспии // Международный научно – исследовательский журнал. 2017. №8. С.119- 122.
12. Чернявский 2003 – Чернявский С. И. Внешняя политика Азербайджанской Республики 1988 - 2003 // Баку: Адилоглы. 2003. С. 488.
13. Чумаков 2019 – Чумаков Д. Перспективы Транскаспийского газопровода // Мировая экономика и международные отношения. 2019. №8. С. 47-54.
14. Overview of oil... – Overview of oil and gas in the Caspian Sea region / U.S. Energy Information Administration 2013, p. 8.
15. Лавров 2017 – Лавров: Прокладка труб по Каспию несет экологические риски // EADaily. 2017. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2017/10/16/lavrov-prokladka-trub-po-kaspiyu-neset-ekologicheskie-riski>
16. Участие Турции... – Участие Турции в военных учениях на Каспии-незаконно: МИД Ирана // Инфотека. 2021.URL: <https://infoteka24.ru/2021/09/13/87809/>
17. Пятый каспийский саммит – «Пятый каспийский саммит» // Президент России. 2018. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328>
18. Шушинская декларация 2021 – Шушинская декларация о союзнических отношениях между Азербайджанской Республикой и Турецкой Республикой // Кавказский узел 2021. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/365007/>

ОБ ИЗМЕНЕНИИ В КУЛЬТУРЕ ПИТАНИЯ КАЛМЫКОВ (XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)

Намруева Людмила Васильевна
Калмыцкий научный центр РАН
E-mail: namruevalv@kigiran.com

Аннотация: *С середины XIX в. постепенно трансформируется традиционный образ жизни калмыков, их быт, в том числе и пища. Проникновение заимствований из русской культуры, безусловно, отразилось и на кухне калмыков. В статье использованы работы калмыцких этнологов, антропологов, а также полевые материалы, собранные автором во время научных экспедиций по республике в 2010-е гг.*

Ключевые слова: *калмыки, кочевники, скотоводы, традиционное питание, мясо-молочная пища, земледелие, растительная пища, трансформация, пищевой рацион*

Введение

Культура питания калмыков формировалась на обширной территории, в которой сочетались элементы трех основных культур — лесной, кочевнической-скотоводческой и оседло-земледельческой. Набор наиболее употребительных мясомолочных продуктов, заложенных на ранних этапах истории калмыков, со временем значительно усложняется. Исследователи в модификации питания отмечают ее детерминированность внешними и внутренними факторами, наличием явлений независимого характера, равно как и результатов длительного культурного взаимообмена [Столярова 2017, с. 306].

Отличительная черта любого народа заключается в этнической кухне. По мнению исследователей, «особенности питания складывались в зависимости от географического расположения той или иной этнической группы, от рода занятий и образа жизни, определялись требованиями веры, а также сложившимися еще в языческую пору традициями» [Габдрафикова 2013, с. 138]. Согласно разделяемым нами выводам о питании с биологической и экологической точек зрения, «характер питания народов, состав потребляемых продуктов, блюд, способы и порядок приготовления и приема пищи, предпочтения и запреты в ней, особенности пищевого рациона (годового и дневного) — все это дает прекрасный материал для изучения взаимодействия человека и природы» [Кондратенко, Настинова 2019, с. 140].

Изменения в культуре питания являются одним из факторов трансформации калмыцкого общества в XX столетии. В связи с теми социальными потрясениями начала этого века (переход в новую социально-экономическую формацию, ускоренная индустриализация, урбанизация), произошедшими в стране, изменились этническая культура, уклад кочевников, их трудовая деятельность, жилище, питание. Вследствие всего этого в рационе калмыков появились новые продукты, блюда, элементы из других национальных систем питания [Намуева 2015, с. 88]. С. А. Арутюнов подчеркивает, «пища — это тот элемент материальной культуры, в котором более других сохраняются традиционные черты, с ним более всего связаны представления народа о его национальной специфике, и в то же время он легче и быстрее других поддается заимствованиям, вариациям, модификациям и новациям» [Арутюнов 2001, с. 10]. Задача нашей статьи: установить, что изменилось, модифицировалось в системе питания калмыцкого народа на протяжении XX и начале XXI в., какие факторы повлияли на этот процесс.

На протяжении нескольких столетий одной из отличительных характеристик этносов является их модель питания, которая складывается в зависимости от географического расположения, образа жизни, требований конфессии этнической группы. Калмыцкая кухня являлась объектом внимания этнологов, антропологов, культурологов и других специалистов. Классическими работами по питанию калмыцкого народа являются труды

У. Э. Эрдниева [Эрдниев 2007], А. Г. Митирова, В. В. Батырова [Батыров 2009, Батыров 2010, Батыров, Митиров 2010], Э.-Б. М. Гучиновой [Гучинова 2001б, Гучинова 2005], Т. И. Шараевой [Шараева 2008, Шараева 2015]. Исследуя биохимический состав блюд и продуктов калмыцкой кухни, Г. Э. Настинова отмечает, что «питание калмыков было достаточно сбалансированным, содержало набор основных веществ, белков, жиров, углеводов, а также биологически активных веществ: витаминов, макро- и микроэлементов» [Настинова 2016].

Трансформация питания калмыков в исторической динамике

Кочевой образ жизни калмыков в значительной степени предопределил мясо-молочный набор пищевых продуктов, что является составной частью традиционной культуры кочевников [Батыров 2010, с. 186]. Далее этот же исследователь пишет, что в конце XIX в. земледелие стало распространяться в калмыцких улусах, особенно в Большедербетовском, где после 1873 г. земля была разделена между калмыцкими родами, что сделало невозможным ведение кочевого образа жизни. Исследователь пишет, что калмыки-земледельцы сеяли преимущественно зерновые (рожь, пшеницу и др.), овощеводством долгое время не занимались [Батыров 2010, с. 199]. Однако, выводы В. В. Батырова противоречат заключению А. Н. Команджаева, который отмечает, что во второй половине XIX в. увеличивается значимость земледельческой отрасли. Калмыки занимались земледелием по Ергеням, на юго-западе, в Малодербетовском, Багацохуровском и частично в Икицохуровском и Харахусовском улусах, в местах поблизости к крестьянским поселениям. Несмотря на сложные природно-климатические условия, переселенцы добивались успехов в растениеводстве. В 1860-е гг. в калмыцкой степи культивировали в основном яровую пшеницу, рожь, табак и горчицу, в незначительных размерах высевали ячмень, просо, горох, лен, чечевицу, картофель. В отдельных местах развивали садоводство и бахчеводство [Команджаев 2012, с. 143]. Безусловно, эти виды сельскохозяйственных и огородных культур вносились в пищевой рацион калмыков. Можно констатировать, что с этого периода начала постепенно и медленно трансформироваться система питания степного народа. В качестве основных причин этих изменений выступали природно-климатические (засуха), социально-экономические факторы (бескормица, падеж скота, обнищание, рост числа оседлых крестьянских поселений вблизи калмыцких кочевий).

Новые переселенческие хозяйства в Калмыцкой степи и соседних районах нанимали на работу обедневших калмыков, которые осваивали необходимые навыки, получали опыт ведения земледелия. Русские и украинские крестьяне-переселенцы помимо хлебопашества занимались и скотоводством, тонкорунным овцеводством, перенимая опыт у калмыков-скотоводов. Таким образом, происходило смешение различных хозяйственных практик, которое приводило к изменению трудовых занятий, образа жизни, системе питания. Происходило тесное экономическое взаимодействие, которое обогащало

хозяйство как калмыков, так и русских. В конце XIX в. постепенно происходила культурная гибридизация, культурные элементы двух этносов смешивались, взаимно дополняя друг друга.

Октябрьская социалистическая революция 1917 г., провозгласившая новые принципы распределения власти, ресурсов, создавшая справедливые основы общественного устройства в российском государстве, кардинально преобразила все сферы социально-экономической жизни, в том числе и питания. Стирались границы между различными социальными группами, слоями, исчезали различия в количестве и составе пищи. По мнению Г. Э. Настиновой, «у калмыков влияние социально-экономического фактора сказалось главным образом на изменении количественного показателя (калорийности) и изменение самой структуры в составе пищи» [Настинова 2016, с. 263].

Как происходило развитие растениеводства в 1930-е гг., вспоминает Савха Сагаевич Зунгруев, который, в 1936 г. получив диплом агронома Башантинского сельскохозяйственного техникума, работал по январь 1940 г. в должностях старшего и главного агронома в Улан-Хольской МТС, районного земельного отдела, вплоть до начальника районного земельного отдела. Молодой агроном многое сделал для того, чтобы его однохотонцы, бывшие кочевники-скотоводы, ранее не имевшие никакого отношения к земледелию, особенно поливному, научились грамотно обрабатывать землю, выращивать на ней разнообразные сельскохозяйственные культуры. По мнению молодого специалиста, осуществление этой деятельности стало революционным шагом в жизни и работе степняков. Колхозники, освоив различные сельскохозяйственные машины и орудия, научились обрабатывать орошаемые земли не только для овоще-бахчевых, кормовых культур, но даже и хлопчатника. Они поняли на собственном опыте то, что если проявить хозяйскую заботу о земле, то она действительно может стать землей-кормилицей [Зунгруев 2003, с. 43]. Специалист-новатор непрерывно занимался обучением бывших степняков освоению ими передовой агротехнологии выращивания на орошаемых землях разнообразных видов и сортов овоще-бахчевых культур. В результате в каждом колхозе района выращивали арбузы, тыквы, помидоры, огурцы и другие овощи, которые не только вывозили для торговли, но и с удовольствием регулярно использовали в питании.

Поэтому утверждение Э.-Б. Гучиновой о том, что «калмыки-степняки в Сибири во время депортации приобрели первый опыт огородничества», не совсем верен. Вышеприведенные цитаты из работ А. Н. Команджаева, С. С. Зунгруева указывают на то, что отдельные локальные группы калмыков еще в XIX в. приобщались к земледелию, численность растениеводов среди степняков увеличилась и до начала второй мировой войны. Но были и те, кто не имел никакого отношения к растениеводству, они учились у соседей-сибиряков необходимым земледельческим знаниям и навыкам [Гучинова 2001а, с. 48]

В то же время Э.-Б. Гучинова совершенно права, когда отмечает, что жизнь в условиях вынужденного выселения изменила систему питания калмыков, она не могла оставаться мясо-молочной в своей основе [Гучинова 2001а, с. 49]. Одним из основных продуктов питания стал картофель. Поэт В. Б.

Шакуев в своей книге «Калмыки, помните про ссылку!», посвятил стихотворение сибирской картошке, которая спасла от гибели калмыцкий народ. «Когда она кончалась, в помощь/ Шли шубы, бортхи для вина, / Меняли золото на овощ./ Такие были времена!/ А что поделаешь? Ведь в доме/ Солдатки, дети и деды./ Желаний не было, чем кроме/ Добыть картофель для еды» [Шакуев 2018, с. 3].

В сибирский период в рацион многих калмыков вошли овощи, фрукты, рыба, ягоды, грибы. А блюда из них — борщ, щи, каши, квашеная капуста, соленые огурцы, сибирские пельмени, компоты — разнообразили ежедневный рацион калмыцких семей. По мнению Э.-Б. Гучиновой, семьи, выселенные в Среднюю Азию и Казахстан, переняли там местные блюда — плов и манты [Гучинова 2001а, с. 49].

До войны подавляющее большинство населения республики было сельским, оно занималось производством продуктов питания и обеспечивало свои семьи всем необходимым. Вернувшись на родную землю из мест выселения, калмыки, возрождая народное хозяйство, трудились в различных его сферах (транспорт, строительство, торговля, медицина, образование, культура и т. д.). Они постепенно превращались в потребителей продуктов питания, перестав их производить. Следовательно, изменился целый ряд характеристик, описывающих современную систему питания.

Динамика системы питания современных калмыков

Современные калмыки по-прежнему потребляют мясные, молочные продукты; в их рационе значимое место занимают блюда калмыцкой кухни (махан-шелтяган, дотур). Вместе с тем изменения видны «невооруженным глазом». Это относится к хлебу, домашнее хлебопечение стало редким явлением. Во время экспедиции 2019 г. по семи районам республики обнаружили, что в малых и средних селах давно не функционируют пекарни, которые работали в совхозах в советское время. Хлеб, хлебобулочную продукцию привозят из райцентра, г. Элисты, различных городов соседних регионов. В сельской глубинке хлеб выпекают в целях экономии, в случае отсутствия магазина или дороги.

Широко распространены полуфабрикаты и готовые к употреблению продукты (бериги, манты, пельмени, дотур, борцоки, колбасы и т. д.). В г. Элисте число фирм, предприятий, производящих и торгующих этими продуктами, растет с каждым годом, так как высока в них потребность. Эта продукция реализуется и в сельских магазинах. Как видим, стандарты городской культуры индустриальной эпохи все глубже проникают в современное общество, нивелируя различия между сельским и городским образом жизни, в том числе и в питании.

Правы казанские исследователи, утверждая, что «эра глобализации и наступающая массовая индустрия западного питания все больше обезличивает пищевое разнообразие» [Столярова 2017, с. 308]. Об этом свидетельствует рост количества ресторанов, кафе и иных мест общественного питания в г. Элисте и

районных центрах, на территории которых пролегают федеральные трассы. Предлагаемое меню, состоящее из трех блюд, в этих местах общепита особо не различается. Далее остановимся на конкретном социальном изменении. Э.-Б. Гучинова пишет, что «в традиционной системе питания разделения еды по таким признакам, как «первое» (жидкое) и «второе» (густое) блюда не было, в повседневной практике люди обычно ели одно блюдо за один прием пищи» [Гучинова 2001а, с. 101]. В связи с развитием инфраструктуры общественного питания, увеличивается число посетителей, желающих откусать в обеденный перерыв, куда входит незамысловатый набор привычных блюд. Если в начале нулевых годов Э.-Б. Гучинова отмечала, что в кафе и ресторанах обедает более обеспеченная часть городского населения [Гучинова 2001а, с. 101], то через двадцать лет обед могут позволить себе и работающие горожане со скромным бюджетом. Для таких посетителей ресторана или кафе предусмотрен бизнес-ланч, недорогой набор блюд, стоимость которого не более 130 рублей (в ценах до самоизоляции в стране, объявленной в связи с распространением коронавирусной инфекции 27 марта 2020 г.).

Во время тотального дефицита продовольственных товаров в застойные годы, космических цен на них в постперестроечные годы жители республики находили выход из этого положения, консервируя в огромном количестве овощи, фрукты. В настоящее время, когда маленькие магазинчики, супермаркеты предлагают широкий выбор разнообразных продуктов, необходимость заготовки впрок исчезла. Лишь истинные любители и ценители домашних солений и варений продолжают консервировать. Э.-Б. Гучинова отмечала, что умение печь — новое «хозяйственное достоинство» женщины, появившееся в те непростые времена [Гучинова 2001а, с. 101]. На наш взгляд, время и здесь расставило все по местам. Это умение, безусловно, продолжает высоко цениться, но перестало быть распространенным. Всегда можно приобрести свежую выпечку в магазинах. Даже на традиционные праздники Цаган Сар, Зул многие хозяйки приобретают готовое тесто или борцоки, не утруждая себя. В условиях высокой загруженности на работе, домашнем подворье, а также наличия лени (простой человеческой) люди стали приобретать покупные продукты. А ведь прежде их делали своими руками, те же бериги, борцоки, жаркое и т. д.

Отметим еще одно изменение в структуре праздничного питания. Крупные семейные, родственные мероприятия вышли за рамки квартиры, дома; юбилеи, свадьбы и другие важные события отмечают в ресторанах, кафе, приглашают на них не только родственников, коллег, друзей, но и обязательно тамаду и артистов. Чем популярнее и заслуженнее артисты, тем выше оплата их выступлений. Ушли в прошлое, когда на такие мероприятия приезжали родственницы, замечательныестряпухи, за день-два до его начала, чтобы подготовить, удивить гостей интересными блюдами. К слову, такими диковинными яствами угощали гостей в 1970-е гг. жители поселков Большой Царын и Восход Октябрьского района Калмыкии, где занимались рисоводством. В это время в Калмыкию были приглашены корейцы из республик Средней Азии для передачи опыта возделывания этой культуры

местному населению [Намруева 2010]. Корейская кухня кардинально отличается от калмыцкой, в ней преобладают растительная пища, острые ингредиенты. Поначалу местные жители не могли принять непривычную для них еду, которая воспринималась как экзотическая, но со временем она пришлась по душе. Среди блюд корейской национальной кухни у жителей республики особой популярностью пользуются морковчи (острая морковь), чимчи (квашеная капуста по-корейски), острая свекла, хе (рыба по-корейски) и многие другие блюда. Зато сейчас корейцы, долгое время проживающие в республике, готовят множество новых блюд из баранины [Намруева 2011]. К примеру, во время научной командировки автора статьи потчевали блюдом, где рыба была заменена на треску, накрошенную узкими полосками. Такое взаимовлияние только обогащает материальную культуру как калмыцкого, так и корейского народов.

У калмыков есть заимствования и из татарской кухни — ставшее любимым у кочевников блюдо *бешбармак* («пять пальцев»). В. Батыров пишет, что у калмыков оно встречалось в двух видах: *керчкшн-махн*, когда вареное мясо нарезалось крупными кусками, и *ишкшн-махн*, когда мясо нарезалось мелкими кусочками [Батыров 2010, с. 188]. На наш взгляд, с такими блюдами азиатской кухни как плов и манты калмыки могли познакомиться раньше, чем во время депортации в Среднюю Азию (по утверждению Эльзы-Баир Гучиновой). Живя в одной губернии, тесно взаимодействуя на ее юге, близ г. Астрахани, они, конечно же, имели возможность потреблять пищу друг друга. Это взаимопроникновение этнических систем питания калмыков, казахов необходимо исследовать в дальнейшем, используя различные источники.

Как видим, в результате межэтнических контактов, этнокультурного смешения калмыцкая пища утратила привычную пресность, она стала гораздо острой, пряной, насыщенной. Таковыми, прежде всего, стали мясные изделия, которые ныне готовятся с большим количеством перца, чеснока и других восточных пряностей.

В работе Э.-Б. Гучиновой читаем, что «в конце 1970-х гг. калмыки стали есть свеклу, баклажаны, кабачки, патиссоны, болгарский перец» [Гучинова 2001а, с. 102]. По моему мнению, со свеклой калмыки познакомились в Сибири. Моя мама, вспоминая алтайское детство во время депортации, говорила, что там, вдали от родины, их семью от голода спасли картошка и свекла. Депортированные женщины, девушки работали на полях свеклосовхозов.

Пословица «Калмык трава не ашает» (тюркск. «ест») показывает, как изменилось питание калмыков. Калмык-мясоед долгое время не признавал растительную пищу, не желая уподобляться скотине, поедающей траву. По меткому замечанию Э.-Б. Гучиновой, «это крылатое выражение стало формулироваться так: «Калмык траву не сажает, но ашает» [Гучинова 2001а, с. 102]. Однако вегетарианская пища многих современных мужчин-калмыков не устраивает, они готовы каждый день кушать мясо, желательно большими кусками и с прожилками жира. Однажды большому любителю мяса автор статьи сказала, что наши предки не ели мясо каждый день, чем сильно его удивила. В этой связи Г. Э. Настинова пишет, что отличительной чертой

пищевого рациона калмыков являлся его сезонный характер. «Мясные блюда в теплое время года употреблялись редко, тогда, в основном питались молочными блюдами. Зимой же преобладали блюда мясные, дополняемые молочными и растительными, заготавливаемые летом» [Настинава 2016, с. 262].

Вкусовые качества мяса калмыцкого крупного и мелкого рогатого скота уникальны, неповторимы, потому что они пасутся на привольных пастбищах, поедая душистые степные травы. Калмыки, живущие за пределами республики, больше всего скучают по калмыцкому мясу. Приехав на родину, они первым делом готовят махан-шелтяган, наевшись, чувствуют себя счастливыми. В последние годы в городах Москве и Санкт-Петербурге открыты мясные лавки с продукцией, привезенной из Калмыкии. Работают небольшие заведения общепита, где можно отведать блюда калмыцкой кухни.

Следует подчеркнуть, что в 2010-е гг. в республике активно открываются кафе, специализирующиеся на калмыцкой кухне. Кулинары создают новые блюда на основе традиционных мясных с привнесением новых ингредиентов, используя разнообразные техники приготовления. Многим элистинцам и гостям нравится фирменное блюдо одного из таких кафе под названием «Крутой калмык», в котором смешались традиции монгольских народов. Одно из доказательств культурной гибридности современных калмыков. В названное блюдо входят популярные в Монголии хуушуры, они похожи на чебуреки, но несколько меньше по размерам. Также в этом блюде подаются буузы, считающиеся достоянием бурятского народа. «Крутой калмык» — очень сытное блюдо, кроме перечисленных в него еще входят: береги, шашлычки из печени или мясо ягненка (на выбор), фирменные соусы, а также салат. Автор статьи, каждый раз бывая в этом кафе, постоянно встречает гостей, приехавших из других российских регионов, которым очень нравится калмыцкая кухня. Одна из них на сайте кафе написала: «Останавливались семьей на обед в этом заведении по пути в Грузию и на обратной дороге. На нашем пути — это лучшее место, где мы кушали от Волгограда до Владикавказа» [Главное]. Посетители кафе, отведав замечательные блюда калмыцкой кухни, долго вспоминают сочность мяса, неповторимый вкус блюд, их полезную калорийность. Приятные воспоминания о калмыцкой кухне заставляют вновь вернуться туда, где так вкусно и сытно готовят, где неповторимо сочетаются лучшие качества блюд разных народов.

Заключение

Уникальность системы питания калмыков заключается в том, что они, находясь более четырех столетий вдали от родственных народов (монголов, бурят), в границах сильно отличающихся историко-этнографических ареалов, смогли сохранить приверженность традиционному мясомолочному питанию, несмотря на сильное влияние других культур питания. В то же время современное питание калмыков значительно отличается от традиционного питания. Такие социально-экономические явления XX столетия как переход

кочевников на оседлый образ жизни, включение степного народа в модернизационные процессы, его депортация, возрождение народного хозяйства в послевоенные годы — все это кардинально изменило систему питания калмыков. В этот исторический период взаимодействия различных народов произошло смешение разнородных культурных элементов, в том числе новшества в питании калмыков. В условиях изменившейся современной жизни они перешли от производства продуктов питания в своем личном хозяйстве к приобретению продовольственных товаров в магазинах. Соседство, ежедневные контакты, взаимодействие в разных сферах жизни со славянским (русским, украинским, белорусским) населением, с представителями тюркоязычных групп (татары, казахи), кавказских народов, корейцами значительно разнообразило пищевой рацион калмыцких семей.

Благодарность: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (2020-2022 гг.)

Литература

1. Арутюнов 2001 — Арутюнов С. А. Основные пищевые модели и их локальные вариации у народов России / Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.: Наука, 2001. 293 с.
2. Батыров 2009 — Батыров В. В. Растительная пища в рационе калмыков в XIX в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 2. С. 73–75.
3. Батыров 2010 — Батыров В. В. Пища и домашняя утварь // Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская; ИЭА РАН, КИГИ РАН. М.: Наука, 2010. 568 с.
4. Батыров, Митиров 2009 — Батыров В. В., Митиров А. Г. Традиционная пища // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. Т. 3. 752 с.
5. Габдрафикова 2013 — Габдрафикова Л. Р. Культура питания городских татар (конец XIX–начало XX в.) // Этнографическое обозрение. 2013. № 2. С. 138–149.
6. Главное – Главное. URL: Kalmyk-kitchen.ru
7. Гучинова 2001a — Гучинова Э.-Б. Постсоветская Элиста: власть, бизнес и красота. Очерки социально-культурной антропологии калмыков. СПб.: Алетейя, 2001. 180 с.
8. Гучинова 2001б — Гучинова Э.-Б. Пища калмыков в России и США: опыт сравнительного анализа // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.: Наука, 2001. 293 с.
9. Гучинова 2004 — Гучинова Э.-Б. Улица «Kalmuk Road»: История, культура и идентичность в калмыцкой общине США. СПб.: Алетейя, 2004. 340 с.

10. Зунгруев 2003 — Зунгруев С. С. Труд, отданный земле. Воспоминания. Элиста, 2003. 192 с.
11. Команджаев 2012 — Команджаев А. Н. Изменения в хозяйственной культуре кочевников Прикаспия XIX–XX вв. // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2012. № 3. С. 141–147.
12. Кондратенко, Настинова 2019 — Кондратенко Е. И., Настинова Г. Э., Андреева А. Б., Коваленко Н. В., Тиимова Ж. А. Здоровьесберегающий потенциал традиционной культуры питания народов Северного Прикаспия // Астраханские Петровские чтения: Мат-лы всерос. науч. конф. «Устойчивое развитие Каспийского региона: экологические, экономические, социальные аспекты (к 100-летию образования первого университета в Астрахани)» / отв. ред. и сост. Е. Г. Тимофеева, А. П. Романова, А. О. Тюрин. Астрахань: АГУ, Издат. Дом «Астраханский университет», 2019. С. 140–144.
13. Культурная гибридизация — Культурная гибридизация // Большая Российская Энциклопедия. Электронная версия. URL: <https://bigenc.ru/ethnology/text/2121101>
14. Намруева 2015 — Намруева Л. В. Социокультурная модернизация в аграрном регионе РФ (на примере Республики Калмыкия 2000-х годов) Элиста: КИГИ РАН, 2015. 149 с.
15. Намруева 2010 — Намруева Л. В. Социологический анализ идентичности калмыков и корейцев, проживающих в Республике Калмыкия (по итогам опросов, проведенных в 2009-2010 гг.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 2. С. 39–44.
16. Намруева 2011 — Намруева Л. В. Корейцы в Калмыкии: общество и трудовая деятельность // Корейцы Юга России и Нижнего Поволжья: история и современность. Волгоград, 2011. С. 31–45.
17. Настинова 2016 — Настинова Г. Э. Культура питания калмыков: традиции и реалии // Кочевые народы Юга России: исторический опыт и современность. Мат-лы рос. науч. конф. с междунар. участием (г. Элиста, 16–19 марта 2016 г.). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2016. С. 261–264.
18. Настинова 2019 — Настинова Г. Э. Номадное животноводство как основа системы жизнеобеспечения калмыцкого народа // Вестник Калмыцкого университета. 2019. № 4(44). С. 55–62.
19. Столярова 2017 — Столярова Г. Р. Инновации в культуре питания: предпосылки и направления (пример татар г. Казани) // Дополнительное профессиональное образование как стратегический ресурс развития культуры регионов. Мат-лы междунар. науч.-практ. Конф. (г. Казань, 19 апреля 2017 г.). Казань: Респ. мед. библ.-инф. Центр, 2017. С. 304–309.
20. Столярова 2018 — Столярова Г. Р. Социальные аспекты культуры питания татар-горожан (по материалам этносоциологического исследования) // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Казань, 6-7 сентября 2018 г.). Казань: Ин-т истории Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 467–470.

21. Шакуев 2018 — Шакуев В. Б. Калмыки, помните про ссылку! (Стихи, поэма, киносценарий). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2018. 77 с.
22. Шараева 2008 — Шараева Т. И. Субпродукты в мясном рационе у калмыков: традиции охотников и скотоводов // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Сб. науч. трудов / отв. ред. П. М. Кольцов. Элиста: КалмГУ, 2008. С. 164–171.
23. Шараева 2015 — Шараева Т. И. Субпродукты в обрядовой культуре калмыков // Актуальные проблемы современного монголоведения. Сб. науч. статей. Элиса: КИГИ РАН, 2015. С. 74–84.
24. Эрдниев 2007 — Эрдниев У. Э. Пища и напитки // Эрдниев У. Э., Максимов К. Н. Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. книж. изд-во, 2007. С. 289–296.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ НАРОДОВ ПРИКАСПИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ НА ТЕРРИТОРИИ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ФАКТОР МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Хлыщева Елена Владиславовна
Астраханский государственный университет
E-mail: culture_mar@mail.ru

Аннотация: *Изменение этноструктур под влиянием миграционных процессов неблагоприятно сказывается на развитии поликультурного региона, каким и является Астраханский край. Прежние адаптивные модели в такой ситуации становятся неэффективными, поэтому встает вопрос о формировании социетальной (культурной) безопасности региона. Проблемы культурной безопасности во многом сопряжены с проблемой межкультурных диалогов. В результате начавшихся процессов этнического возрождения 90х годов XX в. создаются национально-культурные общества, деятельность которых направлена на популяризацию этнических культур и их традиций, сохранение культурного наследия, а также интеграцию народов, населяющих регион. Сегодня особенно значимы проекты, направленные на взаимосотрудничество народов стран Прикаспийского региона.*

Ключевые слова: *культурная безопасность, национальные общества, поликультурность, культурное наследие, культурный диалог.*

Введение

Астраханский регион изначально представлял собой разновидность геокультурного пространства со специфичным типом культурогенеза. Здесь и

сегодня существует сложное переплетение культурных миров, сложившихся постепенно в одну культурную традицию, имеющую много общего с культурными ценностями российского общества, но и обладающую своими особенностями. Однако миграционные волны существенно повлияла на деформацию этнической структуры края. Некоторые народы уехали на свою историческую родину, среди них белорусы, украинцы, немцы, евреи, казанские татары. Уменьшили свой состав калмыки, каракалпаки, кабардинцы, киргизы, осетины [Распределение численности населения]. Другие, напротив, приехали в край в поисках работы – узбеки, таджики, туркмены, дагестанцы. Доля русского населения в Астраханской области по данным переписи 2010 года снизилась с 72 до 69,69%, зато чеченский этнос вышел на четвертое место по численности, что изменило исторически сложившиеся паритеты региона [Национальный состав].

Исторически проживающие на территории Астраханского региона этнические группы, различаясь по ценностям, религии, традициям, но живя бок о бок на протяжении столетий, сформировали свой язык культурного взаимодействия. Приезжие далеки от традиций, сложившихся в Астраханском крае, поэтому воспринимаются населением как «иные», а отношения с ними проецируются через призму «свои - чужие» [Романова 2013, с.118]. В результате появляются изолированные территории, жители которых, замкнутые на себе посредством своего языка и культурных символов, испытывают затруднения в коммуникациях с другими народами, что создает пригодную почву для межэтнических столкновений.

Азербайджанцы, дагестанцы и чеченцы более мобильны в социальном плане, чем местное астраханское население, поэтому активно заполняют ниши, образовавшиеся в условиях рыночной экономики. Дестабилизирующее влияние на межнациональное равновесие в регионе оказывает и незаконная миграция из стран среднеазиатского региона и Закавказья. Миграционные потоки создают проблемы для коренного населения. За последние годы отмечается увеличение конфликтов, начинающихся с бытовых разборок и заканчивающихся «межнациональным противостоянием» [Новичкова 2010, с.2], что негативно отражается на восприятии мигрантов местным населением.

Ситуация аналогична происходящему в Западной Европе, где встречаются разные культурные миры, не готовые идти на контакт друг с другом. Прежние адаптивные модели в такой ситуации становятся не эффективными, поэтому всерьез встает вопрос о формировании социетальной (культурной) безопасности региона.

Деятельность национальных объединений по реализации культурного диалога народов Прикаспийских государств

Важное значение имеет культурная составляющая адаптации мигрантов, включая получение полноценного образования, удовлетворение этнокультурных и религиозных потребностей, осознанную этническую и гражданскую самоидентификацию, ощущение себя жителем определенной

местности. Культурная адаптация помогает преодолеть маргинальность и обособленность на этнической или конфессиональной основе.

Этнокультура, как единая система, объединяющая традиционное с прогрессивным, инновационным, способна сохранить уникальность только в рамках диалога, и при условии опоры на общечеловеческие нравственные ценности, а именно: уважение себя и себе подобных, умение понять себя через других. Иными словами, речь идет о таком взаимодействии, которое, имея интегрирующие основания, не подменяется ассимиляцией. Каждая культура отстаивает свою идентичность, открываясь в то же время широкому внешнему заимствованию.

Культурная безопасность представляет собой не только поддержание безопасности в культурной сфере, но и поддержание национальной безопасности через развитие культурного самосознания. Поскольку безопасность есть состояние системного равновесия, то поддержание наработанных культурных паттернов во многом ее стабилизирует. Однако необходимо во всем соблюдать равновесие. Любой перекоп в сторону влечет за собой социальную и культурную напряженность.

Регион отличается историческим единением государств с очень разными культурами и ментальностями. Поэтому достижение культурной безопасности невозможно без формирования единого ментального субстрата, близкого всем представителям этнокультур. Без учета динамики идентичностей народов, повышения культурного самосознания эта задача невыполнима. Иными словами, проблемы культурной безопасности во многом сопряжены с проблемой межкультурных диалогов.

Большое влияние на межэтнические отношения оказывает «культурная дистанция» - степень фактического различия во внешних признаках, поведении, образе жизни. В 90-х годах XX века в результате начавшихся процессов этнического возрождения в Астраханском регионе появилось 27 областных и 17 районных национально-культурных обществ, из которых наибольшую активность проявляют немецкая автономия «Einheit», дагестанское национально-культурное общество «Баракат» (Благоденствие) и чечено-ингушское общество «Вайнах». Действует областное и районные общества казахской культуры и языка «Жолдастык», Астраханская региональная общественная организация «Казахский национальный центр», Астраханский общественный фонд им. Курман-газы и др. [Национально-культурные общества]. Татары организовали несколько национально-культурных объединений, крупнейшим из которых является общество «Дуслык». Существует и женская татарская организация «Ак Калфар». Появилось туркменское национально-культурное объединение «Ватан».

Украинская диаспора зарегистрировала общество «Беркут». Калмыцкая община организовала областное общество калмыцкой культуры «Хальмг». Осенью 1996 года появилось в Астрахани общество армянской национальной культуры «Арев». Еврейская община организовала общество «Тхия», существует национально-культурное общество турок-месхетинцев «Айдын».

Эпизодически просуществовало, хотя и прошло регистрацию в 1992-1993 годах, общество корейской истории и культуры «Коре».

Национально-культурные запросы узбекского населения удовлетворяет созданное в 1996 году общество «Узбекистон». Расширяет свою творческую активность фольклорный ансамбль узбекской культуры «Узбекистон-гюллари».

Функционируют в крае и две национально-культурные автономии: немецкая (образована в 1997 году) и казахская (создана в 1998 году), имеющие больше прав, нежели общественные организации. Деятельность этих автономий, в том числе и на уровне местного самоуправления, позволяет создавать необходимые социально-экономические и культурные условия для дальнейшего этнокультурного развития немецкого и казахского этносов на территории области.

В начале 2002 года были зарегистрированы Астраханская областная общественная организация цыган «Романи дума» и Астраханская областная общественная организация иранской культуры «Тегеран». Весной этого же года появилось «Общество дружбы и культурных связей народов России и Индии». Не так давно появилась Астраханская общественная организация греческой культуры им. Варвация. А астраханские ногайцы вошли в состав федеральной национально-культурной автономии Ногайского района республики Дагестан, тем самым объединившись с ногайцами, проживающими в разных регионах страны.

Все национальные общества стремятся укрепить интерес к национальной культуре, ее традициям и активно сотрудничают в этом направлении с национально-культурными объединениями на постсоветском пространстве. Примечателен факт, что большинство обществ являются многонациональными, имея свои представительства в советах других национальностей.

Образованные по национальному признаку общественные объединения решают вопросы не только сохранения национального языка, культуры, но и пропагандируют историю становления своих народов, самобытных традиций и промыслов представителям других национальностей, проживающих с ними по соседству. Проводят общества и работу по охране культурного наследия Нижневолжского края. Данная деятельность «способствует консолидации населения региона, обогащению культуры различных этносов за счет восприятия отдельных элементов культурных традиций соседей» [Якушенков 2008, с. 298].

Памятники культурного наследия динамичны, они подвержены разрушению, изменению, а главное - их восприятие меняется под влиянием процессов адаптации и интеграции; социальных трансформаций и взаимодействий. В русле этнического возрождения в Астраханской области один за другим стали появляться памятники этническим деятелям, так или иначе связанным с историей края.

Уже в начале 1993 года было принято решение о воздвижении мемориала на могиле казахского музыканта Курмангазы силами Казахстана и Астраханской области. При областном обществе казахской культуры и языка «Жолдастык» создан фонд Курмангазы, а работы возглавил архитектор М. С.

Нуркабаев, директор историко-культурного заповедника Мангистауской области. Примечательно, что все работы производились только вручную. 11 октября 1996 г. в селе Алтынжар Володарского района президентом республики Казахстан Нурсултаном Назарбаевым и председателем правительства Российской Федерации Виктором Черномырдиным мавзолей был открыт [Межгосударственный культурный центр].

Памятник же музыканту был сооружен в центре города Астрахани и открыт 13 декабря 2008 года (подарок правительства Казахстана к 450-летию Астрахани). Межгосударственный Культурный центр им. Курмангазы Сагырбаева является символом взаимососедских дружеских отношений двух стран России и Казахстана и послужил примером для других государств ближнего зарубежья.

Вслед за памятником Курмангазы появились памятники татарскому народному поэту Габдулле Тукаю (подарило правительство Татарстана), украинскому поэту Тарасу Шевченко (бывшему в Астрахани проездом, возвращаясь из ссылки), ногайскому просветителю Абдулхамиду Джанибекову (основные средства в возведение памятника внес правнук просветителя Марат Джанибеков), астраханским казакам, сквер «Армения» с памятным знаком Хачкар и др.

12 октября 2011 был открыт еще один мавзолей - Букей хана в селе Малый Арал Красноярского района Астраханской области. Инициатором создания мавзолея является бывший Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. А реализация этого проекта стала возможной благодаря поддержке областного акимата и атырауских предпринимателей [Мемориальный комплекс].

Один из её стратегических партнёров является Туркменистан. Налаживанию культурных контактов между народами во многом способствует деятельность Астраханской региональной общественной организации по сохранению и развитию туркменской культуры «Туркменистан», созданной в 2009 г. В этом же году в Астрахани состоялось открытие монумента классику туркменской и мировой литературы, поэту Махтумкули Фраги, переданного в дар нашему городу президентом Туркменистана Г.М. Бердымухамедовым (выполнен известным туркменским скульптором Сарагтом Бабаевым) [Памятник Махтумкули]. В мае 2012 г. в Астраханской области широко прошли Дни культуры Туркменистана. В Туркмении проходили Дни культуры России.

Первым шагом в установлении партнерских отношений между Астраханским регионом и республикой Азербайджан стало открытие в Астрахани памятника первому президенту Азербайджана Гейдара Алиева в 2010 году на набережной Приволжского затона [В Астрахани открыт памятник]. Вокруг него разбит сквер, который тоже назван в честь Гейдара Алиева. В 2012 году неподалеку от памятника Гейдару Алиеву был возведен Мост Дружбы России и Азербайджана, символически соединивший сквер Алиева и проспект первого астраханского губернатора Гужвина. В свою очередь, при поддержке Астраханской стороны в Азербайджане открыли парк Дружбы Баку и Астрахани.

В процессе реализации международных социально-значимых проектов, направленных на укрепление дружбы и взаимопонимания между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией, и конкретно с Астраханской областью средней общеобразовательной школе №11, расположенной на улице Бакинской, в 2011 году было присвоено имя Гейдара Алиева. При школе был открыт «Детский сад Дружба». Школа находится под патронажем Фонда Гейдара Алиева, который провел реконструкцию здания.

Подарком от республики Азербайджан стал памятник Святому Князю Владимиру, открытый 1 октября 2013 года [Памятник святому Князю].

Президент Азербайджана оказал финансовую помощь из Фонда имени Гейдара Алиева. Автором архитектурной композиции выступил народный художник Азербайджана, профессор Натик Алиев, авторами памятника стали астраханский архитектор Александр Федорченко и московский скульптор Андрей Ковальчук. Сама скульптура Князя Владимира была изготовлена в Баку и доставлена в Астрахань, гранит для постамента привезен из Ирана. Кроме того, была благоустроена и прилегающая территория, превратившаяся в небольшой сквер.

Ежегодно, с 2006 года, 12 августа отмечается Международный День Каспия [Интеграционные инициативы, 2015, с. 809], где активное участие принимают национальные общества. Театральные постановки воспроизводят легенды и предания о Каспии разных народов, живущих на его берегах. Легенды рассказывают о любви могучего богатыря Каспия к какой-то из красавиц по имени Волга, Кура или Аму-Дарья – выбор огромен, поскольку в море впадают около 130 больших и малых рек, девять из которых имеют устье в форме дельты.

В этот день, помимо культурномассовых мероприятий, проходят интеллектуальные игры об обитателях Каспийского моря, конференции, круглые столы и встречи с участием общественных организаций и научных институтов. Целью подобных мероприятий является не только практическое накопление научнотеоретических знаний, но и активное их использование в выработке национального курса в отношении Прикаспия.

Заключение

В процессе культурного взаимодействия происходит осознание легитимности существования множественности культур. Специфические черты культуры складываются исторически в ходе приспособления определенного социокультурного сообщества к условиям существования. В реальной жизни культурные контакты во многом обусловлены наличием сложных связей между отдельными социальными или этническими группами, их «притяжением - отталкиванием, общностью и различием исторических судеб, разновекторностью ценностных ориентаций» [Мурзина 2003, с. 16]. Для сближения культур важным являются не размеры территории или численность населения и даже не наличие природных ресурсов, а культурные и психологические факторы: уровень национального самосознания и способность

к самореализации. А потому необходима такая система культурной безопасности, где возможно решить проблему межкультурного, межнационального взаимодействия без силовых действий и экономических санкций.

Показателем формирования общекультурного пространства в Астрахани стали ежегодно проводимые Фестивали национальных культур народов, населяющих регион под девизом «Мы вместе». Здесь звучат народные песни, исполняются национальные танцы, демонстрируются мини-фильмы о творческой жизни разных народностей. Обязательна выставка молодёжных отделений национально-культурных обществ, которые представляют свои обычаи и культуру. Многообразие народных костюмов и музыкальных инструментов, национальной кухни, богатство языка и традиций придутся по вкусу самым взыскательным гостям города.

В Астрахани реализовано много проектов в рамках международной дружбы, а Астраханский государственный университет активно развивает отношения с прикаспийскими вузами. Интересны гуманитарные проекты, например, планы создания Центра азербайджанской культуры и языка в Астрахани и ответное открытие Центра гуманитарного сотрудничества и русского языка в Баку.

В основе работы национальных обществ лежит процесс интеграции, понимаемый как «способность людей жить вместе, уважая достоинство каждого индивида, принципы общего блага, плюрализм и многообразие, на основе солидарности и отказа от насилия» [Белая книга 2011]. Интеграционные стратегии должны охватывать все стороны общественной жизни, включая политические и культурные аспекты. Только так мы сможем реализовать программу создания общего межкультурного пространства Каспийского региона.

Литература

1. В Астрахани открыт памятник – В Астрахани открыт памятник Гейдару Алиеву. URL: <https://v102.ru/news/22279.html>
2. Интеграционные инициативы – Интеграционные инициативы в Каспийском регионе: тенденции и перспективы/ 2015/ - //Session 4E: Региональные экономики. С.805-811. URL: <https://www.avekon.org/papers/1221.pdf>
3. Межгосударственный культурный центр – Межгосударственный культурный центр им. Курмангазы Сагырбаева. URL: <http://regionvol.ru/index.php?newsid=23>
4. Мемориальный комплекс – Мемориальный комплекс «Букей-хан и Сеид-баба». URL: <https://tonkosti.ru>
5. Мурзина 2003 – Мурзина И.Я. Феномен региональной культуры: бытие и самосознание: автореф. ... дис. д-ра наук Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 2003. 55 с.

6. Национально-культурные общества – Национально-культурные общества г. Астрахани. URL: <http://ast-news.ru>
7. Национальный состав населения – Национальный состав населения / Астраханская область в цифрах. URL: <http://astrastat.gks.ru>.
8. Новичкова 2010 – Новичкова А. Скажи, в чем сила, брат? / Комсомолец Каспия. 15 декабря 2010. №99(6640).
9. Памятник Махтумкули Фраги – Памятник Махтумкули Фраги – Астрахань. URL: <https://russia.travel/objects/325035/>
10. Памятник святому – Памятник святому Князю Владимиру в Астрахани. URL: <http://love-astrakhan.ru/sgt.php?action=view&id=100000215>
11. Распределение численности – Распределение численности населения региона по национальностям. 30. Астраханская область/Лица России. URL: www.rusnations.ru/regions/astrakhan
12. Романова 2013 – Романова А.П., Хлыщева Е.В., Якушенков С.Н., Топчиев М.С. Чужой и культурная безопасность. М.: РОССПЭН, 2013. 215 с.
13. Якушенков 2008 – Якушенков С. Н. Население края //Природа, прошлое и современность Астраханского края/сост.: Жилкин А. А., Лунев А. П., Пятин В. А. и др. Астрахань, 2008. 450 с.
14. Белая книга 2011 – Белая книга по межкультурному диалогу. М., 2011. 73 с.

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ОБЩИНЫ В МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА КАК ФАКТОР РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Михайлова Елена Александровна,
Астраханский государственный университет
E-mail: elmikh@mail.ru

Бедаев Александр Иванович,
Астраханский государственный университет
E-mail: bedaevalex@yandex.ru

Тихонова Валентина Львовна,
Астраханский государственный университет
E-mail: opera-15@mail.ru

Упир Ирина Романовна,
Астраханский государственный университет
E-mail: ireneupir@mail.ru

Аннотация: В данной статье обуславливается значение русской общины как самой многочисленной на пространстве Каспийского региона после распада Советского Союза. Наибольшее число представителей русской диаспоры располагается в Казахстане и Азербайджане, в связи с чем русскоговорящее население рассматривается как приоритетное направление внешней политики России. Так как на современном этапе интеграция в регионе осуществляется с различными темпами, важно сохранять должный уровень региональной безопасности в рамках миграционных процессов. Подобная безопасность может достигаться в результате использования инструментов и механизмов культурной политики и «мягкой силы». Особую роль в проведении данного типа политики занимает сохранение и поддержание статуса русского языка. Языковая политика современной России требует серьезных усилий в области языкового планирования. Языковая политика и языковое планирование в многонациональном государстве служат значимым инструментом сохранения и одновременно развития страны. В результате стремления руководства некоторых стран Каспийского региона, таких как Казахстан и Туркменистан, проводить языковую политику, русскоговорящие общины подвергаются дискриминации. Для того, чтобы создать благоприятные условия миграции, в частности, трудовой, важно разрабатывать механизмы, направленные на сохранение русского языка и поддержание русской культуры в странах региона.

Ключевые слова: русские общины, диаспора, миграция, региональная безопасность, Каспийский регион, русская культура, русский язык, «мягкая сила», русскоязычное население, интеграция.

В государствах Каспийского региона исторически сформировались значительные русскоязычные общины, что исследователи чаще всего связывают с тем, что большинство стран региона, кроме Ирана, находились в составе СССР. Распад Советского Союза повлек за собой масштабные сдвиги в этническом составе бывших стран-участниц в результате миграционного движения населения.

После 1991 г. русская диаспора стала одной из наиболее многочисленных в мире, более 25 миллионов представителей русской общины оказались за пределами России. В данной связи актуальным представляется выявление определения термина «диаспора». Большинство исследователей сходятся во мнении, что диаспора представляет собой определенную этническую группу, постоянным местом проживания которой выступают территории, отличные от ее исторического происхождения.

Глобализация международной мобильности и миграции, а также транснациональные культурные потоки позволили сформировать новую идентичность диаспор, смещая границы и гибридизируя культурные процессы. Многие национальные государства увидели полезность диаспор в поддержании своих собственных международных отношений и повышении своей глобальной экономической конкурентоспособности [Табасаранский 2021, с. 110].

Интенсивные процессы современной глобализации, характеризующиеся взаимосвязанностью и взаимозависимостью, изменили условия формирования и сохранения диаспор, их ценность для людей, сообществ и государств. В целом диаспоры все чаще изображаются как ценный ресурс развития общества

и государства, как неотъемлемая часть индивидуальных и общинных гибридных идентичностей.

Формирование диаспоры предполагает структурирование социального пространства сообщества через соединение демографического потенциала этнической группы, ее этнокультурных ресурсов, общественных и этнокультурных институций и инфраструктуры.

Русская диаспора в современном понимании возникла после 1917 г., когда большое количество граждан России начало мигрировать, как по политическим, так и по экономическим причинам. Распад СССР также стал переломным моментом в истории России, когда в одночасье представители русской общины оказались в новом географическом пространстве.

Русские диаспоры в государствах Каспия различаются по истории формирования, величине, положению своих членов в социуме.

На территории Исламской Республики Иран расположена одна из самых немногочисленных русских общин. На современном этапе представители русской диаспоры в Иране не превышают 2 тысяч человек [Шеффер 2003]. Зарождение русскоязычных общин на территории Ирана нередко связывают с созданием Советского Союза, поскольку после обретения им государственности многим представителям Белого Движения пришлось бежать в соседние страны. Русская диаспора оказала значительное воздействие на развитие культурной и экономической сфер Ирана.

В настоящее время члены русской общины в Исламской Республики Иран выстраивают социальное взаимодействие, основываясь на законодательстве Российской империи. Это стало косвенным результатом Исламской Революции 1979 г., по итогам которой национальные общины смогли осуществлять повседневную деятельность на основе своего семейного и имущественного права.

Современная русская община в Туркменистане также относительно немногочисленна. Ее численность по данным переписи 2010 г. составляла не более 3,2% от всего населения. В исторической ретроспективе подобное число является наименьшим. Так, наибольшую долю в составе населения Туркменистана русская община составляла в 1979 г., когда она представляла чуть менее 20% [Всесоюзная перепись 1989].

Кроме того, Туркменистан является одним из немногих государств на постсоветском пространстве, в котором русская диаспора настолько малочисленна. Распределение русскоязычного населения неравномерно, поскольку их большинство приходится на Ашхабад. В связи с тем, что миграционные процессы из России в основном осуществлялись в XX в., значительные изменения претерпели демографические характеристики. Из-за резкого сокращения доли «старых» городских русскоязычных жителей по сравнению с бывшими сельскими жителями, культурное влияние России в Туркменистане самое низкое в регионе.

Необходимо также отметить, что потоки рабочих мигрантов и студентов между Россией и Туркменистаном незначительны, что непосредственно связано с авторитарным режимом последнего.

На территории Азербайджана сложилось принципиально отличающаяся ситуация относительно количества членов русской общины. Во второй половине XIX в. потоки миграции русскоязычного населения усилились в связи с тем, что царские власти проводили политику, направленную на переселение в отдаленные регионы империи представителей религиозных сект (например, духоборов).

В начале XX в. миграция на территорию Азербайджана определялась стремлением жителей центральных регионов страны работать на стратегических промышленных предприятиях, что связано, в первую очередь, с увеличением уровня разработок в нефтяной области. Несмотря на это, уже по окончании Первой мировой войны вектор развития Азербайджана сменился в связи с острым экономическим кризисом, оказавшим негативное воздействие на промышленность. Подобные обстоятельства побудили русскоязычное население мигрировать обратно на территорию России.

Во второй половине XX в. в результате урбанизации члены русской общины стремительно перемещаются в крупные города, а сельское население, соответственно, значительно сокращается.

После распада Советского Союза и обретением независимости Азербайджаном, область применения русского языка естественным образом существенно снизилась [Бадалов 2019]. Возникающие при распаде СССР очаги межэтнических конфликтов стимулируют отток русскоязычного населения.

Современный этап характеризуется демографическим сдвигом русскоязычной общины, что связано со старением населения, а также ассимиляцией, в том числе посредством смешанных браков [Бадалов 2020].

В Каспийском регионе в настоящее время русская община преобладает в Казахстане, особенно в его северных и восточных частях.

На момент распада СССР русские превосходили численностью этнических казахов, а некоторые записи данных показывают, что этнические казахи составляли лишь 40% от общей численности населения. Однако с течением времени демографический состав постоянно менялся из-за сокращения русского населения в Казахстане. Число этнических русских сократилось с 37% в 1989 г. до 30% в 1999–2000 гг.

При этом русскоязычное население в основном проживало в городах, а уровень урбанизации определял более высокий уровень образования. Соответственно, у урбанизированной русской общины сформировалась более низкая рождаемость в сравнении с казахским населением. В настоящее время быстрое сокращение числа этнических русских в Казахстане привело к тому, что они оказались в неблагоприятном демографическом положении как этническое меньшинство [Алексеенко, Аубакирова, Жанбосинова 2019].

Таким образом, на пространстве Каспийского региона представители русскоязычных групп являются самой крупной диаспорой. Во время существования Советского Союза эта группа характеризовалась улучшенной социальной структурой и имела миграционные преимущества: урбанизированные русскоязычные жители имели доступ к лучшим условиям в области здравоохранения, образования, науки и других социально-

экономических сферах жизнедеятельности. Однако после распада СССР русской общине пришлось столкнуться с трудностями, что оказало значительное воздействие на динамику миграции. В результате существенно ухудшились условия удовлетворения информационных, культурных, языковых потребностей, а также возникли проблемы сохранения личных и родственных отношений.

События 2020 года, связанные с пандемией, серьезно нарушили мобильность людей по всему миру, что повлияло в том числе на миграцию, в том числе и на ее регулирование (получение документов на законное проживание в стране прибытия). Закрытие границ, в том числе между Россией и государствами Каспийского региона, означало, что более половины всех трудовых мигрантов не смогли въехать в Россию, а те, кто потерял работу, были вынуждены вернуться в свои страны. Российские власти, столкнувшись с нехваткой рабочей силы, предоставили миграционную помощь, продлили срок действия документов, а также прекратили депортации [Кантемирова, Мирошниченко 2021, с. 201].

В системе региональной безопасности русскоязычное население выступает основой для межстранового диалога в Каспийском регионе. Чем стабильнее взаимодействие, тем лучше обеспечивается региональная безопасность, в связи с чем важно пользоваться инструментами «мягкой силы», к которой относится целенаправленная российская культурная политика в регионе.

В данной области Россией предпринимаются попытки разработать соответствующие механизмы нормального сосуществования представителей различных этнических общин на пространстве Каспийского региона. Так, руководство РФ стремится проводить политику, направленную на сохранение и распространение русского языка, а также повышение его популярности в странах Каспия. Для современной России проблемы роли, места и статуса русского языка в международном сообществе являются актуальными и важными в контексте внешнеполитических перспектив российского государства, общества и нормального существования русских общин [Khan 2021, с. 59].

Помимо этого, Россия стремится противодействовать русофобским дискриминационным практикам в отношении русскоязычного населения в странах Каспийского региона. Для этого она проводит политику, направленную на выявление и предотвращение ситуаций, способствующих развитию русофобских тенденций. Так, например, российским руководством разработаны механизмы противодействия фальсификации исторических событий, оказывающих влияние на современное положение русской диаспоры.

Надо отметить, что в своей политике относительно русскоговорящих общин, постоянно проживающих за границей, российское руководство приоритетной целью видит не только обеспечение условий для комфортного проживания диаспор на территории других государств, но их возвращение в Россию [Культура в России 2020].

Основой российской политики в отношении русскоговорящего населения в государствах Каспийского региона выступает стремление в долговременной перспективе вернуть часть населения на территорию РФ.

Однако для осуществления региональной безопасности в условиях миграции руководство России проводит активную культурную политику. Так, одной из наиболее актуальных тем в данной связи выступает проблема статуса русского языка. Несмотря на то, что по исторической инерции он по-прежнему играет роль языка межнационального общения, в странах Каспийского региона возникают и распространяются антирусские настроения.

Ярким примером выступают Туркменистан и Казахстан, на законодательном уровне которых разрабатываются механизмы отказа от русского языка [Шустова 2019, с. 18]. Казахстан стремится к 2023 году вернуться к латинскому алфавиту, отказавшись от кириллицы, которая сейчас используется для казахского языка, а также в значительной мере от русского языка, который все еще доминирует, особенно в урбанизированной среде северных районов страны. Отказ от кириллицы влечет за собой значительное количество сложностей и противоречий, коммуникативные проблемы для части местного населения, сориентированного на использование русского языка и кириллицы. Новым поколениям придется преодолевать культурную, коммуникативную и образовательную пропасть, которая отделит их от предшествующих им поколений.

Во избежание ухудшения условий существования русскоговорящего населения на территориях государств Каспийского региона и усугубления динамики миграционных процессов, сохранение статуса русского языка выступает одной из ключевых и приоритетных задач России в области региональной безопасности.

Таким образом, государства Каспийского региона, стремятся постепенно осуществлять разновекторную и разноскоростную внешнеполитическую интеграцию. В настоящее время вектор развития взаимодействия Азербайджана и Казахстана с другими государствами сместился с двусторонних отношений с Россией, к осуществлению сотрудничества с новыми стратегическими партнерами, особенно с Турцией и Китаем. Туркменистан, реализуя автаркичную модель государства, особое внимание в своей внешней политике также уделяет большое внимание связям с турецким интеграционным проектом. В подобных условиях постепенно уменьшается число представителей русской общины на территориях государств Каспийского региона, что связано с миграцией и неблагоприятными демографическими процессами. Для сохранения и повышения уровня региональной безопасности важно более широко использовать механизмы культурной политики и «мягкой силы».

Литература

1. Khan 2021 – Khan Sh. Russian language as tool in foreign policy in CIS // Постсоветские исследования. 2021. №1. С. 57-62.

2. Алексеенко, Аубакирова, Жанбосинова 2019 – Алексеенко А.Н., Аубакирова Ж.С., Жанбосинова А.С. Этнодемографические эволюции и становление суверенной демографической системы в Казахстане. Вестник Санкт-Петербургского университета. История. Т.64, №4. 2019. С. 1368-1358.
3. Бадалов 2019 – Бадалов Э.С. Геоэтнодемографические изменения в структуре городского населения Азербайджана / Общественная география в меняющемся мире: Материалы международной конференции, X научной Ассамблей АРГО. Казань, 2019. С. 219.
4. Бадалов 2020 – Бадалов Э.С. Особенности этнодемографических процессов на урбанизированных территориях Азербайджана // Международный демографический форум. Материалы заседания. Воронеж, Издательство: Цифровая полиграфия, 2020. С. 18-24.
5. Всесоюзная перепись 1989 – Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав по республикам СССР. Туркменская СССР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=7
6. Кантемирова, Мирошниченко 2021 – Кантемирова М.А., Мирошниченко М.Б. Демография и проблемы мигрантов в условиях COVID-19 // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. №3. С. 200-202.
7. Культура в России 2020 – Культура в России 2012-2019. Факты и цифры. М, 2020. 40 с.
8. Табасаранский 2021 – Табасаранский Р.С. Диаспора как социальный феномен глобализирующегося общества // Вопросы развития современной науки и техники. 2021. №2. С. 108-112.
9. Шеффер 2003 – Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. №1, 2003. С. 165.
10. Шустова 2019 – Шустова А.П. Положение русского языка в Республике Казахстан: образовательный и социально-политический аспект // Образовательный процесс. 2019. №10 (21). С. 16-19.

ПЕРСПЕКТИВЫ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН ПРИКАСПИЯ

Холова Любовь Александровна
Астраханский государственный университет
E-mail: lyubov.kholova@yandex.ru

Аннотация: В работе рассматриваются перспективы и социокультурные основания региональной интеграции стран Прикаспия. Автором подчеркивается важность использования цифровых технологий для усиления интеграции и следования принятым принципам цифровой экономики, а также активное участие в процессе представителей научной и образовательной среды. В статье представлена позиция Астраханского

государственного университета в качестве не только образовательного центра для прикаспийского студенчества, но и дискуссионной площадки для решения проблем, связанных с интеграционными процессами, межкультурным диалогом и комплексной безопасностью. Подчеркивается статус и важность Астраханской области, как приграничного и поликультурного региона, в диалоге прикаспийских государств и перспектив их интеграции.

Ключевые слова: *региональная интеграция, каспийский диалог, Прикаспий, Большой Каспий, общность, объединение.*

Каспийский регион после распада Советского Союза продолжает оставаться важным участником геополитических процессов, связывающим два континента – Европу и Азию. Являясь источником нефтегазовых ресурсов, регион может быть поставлен по масштабам добычи в ряд крупнейших мировых центров добычи ресурсов. Политические и экономические отношения в регионе в связи с ресурсодобывающими процессами сконцентрированы вокруг нескольких государств: России, Казахстана, Азербайджана, Ирана и Туркменистана.

В имперский и советский периоды на территории Северо-Западного Прикаспия в результате переселений и трудовой миграции сложился особенный этнический и конфессиональный состав населения, уклад жизни которого накладывал отпечаток на социокультурный образ региона. Здесь следует учитывать не только этнокультурные основания, но и влияние природного ландшафта, особенности исторического и политического развития. По мнению Б.У. Китинова: «Геополитические интенции государств, представленных на Каспии, формируются под воздействием синкретизма отдельных положений классической геополитики, традиционных мировоззренческих матриц и развивающегося политического процесса» [Китинов 2019, с. 103]. Распад Советского Союза усилил развитие идентичностей локальных цивилизаций и субрегионов Прикаспия. Их существующее разнообразие может иметь амбивалентный характер, так как может выступать и фактором интеграции, и фактором риска, приводящему к конфликтам и столкновениям.

В текущих геополитических процессах Россия взяла на себя роль модератора и куратора для налаживания в Каспийском регионе мирных политических и социокультурных процессов. Однако, следует отметить, что в построении региональной интеграции следует учитывать специфику восточных цивилизаций и действовать без мощного доминирования российских и европейских политических стандартов.

Региональная интеграция взаимосвязана со всеми событиями на мировой арене и понятийно связана с «глобализацией» и «интернационализацией». Каждый из перечисленных терминов означает усиление взаимодействий между странами и сообществами в экономической, политической и социокультурных сферах. Также данные понятия предполагают динамичное развитие транспортных систем, торговых отношений, межкультурной коммуникации, академической и трудовой миграции населения задействованных стран [Ускембаева, Алпысбес 2020, с. 414].

В данной статье региональная интеграция понимается как «усиление взаимодействия группы стран в различных сферах – военной, экономической, политической, культурной. Интеграция предполагает создание новой общности, которая пытается получить преимущества за счет большого размера, «эффекта масштаба». Объединенные ресурсы позволяют решать вопросы, которые не под силу странам по отдельности. В процесс интеграции экономики стран взаимодействуют, приспосабливаются к совместной работе, срачиваются» [Оспанова, Исабекова]

Региональная интеграция имеет свои преимущества, она позволяет укрепить свои международные позиции, так как объединение стран в формате интеграции, по мнению некоторых экспертов, дает более весомые позиции на мировой арене, чем когда стороной переговоров выступает отдельное взятое государство [Стрежнева 2012]

На данный момент в экономическом векторе развития Россия, как один из пяти основных акторов Прикаспия, основным является процесс перехода к цифровой экономике, отраженный в программе, утвержденной в 2017 году Правительством Российской Федерации. Программа рассматривает вопросы и проблемы координации всех участников экономических процессов и их участие в планировании, реализации и развития интеграции, учитывает необходимость построения конструктивного диалога и сотрудничества между экспертами и бизнес-сообществами. Стратегическая повестка строится вокруг обеспечения устойчивого развития страны с привлечением иностранных инвесторов [Материалы рейтингового...].

Российский исследователь интеграционных процессов Ю.В. Шишков выделяет несколько обстоятельств, которые стимулируют развитие региональных интеграционных процессов: близость уровней экономического развития и степени зрелости рыночной экономики интегрирующихся стран; географическая близость интегрирующихся стран, наличие в большинстве случаев общей границы и исторически сложившихся экономических связей; общность экономических и иных проблем, стоящих перед странами в области развития, финансирования, регулирования экономики, политического сотрудничества; демонстрационный эффект – в странах, создавших интеграционные объединения, обычно происходят положительные экономические сдвиги (ускорение темпов экономического роста, снижение инфляции, рост занятости и т.д.), что оказывает определенное психологическое воздействие на другие страны, которые, конечно, следят за происходящими изменениями; эффект домино: после того как большинство стран того или иного региона стали членами интеграционного объединения, остальные страны, оставшиеся за его пределами, неизбежно испытывают некоторые трудности, связанные с переориентацией экономических связей и необходимостью существенной корректировки внешней политики [Шишков 2001]. Используя обстоятельства, указанные Шишковым Ю.В., можно заявить, что для региональной интеграции пяти акторов Прикаспия есть большой потенциал и перспективы успешного сотрудничества во всех сферах.

Прикаспий имеет потенциал являться настоящим интегрирующим регионом, который должен быть способен выступать как единый консолидированный игрок, который обладает правосубъектностью и легитимностью в глазах других участников мирового взаимодействия. Такой интегрированный регион должен также иметь институты принятия совместных решений, хотя и необязательно наднациональные [Оспанова, Исабекова]. Прикаспий является геополитической ценностью, так как по сути является воплощением тесной связи региональных и внерегиональных интересов пяти акторов в экономической области и сфере комплексной международной безопасности.

Для Российской Федерации Каспийский регион является естественной зоной национальных интересов, где Астраханская область играет немаловажную роль. Астраханская область является приграничной территорией Российской Федерации и географической границей с Волгоградской областью — на севере, с Калмыкией — на западе, с Казахстаном — на востоке, на юге — омывается Каспийским морем. На территории Астраханской области всегда отмечалась многонациональность и многоконфессиональность состава населения, с большим процентным показателем народов азиатского происхождения и трудовых мигрантов из стран Прикаспия. Различные этнические группы активно взаимодействуют и влияют друг на друга, выстраивая положительный межкультурный диалог. Геостратегическое положение губернии как окраины и важной границы отмечалось еще в 19 веке современниками и исторически играло и продолжает играть важную роль во взаимоотношениях со странами Прикаспия на государственном уровне [Белоусов 2020, с. 22].

Поворот России к интеграционной деятельности в регионе был встречен в целом благожелательно лидерами центральноазиатских государств. Активизировался процесс формирования и деятельности таких политических и экономических объединений, как Евразийский экономический союз (ЕврАзЭС) и «Шанхайская организация сотрудничества» (ШОС). Продуктивное сотрудничество формируется не только в экономической и политической сферах, но в рамках экспертных сообществ в области образования.

Исследовательские центры и научное сообщество высшей школы прикаспийских государств осуществляют систематический анализ и прогнозирование развития этнополитических процессов в регионе, изучают особенности межкультурного диалога и межконфессиональных отношений. Актуальность данных исследований и взаимодействия представителей высшей школы, бизнес-сообщества и государственных деятелей обусловлено необходимостью использовать накопленный опыт и технологический потенциал в интересах повышения качества жизни людей, стабильного и гармоничного развития Прикаспийских государств. Каспийский регион очень перспективен для внедрения новых технологий и уже сегодня является центром многих разработок в плане защиты биологических, водных, нефтегазовых ресурсов, которые будут одновременно являться следствием и стимулом для региональной интеграции.

Астраханский государственный университет является одним из главных участников и инициаторов взаимодействия представителей стран Прикаспия на уровне высшей школы. Будучи открытой дискуссионной площадкой в рамках большого количества форумов и мероприятий, Астраханский государственный университет исследует и обсуждает большие вызовы Каспийского макрорегиона в образовании, науке, экономике, формирует пути сохранения культурного региона, предотвращения конфликтов местного, идеологического, конфессионального характера, а также проблемы, связанные с уровнем жизни. Взаимодействие происходит в рамках Комиссии по науке, исследованиям и технологиям, созданной в рамках XXII Генеральной ассамблеи Ассоциации государственных университетов Прикаспийских стран в 2019 году. Научные и образовательные учреждения конструируют модели взаимодействия и создания совместных путей развития Прикаспия.

Так, Астраханский государственный университет в рамках участия в программе «Приоритет 2030» представил ряд стратегических проектов, направленных на развитие ключевых направлений экономики региона Большого Каспия и разработку системы социетальной (комплексной) безопасности Каспийского макрорегиона. Проекты будут поэтапно реализованы к 2030 году при активном участии иностранных партнеров, поддержке региональных и федеральных властей, стейкхолдеров. Сочетание западного и азиатского векторов в международной активности университета с привлечением студенчества и экспертного сообщества прикаспийских государств (эксклюзивные программы сотрудничества с вузами Японии, Китая, Южной Кореи, Ирана, Казахстана, Узбекистана) создает дополнительные перспективы и устойчивую основу для региональной интеграции Прикаспия и выхода на международную политическую и экономическую арену [Сайт программы...].

Привлечение молодежи и прикаспийского студенчества с активной жизненной позицией и политическими взглядами в ведущих вузах к участию в подобных проектах и инициативах позволит ускорить работу над оптимизацией каспийского диалога и сформировать будущую смену политической и культурной элиты. Данное взаимодействие позволит использовать новые возможности для создания эффективного управления, привлечь необходимые нематериальные ресурсы, чтобы в дальнейшем составить план действий, в котором будет место для широких научных исследований в области и защиты природных ресурсов, и создания новых технологий, и экономики. Укрепление диалога на молодежном уровне, увеличение площадок взаимодействия студенчества и молодежных активистов пяти государств станут основой для многостороннего сотрудничества и положительной региональной интеграции в дальнейшем.

Литература

1. Белоусов 2020 – Белоусов С. С. Европа в Азии и Азия в Европе: социокультурные представления жителей России о Северо-Западном

- Прикаспии в XIX - начале XX вв. // Magna Adurgit: Historia Studiorum. 2020. № 1. С. 19-27. DOI 10.22162/2712-8431-2020-9-1-19-27
2. Комиссия по науке... – Комиссия по науке, исследованиям и технологиям в рамках Ассоциации государственных университетов и научно-исследовательских центров Прикаспийских стран. URL: <https://caspscience.asu.edu.ru/>
 3. Материалы рейтингового... – Материалы рейтингового агентства «Эксперт РА» / Сайт рейтингового агентства «Эксперт РА». URL: <http://raexpert.ru>
 4. Национальная программа ... – Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации 2024». URL: <https://digital.ac.gov.ru/>
 5. Оспанова, Исабекова – Оспанова А.Н. Исабекова М. Региональная интеграция: плюсы и минусы. URL: http://www.rusnauka.com/8_NMIV_2013/Politologia/10_131873.doc.htm
 6. Региональная интеграция... – Региональная интеграция: понятие, формы, факторы и процессы развития экономической интеграции. URL: <https://fb.ru/article/381714/region-alnaya-integratsiya-ponyatie-formyi-factoryi-i-protssessyi-razvitiya-ekonomicheskoy-integratsii>
 7. Сайт программы... – Сайт программы «Приоритет 2030. Лидерами становятся». URL: <https://priority2030.ru/>
 8. Стрежнева 2012 – Стрежнева М. Интеграция и вовлечение как инструменты глобального управления // Международные процессы. 2012. №2(29). С. 17-28.
 9. Ускембаева, Алпысбес 2020 – Ускембаева А., Алпысбес М. Региональная интеграция - один из важных цивилизационных факторов развития истории современного мира // Global Science and Innovations 2020: proceedings, Ташкент, 06 марта 2020 года. Tashkent: Eurasian Center of Innovative Development «DARA», 2020. С. 414-417.
 10. Шишков 2001 – Шишков Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ. М.: НП «III Тысячелетие», 2001. 480 с.
 11. Китинов 2019 – Китинов Б.У. Цивилизационные основы политического процесса. М., 2019. С 103.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ И ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ СОБСТВЕННОСТИ ВОЛГО-КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

Дегтерев Андрей Александрович
Астраханский государственный университет
E-mail: degtere vand@rambler.ru

Аннотация: Предметом данной статьи являются некоторые аспекты обращения и рационального использования природных ресурсов, вопросы уголовно-правовой оценки общественно-опасных деяний в различных сферах экономической деятельности, связанных с использованием природных ресурсов, на примере рыбных запасов Волго-Каспийского региона. Это обусловлено такими факторами, как несовершенство законодательства и правоприменения, появление новых форм хищения имущества. На природные ресурсы Российской Федерации распространяются гражданско-правовые положения о праве собственности, согласно которым они являются носителями экономических свойств. Уголовное право РФ трактует природные ресурсы как объекты уголовно-правовой охраны окружающей среды, игнорируя их экономическую сущность, что обуславливает необходимость преодоления противоречия между экономической и уголовно-правовой сущностью природных ресурсов.

Ключевые слова: природные ресурсы, уголовно-правовая характеристика, экономическая деятельность, Волго-Каспийский регион, хищение имущества, гражданско-правовые отношения, право собственности, окружающая среда, объект собственности, незаконная добыча.

Уязвимость системы уголовно-правовой охраны природных ресурсов Волго-Каспийского региона, как объекта собственности обусловлена пробелами действующего законодательства России, а также прикаспийских государств относительно определения имущественных прав только на предметы материального мира, произведенные либо извлеченные из природной среды трудом человека и имеющие стоимостную оценку. По этой причине из поля зрения уголовного законодательства (на примере Российской Федерации) исчезают преступные посягательства на объекты природного происхождения.

Ярким примером может служить статья 256 УК РФ, определяющая в качестве преступления незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов. Федеральный закон от 20.12.2004 N 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» поясняет, что под водными биоресурсами понимаются «рыбы, водные беспозвоночные, водные млекопитающие, водоросли, другие водные животные и растения, находящиеся в состоянии естественной свободы» [Федеральный закон 2004]. В связи с тем, что популяция осетровых Волго-Каспийского бассейна сегодня значительно истощена, а некоторые виды, например каспийская белуга, и вовсе находятся под угрозой исчезновения, в России и ряде Прикаспийских государств разработаны специальные государственные программы по воспроизводству рыб осетровых пород. В Российской Федерации она предполагает разведение осетровых на территории рыбоводных заводов и последующее пополнение общей численности стада посредством выпуска молоди в дикую природу. Выращенные особи не имеют какой-либо маркировки, позволяющей идентифицировать способ происхождения отдельно взятого экземпляра, ввиду чего невозможным становится однозначное установление факта вложения человеческого труда. Таким образом, очевидным становится отсутствие возможности обособления и индивидуализации рассматриваемых объектов

природы, а также их экономическая оценка. Криминализация рыбодобывающей деятельности на Каспии в настоящий момент ставит под угрозу существование целых популяций рыб, в частности осетровых Волго-Каспийского бассейна, и при условии промедления к принятию мер всеми Прикаспийскими государствами по устранению возможностей осуществления экологических преступлений более отчетливой становится перспектива полной потери данных видов водных биоресурсов. В целях ликвидации возможностей незаконного оборота продукции из рыб осетровых пород и усовершенствования мер, регламентирующих процесс ее легальной реализации на территории Российской Федерации, планируется введение специальной маркировки черной икры и осетровых, результатом чего предполагается внесение корректировок и стабилизация сложившейся в обозначенной сфере ситуации.

Как отмечает профессор П.С. Яни, похищенные вещи, определенные только родовыми признаками, теряют индивидуально-определенные качества, что обуславливает переход предмета хищения в собственность похитителя. Кроме того, в данном случае отсутствуют соответствующие вещественные доказательства [Яни 2015]. Соответственно, выявляется еще один нюанс, затрудняющий работу следственно-судебных органов по квалификации незаконного вылова осетровых в качестве хищения ввиду несоблюдения принципа полноты исследования уголовного дела в части достаточности собранных доказательств. Вместе с тем, хищение в данном случае может считаться окончанным по причине получения браконьерами реальной возможности распорядиться по своему усмотрению чужим для них имуществом, поскольку доказать факт незаконной добычи возможно только при условии задержания виновных на месте преступления. Однако осуществить это довольно затруднительно ввиду латентности преступлений данной категории, и, кроме того, недостаточного технического оснащения сотрудников рыбоохраны. Таким образом, имеет место факт причинения ущерба собственнику не только посредством изъятия, но и обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц, что завершает объективную сторону хищения.

Более того, вызывает нарекания квалификация подобных деяний на территории РФ по признакам статьи 256 УК РФ ввиду недостаточной обоснованности характера общественной опасности незаконного вылова водных биоресурсов. Незаконная добыча осетровых причиняет не только экологический ущерб в значительных объемах по причине редкости рыб осетровых пород, но и колоссальный ущерб экономике государства как их собственнику. Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, национальная безопасность включает в себя в том числе экологическую и экономическую безопасность, а угроза национальной безопасности определена как «совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам»; под национальными интересами РФ понимаются «объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития». Обеспечение же национальных

интересов осуществляется посредством реализации в том числе и таких национальных приоритетов, как экология живых систем и рациональное природопользование. Кроме того, указано, что состояние национальной безопасности находится в прямой зависимости от степени реализации стратегических национальных приоритетов. Вместе с тем, преступные посягательства против собственности причислены к основным угрозам государственной и общественной безопасности [Указ Президента 2015]. Санкции части 1 и части 3 статьи 256 УК РФ свидетельствуют о квалификации незаконной добычи водных биологических ресурсов в качестве преступлений небольшой тяжести, а основными видами наказаний по данной статье являются штраф, обязательные, исправительные либо принудительные работы с лишением права занимать определенные должности либо заниматься определенной деятельностью, арест или же лишение свободы на срок до двух лет. Стоит отметить, что объем ответственности за совершение экологических преступлений приближен к комплексу наказаний за обычную кражу по статье 158 УК РФ. Соответственно, многие позиции УК РФ относительно экологических преступлений не закрепляют стратегический статус водных биоресурсов, их значимость для интересов и безопасности государства, следствием чего является необъективность структуры соответствующих уголовно-правовых норм. Таким образом, назрела необходимость концептуального переосмысления общего статуса природных богатств, так как нормами статей УК РФ об экологических преступлениях потенциальные последствия рассматриваются однобоко.

Прямую угрозу возобновляемости природных богатств Волго-Каспийского региона представляет и размах браконьерского промысла, ведущегося в промышленных масштабах и носящего характер биотерроризма. В результате чего и без того уязвимые в плане законодательной защищенности осетровые Каспия становятся объектом неконтролируемого хищнического расхищения. Это обусловлено многократной окупаемостью затрат посредством реализации производимой продукции, в особенности черной икры. Астраханская черная икра является эталоном по качественным характеристикам и вкусовым параметрам, в связи с чем пользуется особым спросом. Стоимость килограмма этого деликатеса на легальном рынке составляет от 30 до 45 тысяч рублей. Одной из проблем является легализация имущества, заведомо добытого незаконным путем. Внутренние ресурсы рыбных хозяйств не позволяют осуществлять производство в таком объеме, в котором черная икра и мясо осетровых поставляются в продажу с легальными документами - очевидным становится диссонанс мощностей предприятия и объема реализуемой им продукции. Данное обстоятельство свидетельствует о возможности возбуждения уголовных дел по совокупности статей 256 и 174 УК РФ, что также выявляет косвенное в данном случае отношение незаконной добычи водных биоресурсов, как экологического преступления, к преступлениям в сфере экономической деятельности.

В соответствии с пунктом 1 статьи 218 ГК РФ основанием приобретения права собственности на новую вещь является её создание с соблюдением закона

и иных правовых актов лицом для себя. Статья 221 ГК РФ, регламентирующая обращение в собственность общедоступных для сбора вещей, в отношении вылова рыбы поясняет, что право собственности на такие вещи приобретает лицо, осуществившее их добычу, в случаях, когда в соответствии с законом, общим разрешением собственника или же с местным обычаем допускается добыча такого рода вещей. Соответственно, рыба признается гражданским законодательством России в качестве вещи. А вещи согласно статье 128 ГК РФ относятся к объектам гражданских прав. Исходя из этого, и принимая во внимание, что в соответствии со статьёй 4 Федерального закона от 24.04.1995 №52-ФЗ «О животном мире» животный мир Российской Федерации является собственностью государства, можно заключить, что рыба признается имуществом, у которого есть собственник. Пункт 3 статьи 129 ГК РФ, регламентирующей оборотоспособность объектов гражданских прав, в отношении природных ресурсов допускает их отчуждение или переход от одного лица другому иными способами в мере, в которой их оборот допускается законами о природных ресурсах. Согласно статье 12 Федерального закона от 20.12.2004 №166 ФЗ (ред. от 29.06.2015) «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов», «право на добычу (вылов) водных биоресурсов может быть ограничено в соответствии с федеральными законами и международными договорами Российской Федерации». В настоящее время легальная добыча осетровых разрешена только в целях воспроизводства, для выполнения научно-исследовательских работ и товарного рыбоводства. Вылов осетровых в коммерческих целях является нелегальным. Кроме того, продажа производимой продукции возможна только при условии предоставления покупателю документации, подтверждающей легальность происхождения товара. Таким образом, оборотоспособность обозначенных водных биоресурсов является ограниченной. Основная цель браконьеров - нажива, незаконное обогащение в результате реализации чужого для них имущества. Извлечение собственной выгоды путем получения денежных средств определяет и прямую экономическую заинтересованность виновных лиц в качестве итогового результата осуществления незаконной деятельности.

Экономические последствия определения момента перехода права собственности заключаются в том, что факт перехода признается основанием для совершения бухгалтерских проводок, т. к. реализация и оприходование имущества происходит в этот момент. Кроме того, с этого момента обычно возникает обязанность уплаты налогов. Факт же признания собственником приобретателя имущества характеризует юридические последствия [Гончаров, Маслова 2010]. Добыча, переработка и реализация природных богатств приносит значительное пополнение в бюджет страны путем осуществления налоговых отчислений, как правило, характеризующихся значительностью денежных объемов. Но это только при условии легальности деятельности по эксплуатации имущественного объекта. Учитывая, что основная доля осетровой продукции реализуется в условиях теневого рынка, да и сам готовый продукт обладает достаточно высокой стоимостью (килограмм осетрины стоит, в среднем, около двух с половиной тысяч, а черной икры от 30000 до 45 000

рублей) бюджет страны недополучает колоссальные денежные суммы. Таким образом, экономическая безопасность Российской Федерации во многом зависит и от возобновляемости природных богатств всего Волго-Каспийского бассейна.

Способность природных ресурсов к самовосстановлению ограничена естественными биологическими параметрами – критически низкий уровень численности того или иного биологического вида ставит его существование на грань выживания. Особо остро становится вопрос влияния естественных биологических и, тем более, антропогенных факторов на состояние поврежденного элемента экосистемы всего Каспийского бассейна. Любое вмешательство в рассинхронизированный баланс требует повышенной осторожности, и корректировка состояния любого объекта природного происхождения должна осуществляться на предельном уровне внимания. Это обусловлено невозможностью с полной уверенностью спрогнозировать, каким образом отразится то или иное вмешательство со стороны человека на естественное состояние обозначенной группы объектов. Рыбы осетровых пород сегодня находятся в достаточно уязвимом положении, в основном, по причине широко распространенного браконьерского промысла, и размах которого обусловлен рентабельностью, экономической выгодой его осуществления. Так как санкции соответствующих частей статьи 256 УК РФ предусматривают объем ответственности и спектр наказания, не соответствующий объективной сущности наступающих последствий – в большинстве случаев назначается обычный штраф, размер которого составляет небольшой процент от потенциально возможной прибыли при реализации добытых заведомо незаконным способом ресурсов и изготовленной из них продукции. Вместе с тем, браконьерство осетровых характеризуется промышленными масштабами, что предполагает участие в противозаконной деятельности организованной группы лиц по предварительному сговору: каждый участник преступного сообщества выполняет определенный спектр функциональных обязанностей. К ответственности по данной статье, как правило, привлекаются фактически исполнители – простые рыбаки, имеющие за плечами еще не погашенную судимость. Дополнительная судимость за вновь совершенное преступное деяние решающей роли в судьбе данных лиц не играет, а назначенное наказание в виде штрафа с лихвой окупается будущей прибылью.

Итак, если итоговой целью является получение прибыли, то следовало бы предположить, что виновным лицам, можно инкриминировать совокупность статей 256 УК РФ и 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство». Однако очевидна абсурдность инкриминирования виновным норм статьи 171 УК РФ ввиду специфики уголовно-правовой регистрации и расследования преступлений рассматриваемой категории. В большинстве случаев возбуждение уголовных дел по статье 256 УК РФ происходит по субъекту, возбуждение же дела по факту обнаружения незаконно установленной рыболовецкой снасти зачастую обречено на его прекращение за истечением сроков давности ввиду латентности подобных преступлений. Регистрация факта осуществления браконьерства, как обозначалось ранее, происходит во

время задержания правонарушителей непосредственно на месте совершения преступления и требование относительно предоставления лицензии на осуществление предпринимательской деятельности, по меньшей мере, нелогично еще и по причине запрета на коммерческий лов осетровых. О наличии коммерческого интереса свидетельствуют сами объемы арестованной рыбной партии.

Состав преступлений, предусмотренных п. «а» ч.1 ст. 256 УК РФ является материальным, что подразумевает обязательное наличие признаков противоправного деяния, общественно опасных последствий и причинной связи между ними. Однако, в связи с вышеизложенным, уголовно-правовая оценка наступающих последствий диссонирует с объективной стратегической значимостью природных ресурсов вообще и в отдельности рыб осетровых пород с одной стороны, и с невозможностью адекватного определения размера причиненного ущерба по причине неопределенности экономического признака предмета хищения с другой. Сейчас установление размера ущерба, нанесенного браконьерской деятельностью исчисляется исходя из положений Постановления Правительства РФ от 18 августа 2008 года «Об установлении размера ущерба, который причинен водным биологическим ресурсам и который следует считать крупным», а также руководствоваться разъяснениями, содержащимися в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 N 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования». Но подобная процедура оценки причиненного ущерба представляется недостаточно адаптированной к современной действительности и не компенсирующей реальных потерь государства.

По оценкам специалистов, проявлением недостаточной эффективности современной методики подсчета ущерба является то обстоятельство, что она не отражает деградацию видового состава рыб. Естественное воспроизводство рыбных запасов Волго-Каспия подверглось отрицательному воздействию также из-за сокращения объема водного стока в период весеннего половодья. Недостаточный учет эколого-экономических последствий регулирования речного стока является причиной неэффективности решений по управлению водными биоресурсами в бассейне Волги [Катунин, Бесчетнова, Дубинина 2013]. Соответственно, применяемая методика подсчета ущерба недостаточно совершенна не только ввиду имеющих место правовых противоречий, но и по причине несоответствия сложившейся в настоящее время экологической обстановки.

Восстановление и стабилизация численности осетрового стада Волго-Каспийского бассейна является одним из насущных вопросов государственного регулирования экологической ситуации в России и в Прикаспийских государствах. Из бюджета России и многих Прикаспийских государств ежегодно отчисляются астрономические денежные суммы на реализацию данной цели. В данном контексте проявляется двуединая направленность вреда государствам от незаконного изъятия рыб: причиненный ущерб многократно возрастает ввиду дополнительного государственного финансирования

мероприятий по корректировке экологического баланса. Данное обстоятельство, к сожалению, также не нашло отражение в действующей системе подсчета причиненного ущерба. Кроме того, реализация программы по воспроизводству осетровых на уровне частного бизнеса подразумевает вложение денежных средств с отсроченным получением выгоды, что предполагает получение прибыли лишь по истечении долгосрочного периода. В краткосрочной же перспективе получение эффекта от положительной экономической динамики не представляется возможным ввиду специфики осуществляемой деятельности: наличие постоянных и переменных издержек, предполагающих затрату крупных денежных сумм, как правило, превышающих получаемую в начале прибыль, которой сразу может и не быть. Частные рыбные хозяйства, как правило, либо получают дотации от государства, либо работают в кредит, что, несомненно, гораздо менее выгодно с экономической точки зрения, даже если договор подразумевает отсрочку выплат на определенный период. Кроме того, выращивание на территориях рыбных хозяйств особей, способных с наименьшими потерями пройти процесс адаптации к естественным условиям, на данном этапе сопровождается затратами значительного количества денежных средств, кроме того, выпуск рыбной молоди на территории Российской Федерации не подразумевает ее дальнейшего обитания в российских водоемах на постоянной основе. Все осетровые рыбы, кроме стерляди, являются трансграничными, что обусловлено их миграционными процессами. Таким образом, программа по воспроизводству также нуждается в модернизации в соответствии с тенденциями настоящего времени и адаптации к современным правовым и экологическим реалиям с учетом интересов всех Прикаспийских государств.

Итак, двойственная природа незаконного вылова водных биоресурсов проявляется как в аспекте экологической, так и экономической составляющей ущерба. Поскольку браконьерство относится к группе преступлений корыстной направленности, а масштабность объемов незаконного лова сопровождается хищническим разграблением отдельного сектора природных богатств, то следовало бы оптимизировать процесс конструирования соответствующих норм УК РФ с учетом направленности умысла биотеррористов – извлечение сверхприбыли, т.е. исключительно экономическая мотивация. По смыслу статей 256 и 258 УК РФ, подразумевающих назначение ответственности и наказания за незаконное изъятие природных биоресурсов, усматривается некая искаженность законодательного восприятия умысла браконьеров: уничтожение биоресурсов. Однако в этих же двух статьях в качестве квалифицирующего признака используется понятие крупного ущерба, неизбежно связанного с экономической оценкой нанесенного вреда. Подобная бессистемность и внутренняя противоречивость уголовно-правовых норм создает благоприятные условия для ухода виновных от ответственности и систематического рецидива преступлений. Но даже и фактический рецидив в данном случае выпадает из поля правового зрения по причине квалификации деяний, предусмотренных обозначенными статьями, в качестве преступлений небольшой тяжести. Сам факт трактовки тяжести преступлений данной группы уже вступает в явное

противоречие с наименованием IX раздела УК РФ «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». При квалификации преступлений подлежит учету степень тяжести и общественной опасности деяния. Однако по логике действующего УК РФ характер обычной кражи по статье 158 УК по своей сути представляет не меньшую общественную опасность, нежели браконьерство, совершаемое в промышленных масштабах. Это явление способное привести к исчезновению целых популяций рыб, несмотря на то обстоятельство, что объектом преступных посягательств даже при существующих уголовно-правовых трактовках выступают стабильность экосистем и экологическая безопасность государства. Хотя бы уже то обстоятельство, что группы статей уголовного закона об экономических и экологических преступлениях используют в один и тот же квалифицирующий признак, свидетельствует о родственной сущности преступных деяний. По всей видимости, это отголоски УК РСФСР 1960 года, на основании которого и было сконструировано действующее уголовное законодательство. Необоснованной ни с правовой точки зрения, ни с позиции экологической и экономической целесообразности выглядит невозможность идентификации незаконной добычи природных богатств как преступлений против собственности.

В УК РСФСР природные ресурсы имели системное закрепление в качестве государственной собственности, за преступные посягательства на объекты данной категории предусматривалось весьма суровое наказание - вплоть до смертной казни. Соответственно, карательный потенциал статей уголовного закона того периода с наибольшей эффективностью ликвидировал экономическую составляющую мотивационной системы преступников. Одновременно на прилавках магазинов черная икра и другая осетровая продукция присутствовала в гораздо большем, нежели сейчас, количестве и по более приемлемой цене. При этом численность дикого стада осетровых не вызывала такого беспокойства. Сегодня уголовно-правовая оценка значимости водных биоресурсов, равно как и других природных ресурсов, не отражает стратегического значения подобных объектов, не проводит параллелей с экономической сущностью экологических преступлений и, в соответствии с этим, не вырабатывает адекватных мер по предотвращению подобных преступлений. Необходимо, чтобы осуществление браконьерской деятельности перестало быть выгодно с экономической точки зрения, достижение чего возможно при внесении корректировок в санкции соответствующих статей уголовного закона с учетом фактической значимости природных богатств для всех Прикаспийских государств посредством усиления карательного потенциала данных статей. Кроме того, необходимым видится приведение норм соответствующих статей УК РФ во внутреннее единство, а также их гармонизация с общей законодательной базой в сфере охраны природных ресурсов по причине бланкетности диспозиций.

Более того, на данном этапе не регламентирована и сумма минимального размера ущерба: задержание лица с несколькими незаконно выловленными экземплярами рыб осетровых пород или же с весом, исчисляемым тоннами, предполагает определение одинакового объема ответственности и наказания.

Таким образом, имеет место нарушение принципов справедливости и соразмерности в отношении привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших деяния незначительного характера. Следовательно, в качестве отягчающих обстоятельств и квалифицирующих признаков преступного поведения необходимо обозначить границы крупного и особо крупного размера, совершение преступления группой лиц, организованной группой лиц, преступным сообществом – бандами биотеррористов, а также с использованием должностного положения. Детализация подобным образом диспозиций соответствующих статей УК РФ позволит учитывать истинную стратегическую значимость рыб осетровых пород и остальных природных ресурсов для интересов государства и привести в соответствие с этим санкционную составляющую уголовно-правовых норм. Вместе с тем, внесение подобных корректировок позволит устранить явное логическое противоречие относительно квалификации одинаковых по сути посягательств на один и тот же объект преступления. Например, незаконный лов осетровых в пределах каспийской акватории трактуется как экологическое преступление, одновременно посягательство на ту же самую, но уже кем-то добытую из природного водоема рыбу квалифицируется как кража по статье 158 УК РФ ввиду законодательного обнаружения экономического признака предмета хищения. Подобная амбивалентность законодательной трактовки экономической сущности не только осетровых рыб, но и всех природных ресурсов приводит к функциональной дезорганизации эколого-экономического сектора нормативно-правовых актов, что препятствует рациональной реализации политики государства в отношении обеспечения собственной безопасности.

Таким образом, учет стратегической значимости природных богатств для экономики Российской Федерации является основанием для кардинального переосмысления общегосударственного статуса всех природных ресурсов, а в особенности тех из них, которые представляют наибольшую экологическую и экономическую ценность, как, например осетровые породы рыб; систематизация уголовно-правовых положений о собственности и их синхронизация с нормами действующего законодательства может усилить прогрессивный потенциал развития России.

Литература

1. Федеральный закон 2004 – Федеральный закон от 20.12.2004 №166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» // Российская газета. №284. 23.12.2004.
2. Яни 2015 – Яни П.С. Квалификация хищений: момент окончания, безвозмездность, ущерб // Законность. 2015. №12. С. 43-47.
3. Указ Президента 2015 – Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.01.2016, №1 (часть II), ст. 212.

4. Гончаров, Маслова 2010 – Гончаров А.А., Маслова А.В. Гражданское право (части Общая и Особенная): курс лекций. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 132.
5. Катунин, Бесчетнова, Дубинина 2013 – Катунин Д.Н., Бесчетнова Э.И., Дубинина В.Г. К вопросу об экономической оценке ущерба рыбным запасам Волго-Каспия при различной водообеспеченности нерестового цикла рыб // Рыбное хозяйство. 2013. №2. С. 47.

**ФОРУМ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ
КАЗАХСТАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ОДИН ИЗ
ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ РЕШЕНИЯ ВОПРОСОВ
ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА**

Жексембекова Венера Абыхановна
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
E-mail: venera6309@mail.ru

Сергазин Ерболат Фаттахович
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
E-mail: sergazin1958@mail.ru

Урузгалиева Майя Елемесовна
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
E-mail: maikun_93@mail.ru

Аннотация: *В настоящее время с каждым днём возрастают негативные воздействия на окружающую среду. Соответственно, возникает необходимость разработки научно обоснованных путей решения экологических проблем. При этом, успешная реализация механизмов разрешения экологических проблем на Каспии напрямую зависит от совместного подхода всех прибрежных государств. В связи с этим, в рамках сотрудничества прибрежных государств необходимы дальнейшие актуальные разработки совместных государственных правовых механизмов, которые бы способствовали обеспечению экологической безопасности Каспия. Обосновывается идея о том, что форум межрегионального сотрудничества может выступить политическим механизмом решения вопросов экологической безопасности рассматриваемого региона.*

Ключевые слова: *безопасность, экология, республика Казахстан, Российская Федерация, Каспийский регион.*

Термин «безопасность» в свободной энциклопедии Wikipedia обозначает состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества, государства от внутренних и внешних угроз, либо способность предмета, явления или процесса сохраняться при разрушающих воздействиях, а также

условия, в которых находится сложная система, когда действие внешних и внутренних факторов не приводит к процессам, которые считаются негативными по отношению к данной сложной системе в соответствии с имеющимися на данном этапе потребностям, знаниям и представлениям [электронный ресурс wikipedia].

В Юридическом энциклопедическом словаре под редакцией Тихомирова безопасность определяется как состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз экономического, политического, военного, социального, экологического, техногенного, информационного и иного характера, которое предполагает установление экономической, политической и социальной стабильности в государстве, безусловное исполнение законов и поддержание правопорядка, развитие международного сотрудничества на основе партнёрства.

С этимологической точки зрения, безопасность является «положением, при котором не угрожает опасность кому-нибудь либо чему-нибудь».

Тем самым, безопасность представляет собой достаточно сложную, комплексную категорию. В зависимости от субъекта, интересам которого угрожают различные опасности, выделяют государственную или национальную, региональную безопасность, безопасность предпринимательства и жизнедеятельности граждан.

В свою очередь, потребность в безопасности – это базовая, основополагающая потребность, как жизни отдельного человека, семьи, так и различных объединений людей, включая государство и общество.

Безопасность необходима личности, обществу и государству по той причине, что они находятся в постоянном движении, изменении и развитии, связанными с преодолением опасностей и противоречий в практической деятельности, осуществляемой в условиях риска и неопределенности, реально существующих внешних и внутренних угроз.

В современном мире экологическая безопасность приобретает первостепенное значение. Безмерное потребление природных ресурсов может привести к катастрофе. Каждым государством вырабатываются свои подходы к регулированию отношений в экологической сфере, которые заключаются в противостоянии глобальному изменению климата, сохранении чистоты воды, воздуха и почвы, сохранению биоразнообразия и лесов [Пахомова 2021].

Изменение климата, потеря и фрагментация среды обитания, чрезмерное использование рыбных запасов, загрязнение воды, прибрежное загрязнение, угрозы биоразнообразию наносят непоправимый вред величайшему по площади бессточному Каспийскому морю. Особенности его экосистемы, ее уникальность определяют жесткие требования к задачам и стратегии функционирования экономики прикаспийских государств.

Актуальность исследования Каспийского региона определяется его пограничным положением и имеющими политико-стратегическую значимость природными и энергетическими ресурсами, поиском путей позитивного воздействия на эти процессы, и, соответственно наличием следующих основных экологических проблем: снижение запасов промысловых рыб,

деградация биоразнообразия, затопление жилых массивов и производственных инфраструктур, попадание соленой воды в водоносные пласты питьевой воды, угроза здоровью человека.

Так, Каспийское море расположено на стыке Европы и Азии, омывает берега пяти прибрежных государств: России, Казахстана, Ирана, Туркмении и Азербайджана. Процесс освоения данными государствами углеводородных богатств с каждым годом набирает все больший темп, соответственно, растет и вероятность экологических проблем в Каспийском регионе.

Экологические проблемы Каспия и его побережья являются следствием всей истории экстенсивного экономического развития в странах данного региона. На это накладываются как долговременные природные изменения, так и острые социально-экономические проблемы настоящего времени.

Последствия экологических проблем для общества могут быть условно разделены на две категории - прямые и косвенные. Прямые последствия выражаются, к примеру, в потере биологических ресурсов (промысловых видов и их кормовых объектов), и могут быть представлены в денежном выражении. Так, могут быть подсчитаны потери стран прикаспийского региона от неуклонного сокращения запасов осетровых, выраженные в сокращении продаж. Сюда также можно отнести затраты по компенсации нанесенного ущерба (например, на строительство рыбоводных мощностей).

Косвенные последствия выражаются потерей экосистемами способности к самоочищению, утрате их равновесия и постепенном переходе в новое состояние. Для общества это проявляется в утрате эстетической ценности ландшафтов, создании менее комфортных условий существования населения др. Необходимо отметить, что дальнейшая цепочка потерь приводит к прямым экономическим потерям (туристический сектор и др.).

Современная ситуация в Каспийском регионе и характер взаимоотношений прибрежных государств между собой, мировыми державами и другими странами переживает фазу активной трансформации.

Регион вступает в новый этап своего развития, связанный с более тесной интеграцией в политические хозяйственные процессы. Это качественно иная эпоха исторического развития, и однозначно оценить ее перспективы в настоящий момент достаточно сложно [Зюзин 2007, с.15].

12 августа прикаспийские страны отмечают Международный день Каспийского моря. Таким образом подчеркивается значимость принятой в этот день рамочной Тегеранской конвенции по защите морской среды Каспийского моря, которая стала региональным международным законом в этой сфере и была названа в честь столицы Ирана, где была подписана представителями пяти прикаспийских стран – России, Казахстана, Ирана, Азербайджана и Туркменистана. Конвенция вступила в силу 12 августа 2006 года, и тогда же впервые День Каспийского моря отмечался в Иране. В настоящее время празднование Дня Каспия регулярно проводится всеми прикаспийскими странами, что позволяет привлечь внимание к экологическим проблемам моря не только специалистов, но и широкую общественность [электронный ресурс morvesti.ru].

Республика Казахстан, как и Российская Федерация, является стороной Тегеранской конвенции. В 2011 году в городе Актау состоялось подписание пятью прикаспийскими странами первого из четырех протоколов к данной конвенции. Он коснулся региональной готовности к реагированию и сотрудничеству в случае возникновения инцидентов, вызывающих загрязнение нефтью и нефтепродуктами [электронный ресурс kursiv.kz].

30 сентября 2021 года состоялся Форум межрегионального сотрудничества Казахстана и России. Так, Президент страны – К.Ж. Токаев сообщил, что сотрудничество в области экологии и «зеленого роста» приобретает важный и неотложный характер. «Казахстан и Россия имеют схожие экологические проблемы. Это высокий уровень загрязнения воздуха, воды, почвы, накопление радиационных и промышленных отходов. Более того, учитывая наше соседство, многие проблемы являются общими для двух государств. Для их решения правительствами подписаны 7 соглашений в области экологии, сохранения биоразнообразия, совместного использования и охраны трансграничных водных объектов. Соглашения планомерно реализуются. Однако экологическая ситуация продолжает ухудшаться, и ее решение требует активизации именно совместных усилий на международном уровне», – сказал Глава государства [электронный ресурс 24.kz].

Необходимость сотрудничества в сфере охраны окружающей среды и ресурсов Каспийского моря ранее была актуальным вопросом для прикаспийских стран, но после распада СССР в 1991 году бывшие советские республики остались фактически без законодательной базы, регулирующей международное сотрудничество, в том числе в экологической сфере [электронный ресурс morvesti.ru].

Нестабильность экологической ситуации в Каспийском регионе обусловлена совместным действием ряда природных и антропогенных факторов, которые можно классифицировать по непосредственному источнику и характеру на геополитические, правовые, нефтяные, транспортные, биологические и природные, по степени влияния -глобальные и локальные. Показана взаимосвязь геополитического, правового и экономического факторов, а также зависимость локальных факторов от правового. Российская Федерация является стратегическим союзником и важнейшим торгово-экономическим партнером Казахстана.

Российско-казахстанский межрегиональный форум является эффективной площадкой для укрепления двусторонних отношений, диверсификации деловых контактов и общения представителей власти и бизнеса двух государств.

За время существования Форум стал важным институтом политико-экономического взаимодействия наших стран. Этот формат стал модельным на постсоветском пространстве. Этот форум стал важной площадкой для дальнейшего расширения эффективного взаимодействия наших правительств и компаний.

Тем самым, ежегодный межрегиональный форум сотрудничества Республики Казахстан и Российской Федерации является не только

международной площадкой для обсуждения актуальных вопросов взаимодействия двух стран, но и может выступить политическим инструментом решения вопросов экологической безопасности Каспийского региона.

Таблица 1. 17 форумов межрегионального сотрудничества России и Казахстана

№	Наименование форума	Дата проведения	Место проведения
1.	Первый Форум приграничных областей Казахстана и России	апрель 2003 г.	г.Омск, Российская Федерация
2.	Второй Форум приграничных областей Казахстана и России	май 2005 г.	г.Челябинск, Российская Федерация
3.	Третий Форум приграничных областей Казахстана и России	октябрь 2006 г.	г.Уральск, Республика Казахстан
4.	Четвертый Форум приграничных областей Казахстана и России	октябрь 2007 г.	г.Новосибирск Российская Федерация
5.	V Форум межрегионального сотрудничества Республики Казахстан и Российской Федерации	сентябрь 2008г.	г.Актобе, Республика Казахстан
6.	VI Форум межрегионального сотрудничества Республики Казахстан и Российской Федерации	сентябрь 2009 г.	г.Оренбург, Российская Федерация
7.	VII Форум межрегионального сотрудничества Республики Казахстан и Российской Федерации	сентябрь 2010 г.	г.Усть-Каменогорск, Республика Казахстан
8.	VIII Форум межрегионального сотрудничества Казахстана и России	сентябрь 2011 г.	г.Астрахань, Российская Федерация
9.	IX Форум межрегионального сотрудничества Казахстана и России	сентябрь 2012 г.	г.Павлодар, Республика Казахстан
10.	X форума межрегионального сотрудничества Казахстана и России	ноябрь 2013 г.	г.Екатеринбург, Российская Федерация
11.	XI Форум межрегионального сотрудничества России и Казахстана	сентябрь 2014 г.	г.Атырау, Республика Казахстан
12.	XII Форум межрегионального сотрудничества России и Казахстана	сентябрь 2015 г.	г.Сочи, Российская Федерация
13.	XIII Форум межрегионального сотрудничества России и Казахстана	октябрь 2016 г.	г.Астана, Республика Казахстан

14.	XIV Форум межрегионального сотрудничества России и Казахстана	ноябрь 2017 г.	г. Челябинск, Российская Федерация
15.	XV Форум межрегионального сотрудничества Казахстана и России	ноябрь 2018 г.	г. Петропавловск, Республика Казахстан
16.	XVI форум межрегионального сотрудничества России и Казахстана	ноябрь 2019 г.	г. Омск, Российская Федерация
17.	XVII Форум межрегионального сотрудничества Казахстана и России	сентябрь 2021 г.	г. Кокшетау, Республика Казахстан

Каспийское направление внешней и внутренней политики всегда было жизненно важным для наших государств. Именно здесь своеобразно проявляется историческая матрица геополитических закономерностей.

Геополитическое положение Каспийского региона в наибольшей степени определяет характер внешнеполитических факторов, обеспечения стабильного и безопасного развития региона.

Каспийское море сегодня – это перекресток международной политики, где сходятся, а нередко сталкиваются интересы самых различных геополитических сил: как региональных, так и внерегиональных. Важнейшие причины роста международной популярности Каспия - нефтяные запасы водоема, выгодное географическое положение, значительные биологические ресурсы, растущие потребности в перевозках и экспорте энергоносителей и транспортных грузов. В этой связи особенно остро встает проблема взаимодействия стран Каспийского региона в сфере экологической безопасности [Павлова 2007, с.17].

Мировое сообщество уже давно осознало, что окружающая среда и ее компоненты являются общим достоянием человечества. Защита окружающей среды и рациональное использование ее ресурсов - глобальная проблема современности. Основными условиями решения этой проблемы являются доверие и взаимопонимание между государствами, проведение всеми государствами единой политики по отношению к окружающей среде и принятие на своей территории всех мер по ее охране и, прежде всего, развитие природоохранительного законодательства.

Литература

1. Пахомова 2021 – Пахомова В. Почему экология становится частью стратегий для компаний. 2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2021/08/27/883464-pochemu-ekologiya>
2. Павлова 2007 – Павлова М.В. Современное экологическое состояние и перспективы устойчивого развития Каспийского региона. Дисс...к.б.н. Астрахань, 2007. С.17-18.
3. Электронный ресурс kursiv.kz – Мангистауские экологи требуют создания Центра по изучению проблем Каспийского моря 2019. URL:

<https://kursiv.kz/news/otraslevye-temy/2019-08/mangistauskie-ekologi-trebuyut-sozdaniya-centra-po-izucheniyu-problem>

4. Электронный ресурс 24.kz – Межрегиональный форум Казахстан – Россия. Выступления Президентов 2021. URL: <https://24.kz/ru/news/top-news/item/501451-forum-mezhregionalnogo-sotrudnichestva>
5. Электронный ресурс morvesti.ru – Экологическая безопасность на Каспии 2019. URL: <http://morvesti.ru/exclusive/81147/>
6. Электронный ресурс wikipedia – Wikipedia. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B5%D0%B7%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C>
7. Зюзин 2007 – Зюзин Ю.А. Государственная политика России по обеспечению стратегических интересов в Прикаспийском регионе на рубеже XX-XXI вв. Дисс...к.и.н. Астрахань, 2007. С.11-18.
8. Тихомиров 1997 – Юридический энциклопедический словарь / Под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 1997. с.82.

СОВРЕМЕННОЕ ГИДРОЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ РУСЛОВОЙ СИСТЕМЫ РУКАВА КИГАЧ (КАЗАХСТАН, ДЕЛЬТА ВОЛГИ)

Кенжебаева Айымгуль Жолдасбайкызы

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: aiymgul_92@bk.ru

Магрицкий Дмитрий Владимирович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: magdima@yandex.ru

Ефимова Людмила Евгеньевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: ef_river@mail.ru

Гончаров Александр Валентинович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: mama15333@mail.ru

Аннотация: По материалам двух экспедиций в казахстанскую часть дельты Волги в 2019 г., справочным материалам получены новые данные о распределении волжских вод в системе рукава Кигач, влиянии на водный сток водопользования и, в частности, забора воды в водовод «Астрахань – Мангышлак». Отдельный блок исследований составила оценка качества воды по гидрохимическим и гидробиологическим показателям.

Ключевые слова: Волга, дельта, рукав, протока, пост, измерения, сток и качество воды, гидробиологические показатели, водохозяйственная деятельность.

Кигач (в Казахстане – Кигаш) – один из магистральных рукавов в дельте р.Волги, в ее крайней восточной части. Он относится к системе рукавов Бузан – Ахтуба [Устьевая область... 1998] и относится к трансграничным водным объектам. По руслу рукава Кигач проходит государственная граница между Российской Федерацией и Республикой Казахстан.

С обретением Казахстаном суверенитета мониторинг за гидрологическим состоянием и качеством воды в этой части дельты осуществляют соответствующие службы соседнего государства. За прошедшие почти 30 лет мало что известно о характере современного распределения стока Волги в системе рукава Кигач, произошедших изменениях, характере и проблемах водопользования и т.п. Весной и летом 2019 г. при содействии властей Атырауской области и МНК «Астана» здесь были выполнены измерения расходов воды, гидрофизических показателей, отбор проб воды и донных отложений на химический анализ, определение состава и количества зоо- и фитопланктона, зообентоса, произведен осмотр водозаборных сооружений. Дополнительно удалось получить некоторые материалы справочного характера по гидрологии и водохозяйственной деятельности. Их обработка и сопоставление позволили составить объективное мнение о современном гидрологическом и гидроэкологическом состоянии водных объектов в системе рукава Кигач на казахстанской части дельты Волги.

Гидрографическое описание системы рукава Кигач. Рукав Кигач отделяется влево от рук. Ахтуба (в Астраханской области РФ) под названием Корсака и, сливаясь с протокой Берекет (с севера), обретает название Большой Кигач, или просто Кигач. На своем пути к морю в рукав впадают ерик Махамарский (14-й км), протоки Долонка (25-й км, Алгара (27-й км) Мунгута (30-й км), Тюрина (Сумница Широкая, 41-й км). От рукава отделяются Верхняя и Нижняя Шароновка (17-й и 19-й км), Двойники (45-й км) с последующим формированием своей русловой сети и своим выходом в Северный Каспий. К югу от истока протоки Двойники рук.Кигач (здесь имеет название Широкая) разделяется на Смирновскую и Тимофеевскую протоки, которые на 52-м км окончательно сливаются, чтобы разделиться на восточного направления Мокринскую протоку (заканчивается Мокринским каналом) и юго-восточного направления Иголкин Банк – основное продолжение рукава Кигач. Его длина до Иголкинского рыбоходного канала 23 км. Длина Иголкинского рыбоходного канала около 40 км. Он заканчивается далеко от морского края дельты – на устьевом взморье р. Волги. Таким образом, длина Кигача почти 100 км (с Иголкинским каналом – 140 км), коэффициент извилистости 1,3. Ширина в верхнем течении изменяется в межень от 110 до 200 м; в низовьях русло разветвленное, с максимальной шириной 300 м и больше.

Сток воды в системе рукава Кигач. Суммарный сток воды, поступающий в дельту Волги, складывается из трех составляющих: собственно руслового стока Волги, измеряемого на посту Верхнее Лебяжье (в 4 км выше вершины дельты и в 54 км выше г. Астрахани), стока пойменного рукава Ахтуба и Волго-Ахтубинской поймы, измеряемого на гидрометрическом створе – продолжении основного руслового поста Верхнее Лебяжье. Сток Ахтубы и Волго-Ахтубинской поймы характеризуется большим непостоянством и изменяется в широких пределах – от 10% суммарного стока в вершине дельты (ВД) Волги на пике половодья до полного отсутствия стока в межень. Для анализа изменений стока воды, поступающего в дельту Волги, авторами использованы данные гидрологического мониторинга именно на этом посту, начиная с 1881 г. За отдельные годы с пропусками в наблюдениях расходы воды в ВД получены по надежным связям с расходами воды на посту Волгоград (Дубовка). На гидростворе, пересекающем Ахтубу и Волго-Ахтубинскую пойму, измерение расходов воды началось в 1942 г. За более ранние годы суммарный сток Волги получен по его связи с русловым стоком на посту Верхнее Лебяжье и Волгоград (Дубовка). В итоге установлено, что за 1925–2015 гг. к дельте Волги поступало в среднем 245 км^3 воды в год, из них русловая часть составляет 97%. До 1955 г. на долю половодья приходилось 52%, с 1961 г. – 42%. Практически в 2 раза увеличилась доля зимней межени (декабрь–март) – с 13 до 26%. Последнее стало причиной ранее не наблюдавшихся в дельте Волги зимних наводнений и частых заторно-зажорных явлений.

Данных по стоку воды рук. Кигач совсем немного, и они не дают полной картины распределения расходов воды между подчиненными водотоками. Кроме того, надежных оценок распределения расходов воды в сторону рук. Кигач нет ни в одной классической монографии по устьевой области р.Волги. Тем не менее, некоторые сведения участникам проекта собрать удалось.

Первые стоковые наблюдения относятся к 1952, 1953 и 1956 гг. и к створу поста Котьяевка (пос.Чертомбай, клх. имени Лазо). Согласно им, к посту Котьяевка поступало в те годы 2,75% стока Волги, или примерно $6,5 \text{ км}^3/\text{год}$ для условно-естественного периода стока. Если брать в расчет сток Шароновой, ответвляющейся выше по течению, и дополнительное поступление в рук.Кигач со стороны рук.Бузан по Тюриной, то водные ресурсы рук. Кигач больше. Этот тезис подтверждают результаты расчетов величин стока воды и распределения расходов воды в системе рук.Кигач, в зависимости от величины стока в вершине дельты Волги, произведенные на основе данных измерений 1987 г. и приводимые в монографии [Устьевая область... 1998]. Какого-либо заметного перераспределения не видно. Мы опять видим тот же самый порядок величин, что и в 1952, 1953 и 1956 гг. для поста Котьяевка ($Q(\text{Котьяевка}) = Q(\text{Шортанбай}) - Q(\text{Шароновка})$). Если же рассматривать суммарные водные ресурсы Кигача ($Q_{\text{сум}} = Q(\text{ниже Тюрина}) + Q(\text{Шароновка})$) общие водные ресурсы рук.Кигач способны в среднем достигать $\sim 7,5\text{--}8,0\%$ общего стока Волги, или $18,5\text{--}19,7 \text{ км}^3/\text{год}$.

В конце XX – начале XXI вв. отмечалось некоторое увеличение водоносности рукава Бузан [Устья рек..., 2013], что возможно могло благотворно сказаться на водоносности системы рукава Кигач. К 2002 г. доля стока рук.Бузан составила от 33,9 до 34,2% суммарного стока Волги в вершине дельты. О том, что улучшение условий поступления стока в систему рукава Кигач могло быть в XXI в, или, по крайней мере, сохранилось прежнее распределение, свидетельствуют данные мониторинга на посту в с.Шортанбай за 2017 г. и их сопоставление с материалами таких же измерений на посту Верхнее Лебяжье, измерений (с 2007 г.) расходов воды на пр.Шароновка в пос.Курмангазы (Ганюшкино) и их положительной динамики (рис. 1). А также данные измерений расходов воды в марте и июле 2019 г., выполненных авторами.

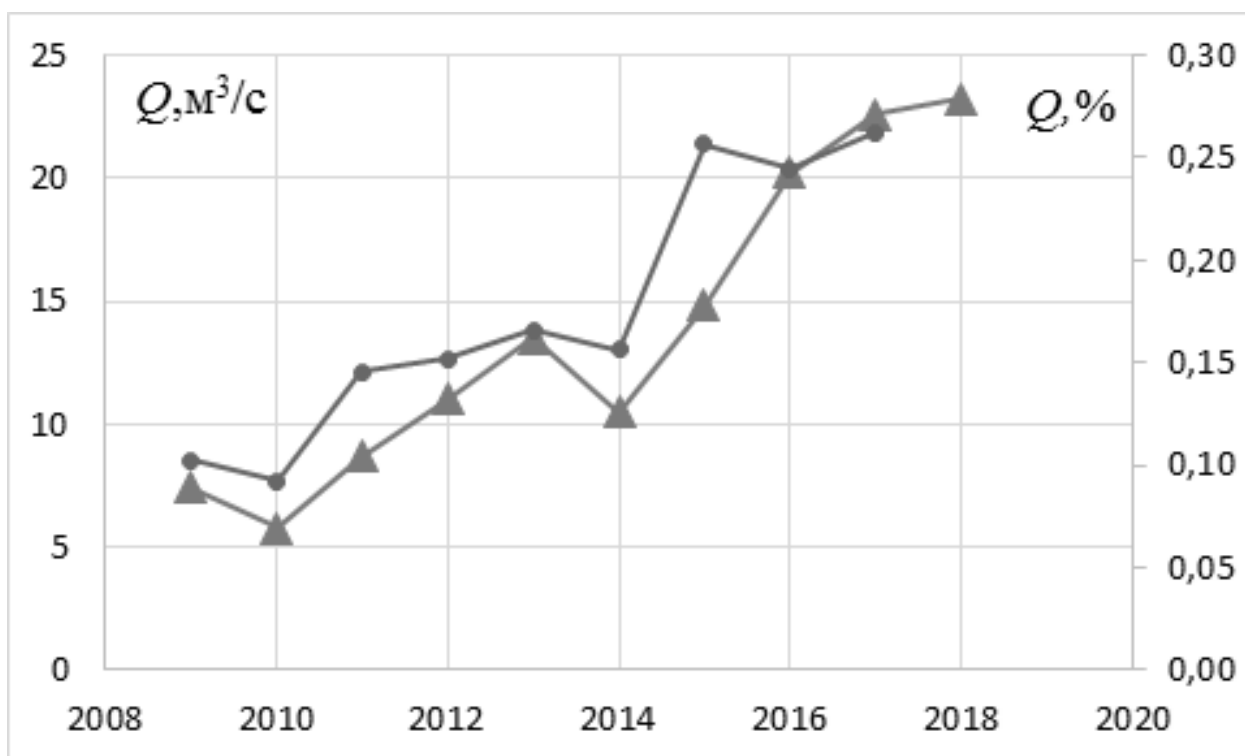

Рисунок 1. Многолетняя динамика среднегодовых расходов воды пр. Шароновка (пост Ганюшкино, нижняя линия) и его стоковой доли от руслового стока р. Волги (пост Верхнее Лебяжье), по данным Казгидромета

Согласно совершенно новым данным, хорошо видно, что при совсем малых расходах воды в р.Волге ($\ll 6000 \text{ м}^3/\text{с}$), доля рукава Кигач и его проток снижается – на 1–1,5%. Сток пр. Шароновки, на которой много населенных пунктов, сокращается очень значительно. Но при значениях близких к $6000 \text{ м}^3/\text{с}$ (и выше) доля рук.Кигач и его проток немного близка к той, что было в 1987 г.

Антропогенная нагрузка на рукав Кигач и водные объекты в его системе. Естественный сток и водный режим Кигача, его рукавов и проток давно изменен эксплуатацией волжских и камских водохранилищ, начиная с 1950х гг., и активным водопотреблением в бассейне Волги. Об этом можно прочитать в [Водные ресурсы России... 2008, Демин... 2011, Устья рек... 2013]

и множестве других публикациях. В вершине дельты построен Волжский вододельитель (в районе с.Верхнее Лебяжье), который способен регулировать поступление волжских вод в восточную часть дельты.

Водные ресурсы Кигаша, которые явно увеличиваются от его истока к морскому устью, активно используются для хозяйственно-питьевых нужд нескольких сельских населенных пунктов, в животноводстве. Затопляемые участки дельтовой равнины заняты сенокосами, засеваемыми сельхозугодьями. Рукав судоходен; в Котяевке, Шортанбае расположены речные пристани, постоянно проводится дноуглубление русла.

Рукав Кигач является важным источником водоснабжения объектов нефтегазового сектора, удаленных от дельты населенных пунктов Атырауской и Мангистауской областей Казахстана. От него отходит магистральный межбассейновый водовод «Астрахань – Мангышлак». Целью водовода служит: 1) подача волжской воды на нефтяные месторождения Атырауской и Мангистауской областей для закачки ее в подземные пласты и поддержания в них нужного давления, 2) водоснабжение отдаленных населенных пунктов Атырауской и Мангистауской областей – г. Жанаозен, пос. Мунайши, пос. Кульсары и др. Всего около 183 объекта.

В промышленную эксплуатацию он запущен в 1988 г., имеет общую протяженность 1040 км, главное водозаборное сооружение в районе с.Кигач (107 км от моря и в 0,7 км ниже по течению от пересечения русла протоки Кигач государственной границей) и 9 насосных станций (НС), проектную мощность 260 тыс. м³ воды в сутки, или 95 млн м³/год. По водоводу подается вода, прошедшая одну ступень очистки, т.е. подготовленная для производственных нужд. Для питьевых целей доочистка осуществляется конкретными потребителями на местах, например в г. Жанаозен, пос. Мунайши, пос. Кульсары. В 1990 г. это было 0,45 млн. м³ и только в Мангистауской обл., в 2005 и 2006 гг. 11,83 и 11,69 млн. м³, включая уже забор на нужды коммунального хозяйства в Атырауской области [СКИОВО 2007].

Фактически сейчас транспортируется <30 млн м³/год (не менее 1/3 – 1/2 – на коммунальные нужды) с постепенным нарастанием объемов. Но пока это в пределах 85% от лимита в 35 млн. м³. Его собираются поднять до 40 млн. м³, или 110 тыс. м³ в сутки. К 2030 г. планируют увеличить до 85,4 млн м³/год (Постановление Правительства РК от 8 апреля 2016 г. № 200 «Об утверждении Генеральной схемы комплексного использования и охраны водных ресурсов»), к 2040 г. – до 94 млн м³/год, т.е. до прежней проектной мощности.

Второй субъект водохозяйственного комплекса – это население и коммунальные предприятия Курмагазинского района. Здесь 25 населенных пунктов, в которых проживает около 35 тыс. чел. (по состоянию на 2018 г.). Часть поселений имеют водозабор берегового и насосного типа, приподнятый над затапливаемой поймой. Вода с них подается на водоочистные станции (ВОС), где, главным образом, хлорируется, поскольку взвесей в волжской воде очень мало. Всего авторы выявили в 2019 г. 11 таких водозаборов и 10 ВОС. Часть населенных пунктов снабжается водой либо от ВОС в соседнем селе (поселке), либо с магистрального водовода. Общий объем забираемой воды (на

сельхозводоснабжение) может составлять 1,7–3,3 млн. м³/год. В 1990 г. он не превышал 0,05 млн. м³/год, в 2006 г. был равен 1,08 млн. м³/год. Сточные воды сбрасываются в выгребные ямы, но в ряде пунктов – на поля испарения, в частности в с.Кигач (в зимнее время 200–250 м³/сут., в летнее – до 150–200 м³/сут.).

Другие субъекты водохозяйственного комплекса – это ООС «Кобяково-Забурунь» – 4 млн м³/год (по С.К.Ахметову) животноводческий комплекс – 2,3 млн м³/год, овощеводство – 11,8 млн м³/год, рыбная отрасль – 0,6 млн м³/год. Около 0,68 млн м³ забирается из подземных источников – для сельхозводоснабжения и обводнения пастбищ.

Со стороны России водозаборных сооружений на рукаве Кигач практически нет. Имеются только мелкие водозаборы на обеспечение хозяйственно-бытовых потребностей населения сельских населенных пунктов.

В 1990 г. суммарный водозабор составил 8,3 млн м³/год, в 2006 г. – 31,74 млн м³/год [СКИОВО 2007]. В настоящее время забирается не больше 48 млн.м³, т.е. не больше выделенного лимита. Это очень мало (<0,25%) в сравнении с полными водными ресурсами рукава и его проток. И есть потенциал для его увеличения, в том числе для переброски стока в низовья р.Урал.

Современное гидроэкологическое состояние рукава Кигач. Оно во многом определяется тем, что поступает в дельту с волжскими водами, и в каком режиме.

Минерализация воды в рукавах Кигаш и Шароновка в марте 2019 г. составила 300–400 мг/дм³, состав вод гидрокарбонатно-кальциевый. Гидрокарбонатов 27%, сульфатов 15%, ионов кальция 28%, магния 12%, натрия 9%. Сезонные изменения концентраций химических веществ в воде волжских рукавов и проток выражены относительно слабо, что объясняется зарегулированностью стока нижней Волги каскадом больших водохранилищ.

Концентрации растворенных форм минерального фосфора и кремния в рукавах дельты Волги, как правило изменяется в широких пределах, составляя в среднем 32,5 мкг Р/дм³ и 2,56 мг Si/дм³. Порядок величин совпадает со среднегодовыми концентрациями биогенных элементов в вершине дельты: 17,5 мкг Р/дм³ и 2,61 мг Si/дм³ согласно обобщению материалов режимных наблюдений в с. Верхнее Лебяжье за 1934–1977 гг. [Леонов, Дубинин 2001]. Между содержанием растворенного фосфора и кремния существует хорошо выраженная взаимосвязь, характер которой различался в разные годы наблюдений [Савенко и др. 2011]. По экспедиционным данным 2019 г., содержание кремния в марте составило 3–3,5 мг Si/дм³, снизившись к июлю до 2,7 мг Si/дм³. Активное потребление кремния наблюдается в период развития диатомовых водорослей, который приходится на весенний период, а затем вновь накапливается в водной среде. Содержание минерального фосфора в воде рук. Кигач минимально летом (около 15% Рвал), зимой – около 70% Рвал. Органический фосфор в течение вегетационного периода находится преимущественно во взвешенной форме в составе клеток фитопланктона. Преобладающей формой минерального азота является нитратный азот.

Превышений содержания биогенных элементов не отмечается. Скорее всего, режим биогенных элементов в воде рук. Кигач и пр. Шароновка определяется сезонными вариациями биомассы фитопланктона, а ведущая роль в трансформации стока растворенных форм минерального фосфора и кремния принадлежит процессам ассимиляции и регенерации при разложении органического вещества.

В воде рукава Кигаш и протоки Шароновка в весенний период повышенного стока отмечено увеличение перманганатной окисляемости, характеризующей содержание в воде трудноокисляемых биохимически органических веществ [Ресурсы... 2010-2018] и мутности воды. Однако повышения этих показателей невелики и непродолжительны.

Актуальным загрязняющим веществом, превышающими ПДК, установленные для водных объектов хозяйственного и рыбохозяйственного пользования, является содержание легкоокисляемых органических веществ (БПК₅), соединения железа, марганец и медь. В течение года величины БПК₅ периодически достигает значений больше 3 мгО₂ /дм³, что автоматически переводит воду в класс «умеренно-загрязненных» по КИЗВ. Загрязнение воды дельтового рукава Кигач легко окисляемыми органическими веществами обусловлено поступлением неочищенных хозяйственно-бытовых сточных вод от сельских населенных пунктов, с поверхностным стоком от животноводческих объектов навозохранилищ, пунктов водопоя скота. Металлы в речные воды из почв, с грунтовыми водами и, конечно, имеют транзитное техногенное происхождение. Ранее в воде рук. Кигач фиксировалось повышенное содержание НФПР и высоко токсичного для живых организмов кадмия [Схема... 2007]. В настоящее время и нами превышений этих показателей качества не зафиксировано.

На сегодняшний день ИЗВ характеризует воды дельтового рукава Кигаш и протоки Шароновки как «чистые», величина КИЗВ (<1) как «нормативно чистые», по БПК₅ как «умеренно-загрязненная».

По гидробиологическим показателям (для створов Шортанбай (№1), Бирлик (№2) и Ганюшкино (№3)) получены следующие результаты. Эвтрофному статусу вод по величине биомассы фитопланктона соответствует створ у Ганюшкино – почти 8 мг/л (при численности 35 тыс. кл/мл). Следствием этого обычно является ухудшение состояния водного объекта: снижение прозрачности воды, появление неприятных запахов, ухудшение кислородного режима. В остальных створах – около 3,5 мг/л. По биомассе преобладают в основном диатомовые и зеленые водоросли. Индекс сапробности, Шеннона, Пиелу, число видов составило 2,1, 3,7, 0,6 и 55 (№1), 2,2, 3,7, 0,6 и 68 (№2), 2,2, 3,6, 0,6 и 60 (№3). Это достаточно большие величины, свидетельствующие о нормальных условиях для водорослей, отсутствии сильного доминирования отдельных видов, что благоприятствует высокому видовому разнообразию. Индексы сапробности, характеризующие содержание в воде органических веществ, находящихся на разных стадиях разложения, невелики – от 2,1 до 2,3, что характерно для слабо (умеренно) загрязнённых вод.

Для изучения донных беспозвоночных пробы грунта отбирали гидробиологическим сачком, оснащенным мельничным газом. Поскольку дно большинства обследованных водотоков покрыто песчано-илистыми и глинистыми отложениями, то отбор проб производился путем их взмучивания и улавливания сачком сносимых течением организмов. Таким образом облавливалась площадь дна 3–7 м². Иловые отложения, там, где они присутствовали, отбирали путем снятия сачком верхнего слоя на площади около 0,2 м². Изучение бентоса показало, что видовое богатство бентосных организмов мало: №1 – 15 (ил) и 6 (песок), №2 – 7 (песок+ил), №3 – 9 (песок, ил) и 10 (песок). Индекс Вудивиса также мал – 3–6, 3 и 5 баллов соответственно; индекс сапробности – 1,5–2, 1,2 и 1,1–1,9. Биомасса зообентоса сравнительно невелика – от 3 до 5 мг/м².

Отбор проб зоопланктона производили с помощью сети, сшитой из мельничного газа №68, через которую процеживали 100 л воды. Пробы фиксировали 4% формалином. Подсчет и определение организмов проводили под бинокулярным микроскопом в камере Богорова. Биомасса зоопланктона на створе №1 составила почти 12 мг/м³ (явно преобладают Cladocera), №3 – менее 2 мг/м³; индекс Шеннона – 2,3 и 1,9, индекс Пиелу – 0,8 и 0,7, индекс сапробности – 1,8 и 1,6, число видов-индикаторов – 5 и 3.

Благодарность: Исследование выполнено в рамках госбюджетной темы (I.10, ЦИТИС 121051400038-1) и при финансовой поддержке Акимата Атырауской области.

Литература

1. Водные ресурсы России... 2008 – Водные ресурсы России и их использование. СПб: ГГИ, 2008. 598 с.
2. Демин 2011. – Демин, А. П. Использование водных ресурсов России: современное состояние и перспективные оценки. Автореф. дис. ...докт. геогр. н. М., 2011. 51 с.
3. Леонов, Дубинин 2001 – Леонов А. В., Дубинин А. В. Взвешенные и растворенные формы биогенных элементов, их соотношение и взаимосвязь в основных притоках Каспийского моря // Водные ресурсы. Т. 28. № 3. 2001. С. 261–279.
4. Ресурсы... 2010–2018 – Ресурсы поверхностных и подземных вод, их использование и качество. Ежегодное издание. Алматы, Астана, 2010–2018.
5. Савенко и др. 2011 – Савенко А. В., Бреховских В. Ф., Лабунская Е. Н. Межгодовая изменчивость распределения растворенных форм биогенных элементов в водах дельты Волги и ее связь с вариациями биомассы фитопланктона // Аридные экосистемы. 2011. Т. 17. № 4(49). С. 70–75.
6. СКИОВО 2007 – Схема комплексного использования и охраны водных ресурсов реки Урал (Жайык) с притоками. Отчет в 6 томах и 11 кн. / ПК «Институт Казгипрводхоз». Алматы, 2007.

7. Устьевая область... 1998 – Устьевая область Волги: гидролого-морфологические процессы, режим загрязняющих веществ и влияние колебаний уровня Каспийского моря. М., 1998. 280 с.
8. Устья рек... 2013 – Устья рек Каспийского региона: история формирования, современные гидролого-морфологические процессы и опасные гидрологические явления. М., 2013. 703 с.

ОСОБЕННОСТИ И РАЗМЕРЫ ВЛИЯНИЯ ВОДОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СТОК Р.УРАЛ В ПРЕДЕЛАХ КАЗАХСТАНА

Магрицкий Дмитрий Владимирович
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: magdima@yandex.ru

Кенжебаева Айымгуль Жолдасбайкызы
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: aiymgul_92@bk.ru

Аннотация: По материалам двух комплексных экспедиций в низовья р. Урал в 2019 г., новым сведениям из гидрологических и водохозяйственных справочников, расчетам и ГИС-построениям, пространственно-временному и сравнительному анализу выявлена структура современного водохозяйственного комплекса, сложившегося на базе использования вод Урала в пределах Западно-Казахстанской и Атырауской областей Казахстана. Определены его количественные показатели (отдельно для 1980х гг. и настоящего времени) и характер влияния на водные ресурсы реки, основные проблемы. По главным водопользователям составлено полное представление о параметрах и аспектах использования ими речной воды.

Ключевые слова: нижний Урал, сток, водопользование, канал, насосная станция, сточные воды

Река Урал – трансграничный водный объект, чей бассейн разделен на российскую и казахстанскую части. Нижнее течение реки полностью находится в Западно-Казахстанской (ЗКО) и Атырауской областях Казахстана, где реку называют Жайыком. Такое расположение предопределяет безусловную зависимость гидрологического и экологического состояния пойменно-руслового комплекса, водохозяйственного потенциала низовьев от условий стокоформирования и транзита стока, их климатических и антропогенных изменений в верхнем и среднем отсеках бассейна, относящихся, главным образом, к территории России. Кроме того, у нижнего Урала практически

отсутствует боковая приточность, тогда как водохозяйственная нагрузка на сток и качество речных вод велики в силу отсутствия здесь других крупных источников пресных и возобновляемых водных ресурсов воды, столь востребованных в полупустынных районах Прикаспия.

Любые неблагоприятные изменения величины и режима стока, гидрохимических показателей воды влияют на качество жизни местного населения, работу предприятий и сельское хозяйство, разнообразие и продуктивность водных и околоводных экосистем. К их числу можно отнести недавнее общее уменьшение стока воды р. Урал, снижение максимальных расходов и уровней воды, показателей затопления поймы и нерестилищ, загрязнение и цветение воды, заморы рыбы и т.п. Они нередко воспринимаются как следствие «излишней» водохозяйственной деятельности на российской части бассейна. При этом факт климатической причины современных изменений водного стока и режима реки, собственная водохозяйственная деятельность мало кем рассматриваются.

В последние несколько лет на роль региональных климатических изменений в нарушении сложившегося гидрологического режима Урала и его притоков тоже стали обращать внимание [Магрицкий и др. 2018; Magritsky et al. 2021]. Тогда как о местном антропогенном влиянии на гидроэкологическое состояние нижнего Урала мало что было известно в силу отсутствия полноценных данных. Весной и летом 2019 г., при поддержке Акимата Атырауской области и Международного научного комплекса «Астана», под руководством авторов были проведены гидрометрические и водно-экологические работы на всем протяжении нижнего Урала от г.Уральска до Каспийского моря, обследование современного состояния его водохозяйственного комплекса, опрос местного населения. Это, а также новые многолетние данные сетевых гидрологических наблюдений и гидрохимического мониторинга, о современном водопользовании (по материалам ежегодных отчетов и докладов), другие сведения и их сравнительный анализ позволили впервые получить достоверную картину в отношении реальных проблем, связанных с рекой Урал в ее нижнем течении.

Описание нижнего Урала. Считается, что нижнее течение Урала начинается от г.Уральска – с выходом реки на Прикаспийскую низменность и в 950 км (по руслу) от моря. Река поворачивает на юг и на всем пути к Каспийскому морю не принимает ни одного притока. Мало того, она теряет часть своих вод на испарение и фильтрацию в берега, обводнение староречий и сухих степей, из-за интенсивного забора воды. Верхняя же граница казахстанского участка Урала лежит в 185 км выше по течению, что дает общую длину в примерно 1135 км.

На участках древних дельт Урала от реки отходят бывшие дельтовые рукава (сухоречья, староречья). Некоторые из них преобразованы в каналы. Всего таких дельт 5 – Кушумская, Мергеневская, Багардайская, Кызылджарская, Новобагатинская, или Аксайская, не считая современной [Устья рек..., 2013]. Самый большой из таких дельтовых рукавов Кушум отделяется от Урала вправо, после впадения в него последних полноценных

притоков – рр. Деркул и Барбастау – и выше поста Кушум (848-й км). Сейчас он часть сложной обводнительной системы. Ниже по течению отделяются вправо Багырдай (у с.Лебедок), Аксай, Нарынка (у п.Карманово), Баксай (у п.Яманхалинки) и др.

Кроме отмершей русловой сети древних дельт хорошо прослеживаются границы речной долины, террасы и пойма [Кокин, 1938; Ресурсы..., 1970; Чибилев, 2008]. До п.Чапаево ширина долины 25–40 км, число террас – 3. Высота верхней террасы над меженным руслом – от 10–12 до 25–30 м. К югу долина сужается до 10–15 км. Ниже с.Атамбаева (бывшее Тополи, 228-й км) террасы на правом берегу становятся малозаметными; от русла немного отступает левый коренной берег долины. Пойма хорошо выражена на всем протяжении. Она двухсторонняя, шириной от 1,5 до 7 км и более. Ниже с.Атамбаева пойма значительно расширяется. Ее средняя высота над уровнем в реке от 1 до 6 м. Поверхность поймы неровная – изрезана протоками, старицами, гривами и грядами. Бровку поймы подчеркивают береговые валы. Берега представлены высокими обрывами и песчаными отмелями. Их высота изменяется от 5–8 м в верхней части участка до 1 м вблизи от моря. В местах выхода к руслу уступов террас или коренных склонов высота берегов достигает 10–20 м. Русло нижнего Урала извилистое с коэффициентом извилистости 1,5–2 и выраженными меандрами. Ниже п. Тайпак (бывш. Калмыково, 431-й км), извилистость явно уменьшается. Еще меньше она ниже с. Алмалы (с 80-го км). Ширина меженного русла варьирует в среднем от 100 до 250 м, глубины относительно небольшие. Русло и берега подвержены активным переформированиям, хорошо заметным при сравнении разновременных карт и спутниковых снимков.

При впадении в Каспий река, образуя небольшую дельту (площадь ~ 300 км² и длиной ~32 км), разделяется на рук. Золотой (его продолжение в море – это Урало-Каспийский канал) и рук. Яицкий с долей стока в июле 2019 г. соответственно 63,7 и 36,3% (при $Q_{\text{Урал}}=98 \text{ м}^3/\text{с}$). Размеры и строение дельты меняются вслед за повышением или понижением среднего уровня моря.

К северу от п. Тайпак проводят южную границу сухостепной типчаково-ковыльной растительной зоны [Национальный атлас..., 2010]. На юг, еще на 100 км (примерно до с. Базартобе), лежит сухостепная (полупустынная) полынно-ковыльная зона. К югу ее сменяет пустыня. Пойма и дельта Урала относятся к районам с интразональными типами растительности: ивовыми и тополевыми лесами, кустарником, тростником, луговыми сообществами и др. Их экологическая ценность неопределима.

Водохозяйственный комплекс казахстанского участка Урала. Его следует рассматривать отдельно для ЗКО и Атырауской обл., поскольку характер водопользования сильно различается. В ЗКО воды р. Урал используют водное хозяйство г. Уральска (и населенных пунктов – спутников) и Кушумский канал огромной Урало-Кушумской ООС. Население и предприятия г. Уральска, как установлено, безвозвратно используют 0,011 км³ воды в год. Она забирается насосной станцией (НС) Уральской ТЭЦ АО «Жайыктеплоэнерго» (960-й км), проходит подготовку на очистных

сооружениях ТОО «Батыс Су Арнасы», после – подается в магистральные водоводы и в распределительные сети. Сточные воды городской агломерации поступают в каскад накопителей и биологических прудов, а также сбрасываются на рельеф местности. Правда, с 2015 г. от этой практики постепенно уходят. Хотя в реку использованные воды не сбрасываются, тем не менее, загрязнение от ТОО «Батыс Су Арнасы» имеет место быть – в районе главной НС из-за промывки фильтров (от взвесей) со станции водоподготовки. Есть еще сброс условно-чистых вод в Солдатскую старицу р.Урал с охладительной системы турбогенератора Уральской ТЭЦ.

Канал Кушум, пропускной способностью $125 \text{ м}^3/\text{с}$, функционирует с 1940 г., а в проектном режиме – с середины 1950-х гг. Он отделяется от р.Урал вправо на 920-м км (вблизи п.Круглоозерное) и имеет дополнительную подпитку на 860-м км (вблизи аула Кушум) (рис. 1а). Его задача – снабжать водой 1232 км каналов, почти 100–110 тыс. га орошаемых земель и 2177 тыс. га пастбищ Урало-Кушумской ООС, 4 водохранилища, р. Малый Узень, население и предприятия 38 сельских округов 5 районов ЗКО. Сама ООС полностью введена в строй в 1974 г. Система самотечная.

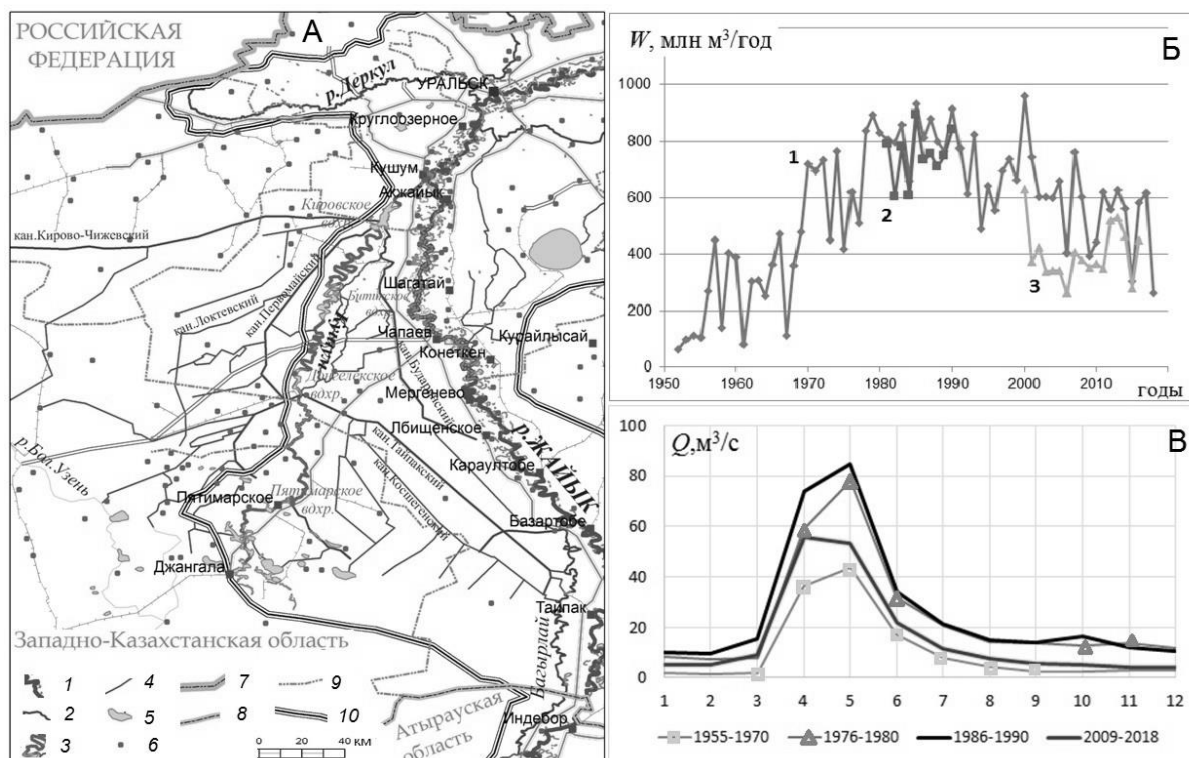

Рисунок 1. Урало-Кушумская ООС (А), многолетние (Б) и внутригодовые (В) показатели забора воды Кушумским каналом. Условные обозначения: (А) 1 – пойменно-русловой комплекс нижнего Урала (Жайык), 2 – другие реки, 3 – Кушумский канал с водохранилищами, 4 – каналы, 5 – водоемы, 6 – населенные пункты, 7 – госграница, 8 и 9 – границы областей и районов, 10 – граница бассейна р.Урал; (Б) по данным гидрологических ежегодников и Казгидромета (1 и 2), Западно-Казахстанского филиала РГП «Казводхоз» (3)

Своего пика по показателям водопользования Кушумская ООС достигла в 1980-х гг. (рис. 1б,в). К настоящему времени произошло заметное снижение забора речных вод и буквально на порядок площадей реально обводняемых земель. Если в 1980-х гг. объемы изъятия достигали в среднем $822 \text{ млн м}^3/\text{год}$,

то с 2004 г. – 533 млн м³/год, по Казгидромету, и 400 млн м³/год, по РГП «Казводхоз». Явное снижение забора воды отмечено во все месяцы года (рис. 1в), пик забора сместился на апрель. В целом, годовой водный режим Кушумского канала соответствует гидрографу р.Урал.

Основным сдерживающим фактором дальнейшего развития Урало-Кушумской ООС были и остаются сомнения по поводу: 1) негативных последствий от ее эксплуатации, в первую очередь для стока и пойменно-аквального комплекса низовьев Урала, 2) эффективности использования забранных речных вод ввиду огромных непродуктивных потерь на испарение, во время транспортировки в земляных и открытых руслах (до 40% [СКИОВО 2007]), с акватории больших по площади, мелких и хорошо прогреваемых водохранилищ, из-за неполного соблюдения технологии орошения. Да и сама технология обильного и сплошного орошения огромных по площади сельхозугодий в условиях засушливого климата, засоления почв представляется устаревшей. В связи с чем, вызывают беспокойство новые планы по развитию ООС и увеличения забора воды в канал, в т.ч. для межбассейновой переброски стока.

До границ с Атырауской обл. незначительный забор речных вод обнаружен еще у с.Дарьинское (1002-й км), с.Акжайык (831-й км), а.Мерген (640-й км) и с.Атамекен (515-й км).

Совсем другая ситуация в Атырауской области. Ее водохозяйственный комплекс на базе использования вод Урала сложный. Он представлен (рис. 2): 1) хозяйственно-питьевой и коллекторно-канализационной системой г.Атырау, 2) коммунальными предприятиями и домовыми хозяйствами сельских населенных пунктов, часто собственными силами осуществляющими забор речной воды, 3) крупными каналами, осуществляющими забор и переброску речных вод либо на обводняемые поля и пастбища рядом с рекой, либо за пределы речной долины, 4) сравнительно малыми сельхозпредприятиями с небольшими плавучими насосными станциями, 5) тремя предприятиями по разведению рыбы, 6) водным транспортом (роль минимальная). Отдельным и особым водопользователем являются уникальные водные и околородные экосистемы – в дельте Урала, на затопляемых пойменных лугах и нерестилищах.

В г. Атырау основной забор воды (двумя мощными водозаборами), первичную водоочистку, транспортировку и распределение хозяйственно-питьевой воды, а также прием, очистку и сброс сточных вод от потребителей города осуществляет КГП «Атырау Су Арнасы». Часть воды перебрасывается по магистральному водоводу в п.Макат. Крупные промышленные предприятия имеют собственные водозаборы. Общий забор воды из реки КГП «Атырау Су Арнасы» в настоящее время равен ~25 млн м³/год (322 л/сут на 1 чел.). Максимальный забор, вероятно, может достигать 33 млн м³/год. Сточные воды левого берега (~60 тыс. м³/сут.) поступают на очистные сооружения ТОО «АНПЗ» и, не пройдя полный цикл очищения, – на поля испарения («Тухлую балку»). На правобережье также есть поля испарения – пруд-накопитель («Черная речка»). Но строятся новые очистные сооружения (мощностью 70

тыс. м³/сут) с уже глубокой очисткой сточных вод и отхода от практики сброса неочищенных вод на поля испарения или в пруды-испарители. Использованные воды Атырауской ТЭЦ поступают в канал и удаляются в направлении к морю по руслу бывшей протоки Перетаска с возможным перетоком в Приморскую ООС. В ерик Мостовой, а затем в р.Урал ниже города, организованно сбрасываются дождевые воды, собранные спецтехникой на улицах, поступают стоки от домохозяйств и др. В 2015, 2016 и 2017 гг. объемы водоотведения составили 15,46, 18,03 и 18,43 млн м³/год. Из них на промышленные сбросы пришлось 30%, хозяйственно-бытовые – 70%.

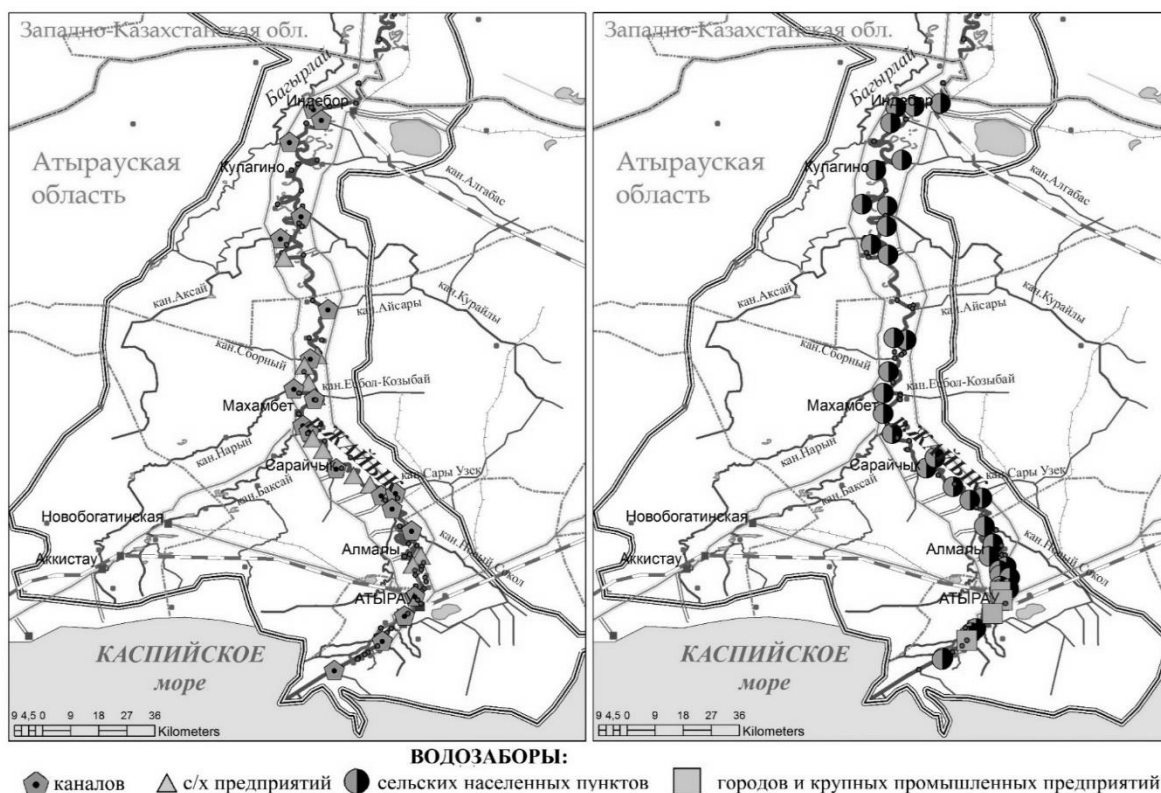

Рисунок 2. Карта-схема каналов, размещения и назначения водозаборных сооружений по длине р.Урал (по состоянию на 2019 г.)

Сельских поселений вдоль Урала в пределах Атырауской области 42, еще 9 садоводческих товариществ. В 2018 г. в них проживало ~117 тыс. населения, что на 22 тыс. больше чем в 2009 г. Для сравнения в г.Атырау – 270 тыс. чел. (на 2019 г.). Лишь часть поселений имеет одну (реже – больше) насосную станцию, напрямую забирающие воду из р.Урал. Таких НС (плавучего типа) обнаружено 44. Еще 13 в садоводческих товариществах. Забираемая для хозяйственно-питьевого назначения речная вода проходит водоподготовку – очистку от наносов и хлорирование – на местных водоочистных станциях (ВОС). Они есть теперь во многих населенных пунктах и построены совсем недавно. Удаленные из воды наносы складировются на специальных площадках. Далее вода подается на водонапорные башни, часть запасается в цистернах, откуда централизованно распределяется по потребителям. В населенном пункте могут функционировать 2 системы централизованного водоснабжения – так

называемый летний водовод и сети круглогодичного питьевого-хозяйственного водоснабжения. Практически все системы водоснабжения недавно прошли модернизацию, либо впервые построены. Подвоз питьевой воды автотранспортом теперь практикуется мало.

Тем не менее, некоторые проблемы поселкового водоснабжения сохранились. Это: 1) отсутствие горячей водой; 2) возникающие перебои с водоснабжением по причине замерзания водопроводов зимой, остановки в половодье ВОС, не справлявшихся с высокой мутностью речных вод; населению в конкретные часы; 4) недостаточное количество технической воды и нерегулярность ее подачи в летний период; 5) очистка воды не по всему перечню веществ и компонентов с превышением по ПДК; 6) повреждение водозаборных систем на быстро размываемых берегах. Важной проблемой, ждущей своего решения, остается практически повсеместное отсутствие канализационных сетей и очистных станций. Исключение – г.Атырау и некоторые поселки вблизи него, а также Индербор, Сарайшык, Махамбет. Сейчас стоки поступают в выгребные ямы и септики, которые имеют многие домохозяйства. Переполнение ям устраняется с помощью спецтехники. Но станции по централизованному приему, очистке и утилизации сточных вод есть далеко не во всех населенных пунктах. Однако, сброса стоков в р.Урал в 2019 г. не обнаружено.

Каналы различных мелиоративных систем осуществляют забор уральских вод в Атырауской области обычно принудительным образом – с помощью мощных плавучих насосных станций. После сброса воды в магистральный канал она самотеком течет под уклон в земляных (реже – в бетонированных, или облицованных) руслах на орошаемые и обводняемые поля и пастбища, распределяется по сети меньших по размеру каналов и канав. Каналы могут служить дополнительным источником воды для населенных пунктов. НС и сами каналы функционируют с апреля–мая по сентябрь–октябрь, хотя вода в них может сохраняться и зимой. Самые крупные каналы и их подсистемы – это Багырлай, Алгабас-Жорык, Аксай, Курайлы, Сборный, Нарын, Баксай, Черная Речка, Новый Сокол, ерик Мостовой, Перетаска (рис. 2). Всего выявлено 20 водозаборов в каналы. Из них самотечным можно считать лишь проток Зарослый. Большинство каналов, по итогам обследования в 2019 г., в удовлетворительном состоянии. В некоторых каналах ток воды не наблюдался. Проведено измерение расходов воды в каналах, каталогизация их параметров.

Особенности и размеры влияния водохозяйственной деятельности на сток нижнего Урала в пределах ЗКО и Атырауской области. Водохозяйственный комплекс, сложившийся на базе использования уральских вод, заметно уменьшают речной сток. Пик водопользования в бассейне Урала пришелся на 1980е гг. [Демин 2011; Магрицкий и др. 2018]. На казахстанском участке, благодаря ~145 субъектам водохозяйственного комплекса, сток реки уменьшался к морю в среднем на $1,56 \text{ км}^3$ (~ $1,15$ – $1,20 \text{ км}^3/\text{год}$ в ЗКО), или 15% стока, поступающего с территории РФ, с увеличением этой доли в маловодные годы (например, в 1984 г.) как минимум в 1,5 раза. Для сравнения, естественные потери на участке Кушум – Атырау оценивались в $0,16 \text{ км}^3/\text{год}$

при водозаборе на этом отрезке в $0,41 \text{ км}^3/\text{год}$ [Государственный... 1984–1997]. Главным водопользователем был и остается Кушумский канал ($0,81 \text{ км}^3/\text{год}$), который забирал воду в течение всего года (63,7% апрель–июнь, 20,3% июль–октябрь), тогда как большинство других каналов – в вегетационный сезон. В 1990-х гг. объемы водопотребления в бассейне Урала резко сократились, главным образом с 1992 по 1999 гг.

Современное хозяйственное уменьшение стока по длине казахстанского участка Урала оценивается авторами примерно в $0,80\text{--}0,95 \text{ км}^3/\text{год}$ – 59,5% в половодье (апрель–июнь), 23,4% в июле–октябре. Тогда как гидрометрическое уменьшение стока от поста Январцево (на границе с РФ) к постам Кушум и Махамбет равно $0,6$ и $0,8 \text{ км}^3/\text{год}$ (2009–2018 гг.), вырастая к морю до $\sim 1 \text{ км}^3/\text{год}$. Сбросов сточных вод в нижний Урал по-прежнему почти нет, что уравнивает водозабор и безвозвратное водопотребление. По итогам изысканий в 2019 г. и расчетам, объемы забора воды на атырауском участке Урала составили 148 млн $\text{м}^3/\text{год}$ (при максимальном варианте в 227 млн м^3 и утвержденных правительством РК лимитах в 302 млн м^3) (рис. 3).

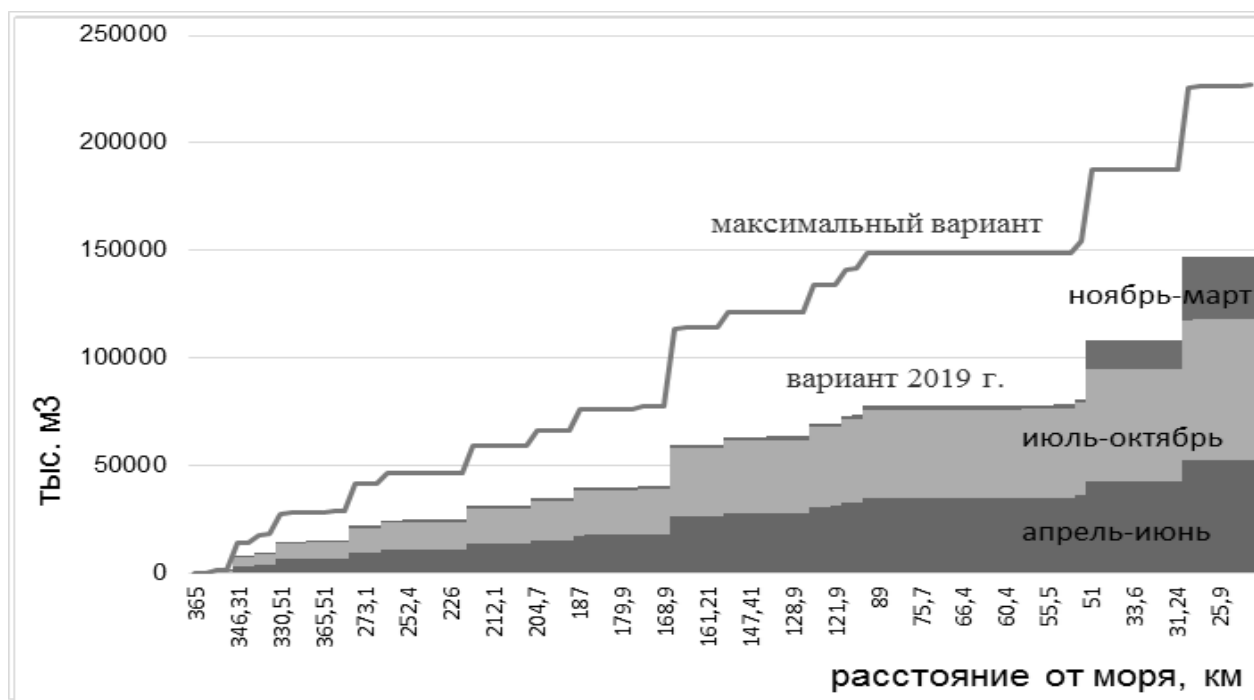

Рисунок 3. Нарастание годовых объемов забора воды из р. Урал в пределах Атырауской обл. с разделением на сезоны для варианта 2019 г.

В будущем объемы водопользования и нагрузка на речной сток, вероятнее всего, будут расти. В первую очередь, в связи с расширением производственной деятельности, запуском новых промышленных предприятий и месторождений, положительной динамикой численности населения, расширением существующих населенных пунктов и жилого фонда в них, со стремлением обеспечить сельскому населению круглогодичный доступ к достаточным объемам и нормативного качества пресноводным ресурсам.

Благодарность: Исследование выполнено в рамках госбюджетной темы (I.10, ЦИТИС 121051400038-1) и при финансовой поддержке Акимата Атырауской области.

Литература

1. Государственный... 1984–1997 – Государственный водный кадастр. Ежегодные данные о режиме и ресурсах поверхностных вод суши. Том V. Вып. 2. Обнинск, Актюбинск, Алматы, 1984–1997.
2. Демин 2011 – Демин А. П. Использование водных ресурсов России: современное состояние и перспективные оценки. Автореф. дис. ...докт. геогр. н. М., 2011. 51 с.
3. Кокин 1938 – Кокин П. П. Гидрология среднего и нижнего течения реки Урала // Тр. Казахст. ф-ла АН СССР. Вып. 11. Т. 2. М.–Л., 1938. С.87–152.
4. Магрицкий и др. 2018 – Магрицкий Д. В., Евстигнеев В. М., Юмина Н. М., Торопов П. А., Кенжебаева А. Ж., Ермакова Г. С. Изменения стока в бассейне р.Урал // Вестн. Моск. Ун-та. Сер.5. География. 2018. №1. С.90–101.
5. Национальный атлас... 2010 – Национальный атлас Республики Казахстан. Том I. Алматы, 2010. 150 с.
6. Ресурсы... 1970 – Ресурсы поверхностных вод СССР. Том 12. Вып. 2. Л., 1970. 512 с.
7. СКИОВО 2007 – Схема комплексного использования и охраны водных ресурсов реки Урал (Жайык) с притоками. Отчет в 6 томах и 11 кн. / ПК «Институт Казгипрводхоз». Алматы, 2007.
8. Чибилев 2008 – Чибилёв А. А. Бассейн Урала: история, география, экология. Екатеринбург, 2008. 312 с.
9. Устья рек... 2013 – Устья рек Каспийского региона: история формирования, современные гидролого-морфологические процессы и опасные гидрологические явления. М., 2013. 703 с.
10. Magritsky et al. 2021 – Magritsky D. V., Kenzhebaeva A. K., Yumina N. Yu., Efimova L.E., Moreido V. M. Climatic changes and water management in the Ural River basin and their impact on the river water regime // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2021. Vol. 817. 012062. Pp. 1-10.

БИОЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ В ПРИЗМЕ ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

Мамедов Вугар Гурбан оглы

Всемирная Ассоциация медицинского права, Азербайджанское бюро Кафедрю

ЮНЕСКО по биоэтике

E-mail: vumammadov@yahoo.com

Джафарова Лала Афиг гызы

Институт права и прав человека Азербайджанской Национальной Академии
Наук

E-mail: lala-j@hotmail.com

Аннотация: *Регион Каспия обладает уникальными географическими характеристиками, а также представляет большой интерес с геополитической точки зрения. Каспийское море обладает богатыми, в первую очередь, углеводородными ресурсами. Эти ресурсы обеспечивают экономический потенциал прибрежных государств. Однако, их бесконтрольная эксплуатация может нанести урон экосистеме, биоразнообразию Каспийского моря. Поэтому также важна биоэтическая оценка использования данного географического региона. В статье анализируется регион Каспийского моря с точки зрения обеспечения универсальных биоэтических принципов. Отмечается важность отражения данных принципов при разработке политики государств, имеющих доступ к природным богатствам моря.*

Ключевые слова: *биоэтические принципы, политика, безопасность, Каспийское море, принцип 'солидарность и сотрудничество', принцип 'социальная ответственность и здоровье', принцип защиты биосферы и биоразнообразия, принцип 'защита будущих поколений', угрозы Каспию, рациональное использование природных богатств, развитие Каспийского региона.*

Каспийский регион имеет большое значение не только как источник природных ресурсов, но и как важнейший геополитический узел. Уникальные, с географической точки зрения, характеристики Каспия определяют его значение не только в региональном, но даже в мировом масштабе [Yusifov 2014]. Так, Каспийское море, является крупнейшим в мире водоемом, сочетающим признаки моря и озера; в силу географических особенностей тем не менее получившего статус «моря» [Muradlı 2019].

Политическая значимость региона, в первую очередь, объясняется наличием богатых природных ресурсов, имеющих большое экономическое значение. Хотя данные в научной литературе разнятся, по некоторым подсчетам на долю Каспия приходится около 3% общемировых запасов углеводородов, что позволяет ему занимать одно из лидирующих мест по объему запасов нефти и газа [Завьялова 2017, с. 44]. Однако, очевидно, что масштабная их добыча и прочая эксплуатация морских ресурсов не может не представлять определенные риски для его экологического состояния. Так, еще в советское время в результате строительства Волжского каскада ГЭС от моря было отрезано практически 100 % нерестилищ белорыбицы и белуги, и около 85 % – осетра [Куртов 2012]. Конечно, в последние годы наблюдается стремление прибрежных государств к усилению защиты природных богатств региона. Однако, все еще остаются определенные опасения. За последние 20 лет биологические ресурсы Каспийского моря уменьшились примерно в 10 раз, в результате чего, начиная с 2011 года прикаспийские страны приостановили коммерческий вылов, в частности, осетровых [Алекперова 2020]. По некоторым

данным, в результате глобального потепления уровень Каспия снижается, антропогенные факторы также оказывают негативное влияние. Поэтому усиление внимания к данному региону чрезвычайно важно.

Вопросы биоэтического характера [Мамедов 2013] в отношении Каспийского моря неоднократно являлись предметом дискуссий прибрежных государств. Так, различные правовые документы, такие как «Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря» («Тегеранская конвенция» 2003 года) [Рамочная Конвенция], «Протокол по защите Каспийского моря от загрязнения из наземных источников и в результате осуществляемой на суше деятельности» («Московский Протокол» 2012 года), «Протокол о сохранении биологического разнообразия к Рамочной конвенции по защите морской среды Каспийского моря» 2014 года и т.д. обеспечивают сотрудничество прикаспийских государств в вопросах данного природного региона.

Однако, правовой статус Каспийского моря [Мамедов В. 2006; Мамедов Р. 2018] был определен относительно недавно, лишь в 2018 году, с подписанием «Конвенции о правовом статусе Каспийского моря». Данный документ позволил разрешить не только вопросы политико-правового характера, но также биоэтического. Так, при рассмотрении документа интерес вызывают положения преамбулы об «использовании Каспийского моря в мирных целях, рациональном использовании его ресурсов, изучению, защите и сохранению его природной среды» [Администрация Президента]. Фактически, данный документ устанавливает недопустимость милитаризации и косвенно затрагивает важнейшие биоэтические принципы. В Конвенции часто встречается отсылка к «биологическим ресурсам», необходимости их охраны и ответственного использования. Однако, на практике мы видим, что активное использование природных богатств Каспийского моря, в частности добыча нефти и газа, стремление стран к обеспечению своих национальных интересов, и как следствие, милитаризация несут потенциальную угрозу для данного уникального географического региона. Более того, к сожалению, Иран до сих пор не ратифицировал данную конвенцию, а поскольку ее вступление в силу возможно лишь после ратификации всеми пятью подписавшими его государствами [ТАСС 2021], правовой статус до сих пор остается на политической повестке. Отметим, что Азербайджан ратифицировал Конвенцию в начале 2019 года.

С точки зрения биоэтических принципов [Mammadov 2013; 2014], Каспийский регион требует внимания сразу по нескольким направлениям:

1. Биоэтический принцип «*Солидарность и сотрудничество*» - статья 13 «Всеобщей Декларации о биоэтике и правах человека» [Всеобщая Декларация]. Как мы отметили, прикаспийские государства подписали соответствующую Конвенцию, в рамках которой сотрудничество отмечается на протяжении документа несколько раз. В частности, статья 15 напрямую указывает на обязательства государств по защите экологической системы и биоразнообразия. Однако, к сожалению, данные, публикуемые в СМИ, указывают на продолжающееся загрязнение Каспия [Названы основные]. Загрязнение

происходит также в результате хозяйственной деятельности населения. Существенная часть данных загрязнений приходится на сброс бытовых отходов. Изменение климата, происходящее на глобальном уровне, оказывает негативное влияние на все мировые водные ресурсы, в том числе на Каспий.

Тегеранская конвенция 2003 года (вступившая в силу в 2006 году) - первое региональное соглашение, установившее базовые принципы природоохранной деятельности - обеспечила *солидарность и сотрудничество* стран в вопросах охраны экологии Каспия, особенно в связи с разработкой минеральных ресурсов. Принятие данной конвенции является примером реализации биоэтического принципа солидарности и сотрудничества. Очевидно, что защита экосистемы Каспия невозможна без коллективных усилий всех государств. Так, к примеру, защита популяции редких видов рыб, например, осетровых, подразумевает совместную работу по предотвращению браконьерства и т.д.

Сотрудничество государств в области защиты Каспия, тем не менее нередко сталкивается с вопросом милитаризации с целью обеспечения национальной безопасности. Учитывая стратегическое значение нефтегазовых трубопроводов, очевидно, что государства стремятся обеспечить их защиту. Однако, не только этим объясняется милитаризация региона. На повестку дня также выходят вопросы защиты границ и урегулирования правового статуса. Самой крупной флотилией на Каспии обладает Российская Федерация. По имеющимся данным она насчитывает более 70 кораблей и судов и состоит из нескольких бригад и дивизий, береговых ракетно-артиллерийских войск [Алиев Н., 2019]. Однако, и другие страны имеют свой флот. Также часто прикаспийские страны проводят военные учения. Буквально летом 2021 года на Каспии прошел конкурс «Кубок моря-2021» [Сразу четыре]. Страны Каспийского региона проводят данные учения в духе сотрудничества и различные официальные источники подтверждают, что милитаризация не направлена против соседей, а носит характер укрепления обороны. В данном контексте уместно отметить этический принцип *благо и вред*. Хотя военно-морские силы являются безусловно важным атрибутом геополитической защиты государств, тем не менее, нельзя исключить потенциальную угрозу для тонкой экосистемы Каспийского бассейна. В данном случае, опасения экологов оправданы.

Стоит отметить, что судоходство само по себе представляет собой определенные риски для экологии. Экономический потенциал морских путей огромен, поэтому увеличение коммерческой деятельности, с одной стороны, оказывает положительное влияние на экономические показатели региона, но с другой – ставят под угрозу его экосистему. Несмотря на то, что предпринимаются меры по предотвращению различных катастроф, они все же случаются; также сами суда являются источником загрязнения атмосферы [Экологическая безопасность]. Поэтому, важна своевременная модернизация судов, их обновление по истечении срока службы.

2. Биоэтический принцип «*Совместное использование благ*». Выше мы указывали на богатство ресурсов Каспия, что можно смело отнести к благам.

Доход прикаспийских стран от экспорта нефти и газа оказывает существенное влияние на их финансовое благополучие. Например, хотя в Азербайджане в последние годы предпринимаются меры по снижению доли нефтяного сектора в бюджете страны, до сих пор именно доходы от экспорта нефти и газа остаются одним из ключевых источников его пополнения. Так, в 2020 году, доходы от нефтегазового сектора достигали около 56% государственного бюджета [2020-ci ilin]. Эксплуатация нефтегазовых месторождений Каспия характерна для всех прибрежных государств. Поэтому требуется взаимная координация действий по ответственному использованию данных благ, в том числе недопущению утечки нефти в море, а в случае непредвиденных обстоятельств – реализации мер по очистке.

3. Биоэтический принцип «Социальная ответственность и здоровье». Защита экологии Каспия представляет значимость не только с точки зрения морской флоры и фауны, но и здоровья людей. Прибрежная зона (пляжи) являются излюбленным местом отдыха местных жителей, куда они стремятся особенно летом, в жаркое время года. Набережная моря (бульвар) и в остальные времена года остается традиционным местом прогулок и отдыха. Однако, к сожалению, в результате антропогенного в том числе воздействия, некоторые области прибрежной зоны могут представлять потенциальную угрозу для здоровья граждан. Так, в Азербайджане ежегодно перед началом «пляжного сезона» публикуется список зон, купание в которых опасно для здоровья и запрещено. Однако, мы должны достичь того уровня, когда таких зон не останется. И в этом отношении значимость имеет также и индивидуальная ответственность. Поскольку зачастую именно отдыхающие, посетители пляжей и прибрежных зон, их и загрязняют, бросая в воду или на песок окурки сигарет, использованные пластиковые бутылки, остатки еды и т.д. Антропогенное загрязнение влияет на всю экосистему моря. Так, согласно данным за 2019 год, ежегодный выброс в воды Каспия канализационных стоков только из Дагестана составлял около 100 млн. кубометров [Алиев 2019]. Хотя данные в СМИ существенно отличаются и некоторые источники указывают на цифру в 850 млн. кубометров по состоянию на 2020 год [Дагестан ежегодно]. Что навело местные власти на идею использования различных методов, в том числе дронов, для обследования побережья на предмет незаконных стоков и сливов в море [АиФ-Дагестан 2021]. Считаем, что подобная практика использования научных достижений является очередным примером, показывающим значимость связи вопросов науки и здоровья в контексте их этического использования.

Важную роль в контексте антропогенного загрязнения Каспийских вод также играет несвоевременное обновление очистительных сооружений, что вызвано дополнительными немалыми финансовыми тратами для государств. Однако, плохое очищение сточных вод увеличивает риск распространения различного рода инфекций, таких как «кишечная палочка». Мониторинги воды Каспия в Азербайджане нередко указывают на неутешительные данные. Например, мониторинг 2019 года показал, что объекты отдыха зачастую сбрасывают и вовсе никак не очищенные сточные воды [Мехтиев 2019], в

результате чего пляжи становятся опасными для здоровья потенциальных отдыхающих; а животные, например, тюлени и вовсе гибнут, обитая в загрязненной воде. Поэтому в случае с антропогенным загрязнением важную роль играют не только государства, но и индивидуальная ответственность каждого из нас, кто имеет доступ к этому ценному ресурсу.

Обобщив, главные угрозы Каспийскому региону с точки зрения биоэтических принципов, их можно разделить на следующие 4 направления:

- активная добыча природных ископаемых;
- загрязнение сточными, бытовыми сбросами;
- загрязнение в результате торгового и гражданского судоходства (экономическая деятельность);
- милитаризация.

В этой связи все данные биоэтические опасения также могут быть обобщены в принципе «*Защита будущих поколений*». Поскольку любое негативное влияние в итоге сказывается на будущем развитии региона. Естественно, что каждый из вышеупомянутых пунктов имеет социально-экономический аспект, а также политическую составляющую. Несмотря на все потенциальные угрозы экологии региона, невозможно устранить все факторы этому способствующие. Мы не можем остановить добычу углеводородных ресурсов, которые обеспечивают большую долю бюджетов прибрежных стран. Также невозможно прекращение транспортного/экономического сообщения через Каспийский бассейн. Поэтому мы, как ученые, можем помочь странам выявлять насущные проблемы и через разработку специальных программ их устранять. Более того, во многом важное значение имеет просветительская деятельность среди населения, а также усиление механизмов контроля ответственного использования столь ценного и уникального природного богатства – Каспийского моря.

Литература

1. 2020-ci ilin dövlət büdcəsində neft sektorunun payı 3 faiz azalacaq // VERGİLƏR sosial-iqtisadi onlayn qəzet. 8 noyabr 2019. URL: <https://vergiler.az/news/economy/5403.html>
2. Muradli 2019 - Muradli X. Dünyanın ən böyük gölü // Azərbaycan. 28.07.2019. URL: <http://www.azerbaijan-news.az/view-171717/dunyanin-en-boyuk-golu>
3. Yusifov 2014 – Yusifov E., Məmmədov V. Ekoloji Menecment red. // Bakı, Meqa Basım 2014. 2 cildə.
4. Mammadov 2013 – Mammadov V. Bioethics-Azerbaijan // Chapter in book: R.G.Beran (ed.), Legal and Forensic Medicine, Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2013, pp.1071-1115. DOI 10.1007/978-3-642-32338-6_44.
5. АиФ-Дагестан 2021 – В Дагестане с помощью дронов ищут канализационные стоки в Каспий // Аргументы и Факты. 12 октября 2021. URL:

https://dag.aif.ru/society/v_dagestane_s_pomoshchyu_dronov_ishchut_kanalizaci_onnye_stoki_v_kaspiyu

6. Алекперова 2020 – Алекперова Д. «Замминистра экологии: Экологическое состояние Каспия за последние 20 лет значительно изменилось» // Media.az. 11 август 2020. URL: <https://media.az/interview/1067786880/ekologicheskoe-sostoyanie-kaspiya-za-poslednie-20-let-znachitelno-izmenilos-intervyu-zamministra-ekologii/>
7. Алиев 2019 – Алиев Н. Военные возможности России на Каспии – взгляд из-за рубежа // «Каспийский Вестник». 1 марта 2019. URL: <http://casp-geo.ru/voennye-vozmozhnosti-rossii-na-kaspii-vzglyad-iz-za-rubezha/>
8. Алиев 2019 – Алиев Т. Не выдерживают и тюлени // Российская Газета - RG.ru. 9 апреля 2019. URL: <https://rg.ru/2019/04/09/reg-skfo/pochemu-kupatsia-v-kaspijskom-more-stalo-opasno-dlia-zhizni.html>
9. Всеобщая декларация – Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека // ООН. 19 октября 2005 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml
10. Дагестан ежегодно – Дагестан ежегодно сбрасывает в Каспий 850 млн кубометров сточных вод // ИА REGNUM. 14 июля 2020. URL: <https://regnum.ru/news/society/3009697.html>
11. Завьялова 2017 – Завьялова, Е. Б. Каспийская мечта и геополитическая реальность // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 1. №. 5. С. 41-48.
12. Конвенция 2018 – Конвенция о правовом статусе Каспийского моря // Администрация Президента России. 12 августа 2018. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5328>
13. Куртов 2012 – Куртов А. А. Проекты новых каналов: потенциал для сотрудничества или скрытая угроза интересам России? // Проблемы национальной стратегии. 2012. Т. 4. С. 71-90.
14. Мамедов 2013 – Мамедов В., Мустафаева А., Агакишиева Н. Актуальные биоэтические проблемы // “Bioetika, Tibbi Hüquq və Yeni Texnologiyalar”. Bakı. AMEA İnsan Hüquqları İnstitutu. “Elm və Təhsil” nəşriyyatı. 2013. с.165-186.
15. Мамедов 2014 – Мамедов В., Каландарли Н., Джафарова Л. О деятельности Фонда Гейдара Алиева в сферах развития биоэтики и защиты прав пациентов в Азербайджане // “Beynəlxalq hüquq və integrasiya problemləri” elmi-analitik və praktiki jurnal, No2 (38), 2014. Bakı Dövlət Universiteti, с. 219-231
16. Мамедов 2006 – Мамедов Р. Международно-правовой статус Каспийского моря: вчера, сегодня, завтра // Баку: Азернешр. 2006. С. 36-39.
17. Мехтиев 2019 – Мехтиев Э., Сеидова К. На пляжах Азербайджана содержание кишечной палочки в несколько раз превышает норму – минэкологии // TREND News Agency. 2 августа 2019. URL: <https://www.trend.az/azerbaijan/society/3099815.html>

18. МИД России 2021 – МИД России ожидает, что Иран скоро ратифицирует Конвенцию о статусе Каспийского моря // ТАСС. 8 апреля 2021. URL: <https://tass.ru/politika/11095005>
19. Названы основные 2020 – Названы основные причины загрязнения Каспия // Media.az. 3 сентября 2020. URL: <https://media.az/read/1067789699/>
20. Рамочная Конвенция 2016 – Рамочная Конвенция по защите морской среды Каспийского моря // Электронный Фонд правовых и нормативно-технических документов. Электронный текст документа подготовлен АО «Кодекс» и сверен по: Бюллетень международных договоров, N 11, ноябрь 2016 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420383107?section=text>
21. Мамедов Р. 2018 – Рустам Мамедов: Каспийская конвенция не нарушает интересы Азербайджана // Media.az Интервью Б.Сафаров. 9 август 2018. URL: <https://media.az/politics/1067710628/rustam-mamedov-kaspiyskaya-konvenciya-ne-narushaet-interesy-azerbaydzhana/>
22. Сразу четыре – Сразу четыре страны проведут военные учения на Каспии // Радио Sputnik. 31 августа 2021. URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20210831/ucheniya-1747976314.html>
23. Экологическая безопасность – Экологическая безопасность на Каспии // Морские вести России. 24 октября 2019. URL: <http://morvesti.ru/exclusive/81147/>

ПОЧВЕННЫЙ ПОКРОВ ДЕЛЬТЫ ВОЛГИ КАК ФАКТОР ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИКАСПИЯ

Федотова Анна Владиславовна
Астраханский государственный университет
E-mail: a.v.fedotova@gmail.com

Яковлева Людмила Вячеславовна
Астраханский государственный университет
E-mail: yakovleva_lyudmi@mail.ru

Аннотация: *В настоящей работе изложены результаты исследований почв и почвенного покрова в дельте Волги. Проведена оценка состояния и режимов почвенного покрова на фоне меняющихся гидрологических условий в связи с зарегулированием стока реки Волги и колебаниями уровня Каспийского моря. Установлена взаимозависимость состояния экосистем от гидрологического режима территории. Показано, что трансгрессии Каспия приводят к негативным процессам в почвах, что является фактором экологической, экономической и социальной нестабильности в регионе.*

Ключевые слова: почвенный покров, почвы, засоление, экологическая безопасность, уровень Каспия, деградация, свойства почвы, гидрологический режим

Экологическая безопасность (ЭБ) в широком смысле трактуется как процесс обеспечения качества жизни независимо от местоположения региона, деятельности и защищенности человека на данной территории и тесно коррелирует с социальной, экономической, технологической, информационной, продовольственной, культурной сферами.

Обеспечение ЭБ во многом определяет устойчивое развитие Каспийского макрорегиона. Экологическая обстановка Российской части Каспийского региона оценивается как напряженная и близкая к катастрофической. Состояние экосистем региона крайне неблагоприятное. Вследствие экстенсивного экономического развития прибрежных государств с акцентом на добычу нефти и газа, всевозможных современных социально-экономических проблем населения данных стран, а также независимых от влияния людей климатических и прочих природных изменений экологическое состояние Каспийского региона демонстрирует нарастающую тенденцию к ухудшению. В данном контексте именно почвы и почвенный покров и их трансформация под влиянием природных и антропогенных факторов являются одним из ключевых факторов протекающих изменений.

Интерес к почвам пойменных и дельтовых областей возник отнюдь не случайно. Эти территории традиционно интенсивно используются в сельском хозяйстве. Одной из таких территорий является дельта Волги, расположенная на юге-востоке Европейской части России - уникальное природное явление мирового масштаба.

Изучением свойств и режимов почв и почвенного покрова дельты Волги, а также вопросами их классификации занимались И.И. Плюснин [Плюснин 1937], В.А. Ковда [Ковда 1947], С.А. Владыченский [Владыченский 1958], Н.Н. Большев [Большев 1962], П.А. Летунов [Летунов 1992] и другие.

Основные ранее проведенные исследования касались северной и северо-западной части Прикаспийской низменности и прибрежной зоны Калмыкии [Геннадиев 1998]. Поэтому вызывает интерес оценка состояния почвенного покрова в разных частях дельты Волги в условиях меняющегося гидрологического режима.

Территория волжской дельты отличается сложной ландшафтно-геоморфологической структурой. Экологические режимы почв, определяющие состояние экосистем, в пределах дельтовых ландшафтов различны, что обусловлено наличием или отсутствием поверхностного затопления и его динамикой.

Специфический гидрологический режим территории осложняется важной особенностью исследуемого района – естественной склонностью соленакоплению и засолению [Глазовский 1987]. Процессы соленакопления являются неотъемлемой частью генезиса и эволюции пойменных и дельтовых ландшафтов. В.А. Ковда в своем труде «Происхождение и режим засоленных почв» [Ковда 1947, с. 47] указывал на ведущую роль воды в процессах

почвообразования дельтовых территорий. Движение влаги обуславливает пространственное распространение солей. Поэтому, любые, даже незначительные изменения водного режима в дельте Волги незамедлительно сказываются на солевом состоянии почвенного покрова.

Засоление относится к одному из самых распространенных видов деградации почв и провоцирует вывод значительных площадей земель из сельскохозяйственного использования.

Основным фактором, определяющим водный режим всей территории волжской дельты является уровень Каспия. За время существования Каспийского моря оно неоднократно переживало периоды, когда регрессии его уровня сменялись трансгрессиями [Шепель 1986].

Понижение уровня Каспийского моря сопровождается интенсивным развитием процессов засоления почв и опустынивания. Происходит смена растительности в сторону пустынных видов. Сельскохозяйственные угодья испытывают значительный дефицит влаги. Влажность почв находится на уровне гигроскопической.

Последний период повышения уровня Каспия совпал с окончательным зарегулированием стока реки Волги.

Свойства и режимы большинства геоморфологических элементов суши волжской дельты непосредственно связаны с влиянием на них паводковых и грунтовых вод. Так как большая часть исследуемого района характеризуется близкозалегающими грунтовыми водами (менее 3 м), то они непосредственно влияют на функционирование экосистем. Повышение уровня грунтовых вод сопровождается прогрессирующим заболачиванием, развитием процессов гидроморфизма и оглеения почв.

Подъем Каспийского моря подъема и подпор рек бассейна Каспийского моря привел к существенному увеличению площади переувлажненных почв, а также затоплению и подтоплению почв в результате непосредственного влияния. В тот период не затапливаемая площадь составляла всего около 10% и в основном в дельте за счет территории бугров Бэра. Под угрозой затопления оказались несколько районов Астраханской области, начался процесс минерализации водоемов, наблюдался переход растительности в сторону влаголюбивых видов.

Интерес вызывает оценка состояния почвенного покрова на фоне меняющихся гидрологических условий в связи с зарегулированием стока реки Волги и колебаниями уровня Каспийского моря и влияние негативных изменений на экологическую, экономическую и социальную стабильность в регионе.

Проведенные наблюдения за изменением почвенного и растительного покрова дельты Волги и поймы, включая засоление, позволили выявить участки, где происходящие изменения геоботанических ассоциаций и засоленности почв наиболее интенсивны, в том числе и в районах со значительно измененным гидрологическим и гидрохимическим режимом.

В качестве объектов исследования выбраны интенсивно эволюционирующие ландшафты бугров Бэра в восточной части дельты (ВД) и

районе западных подстепных ильменей (ЗПИ), контрастно различающиеся по геоморфологическим и гидрологическим условиям. Климатические условия Восточной и Западной дельты в целом характеризуются резким недостатком осадков, однако в восточной части испарение превышает количество выпадающих осадков в 5-6 раз, а в районе западных подстепных ильменей в 10 раз. Еще одним отличием является солевое состояние почвенного покрова. В районе ЗПИ сохранилось исходное засоление, в то время как в Восточной дельте (ВД) на солевое состояние значительное влияние оказали паводки и искусственно организуемые половодья, способствующие вымыванию солей из почвы.

Ключевой участок № 1 в Володарском районе Астраханской области характеризует восточную (так называемую бугровую) часть Центральной дельты, представляющую собой дельтовую равнину, осложненную бэровскими буграми. Эта часть дельты характеризуется сложным сочетанием разновозрастных и генетически разнородных элементов рельефа. И, прежде всего, здесь сохранилось большое количество бэровских бугров, сложенных позднихвалынскими отложениями. Абсолютные отметки на исследуемой территории от минус 24 до -16 м над уровнем моря. Участок включает территорию от вершины бугра Бэра под названием Большой Барфон до пресного водоема. Основными типами почв, представленными в данном ландшафте, являются зональные бурые полупустынные, торфяно-болотные глеевые и солончаки гидроморфные и оглеенные.

Ключевой участок № 2 в районе ЗПИ характеризует западную часть территории Астраханской области, являющуюся переходной от собственно дельты к Калмыцким степям. Участок так же представляет собой территорию между вершиной бугра Бэра и пресным водоемом. Перепад высот от водораздельного пространства до водоема составляет 7,5 м. Район ЗПИ характеризуется наличием озерных котловин, бугров Бэра, межбугровых равнин, частично отработанных новокаспийской трансгрессией моря. На формирование ландшафтов этого района оказали влияние периодические разливы Волги и специфические условия почвообразования.

Поставленная задача решалась с помощью полевых и лабораторных методов исследования почвенных трансект, заложенных по основным элементам рельефа изучаемых ландшафтов. Впервые для выбранных территорий использовался метод профильных исследований.

Были изучены структура почвенного покрова и основные почвенные свойства общепринятыми полевыми и лабораторными методами [Полевые... 2001].

Полевые исследования проводили с учетом вертикального сечения катен в ландшафте, что позволило сделать вывод о пространственно – динамической картине варьирования почвенных свойств.

Установлено, что почвенный покров исследуемых ландшафтов представлен структурой с резким переходом от незасоленных почв к сильнозасоленным и солончакам или зональным аридным почва, которые представлены на буграх Бэра.

Распределение растительных сообществ полностью соответствует комплексной структуре почвенного покрова, а также особенностями рельефа ландшафта.

Бурые аридные почвы бугра Бэра автоморфные тяжелосуглинистые засоленные. Профиль однородный, нет дифференциации на генетические горизонты. На данных местообитаниях поверхностные слои почвы вступили в стадию рассоления под воздействием климатических факторов.

В силу негативных физических свойств, на вершине и склонах бэровских бугров почва дефлирована под действием ветровой эрозии. В силу ветровой обстановки поверхностный слой развеивается на окружающие пространства, затем переносится дале, в результате чего образуются незакрепленные массивы песка и более мелких почвенных частиц, что является одним из причин возникновения пыльных бур, имеющих место в регионе.

Растительный покров представлен видами, приуроченными к засушливым местообитаниям пустынной зоны.

Околобугровое пространство представлено луговыми гидроморфными и дерново-луговыми солончаками тяжелого гранулометрического состава, где распространены солевыносливые виды. Особенностью профиля является слоистость аллювиального происхождения, признаки оглеения, наличие песчаных прослоек в и песчаной подстилающей породы. В данном случае наличие слоев различного гранулометрического состава может существенно влиять на формирование водного режима, увеличение длительности обводненности. На данных местообитаниях фактором, регулирующим состояние экосистем является как содержание солей, так и высокое сопротивление пенетрации.

В межбугровых понижениях локализованы гидроморфные торфяно-болотные глеевые почвы с преобладанием мезофильных видов растений, характеризуются оглеенностью почвенного профиля, отторфованностью, и высокой влажностью. Растительность представлена болотными видами. Грунтовые воды близко к поверхности (около 20 см).

Как и следовало ожидать, наибольшей вариабельностью в ландшафтах характеризуется величина влажности почвы. Отмечено увеличение содержания влаги с глубиной, понижением в рельефе и приближению к водоему (рис.1). Наименьшие значения влажности характерны для бурых аридных почв бугров Бэра (менее 5%).

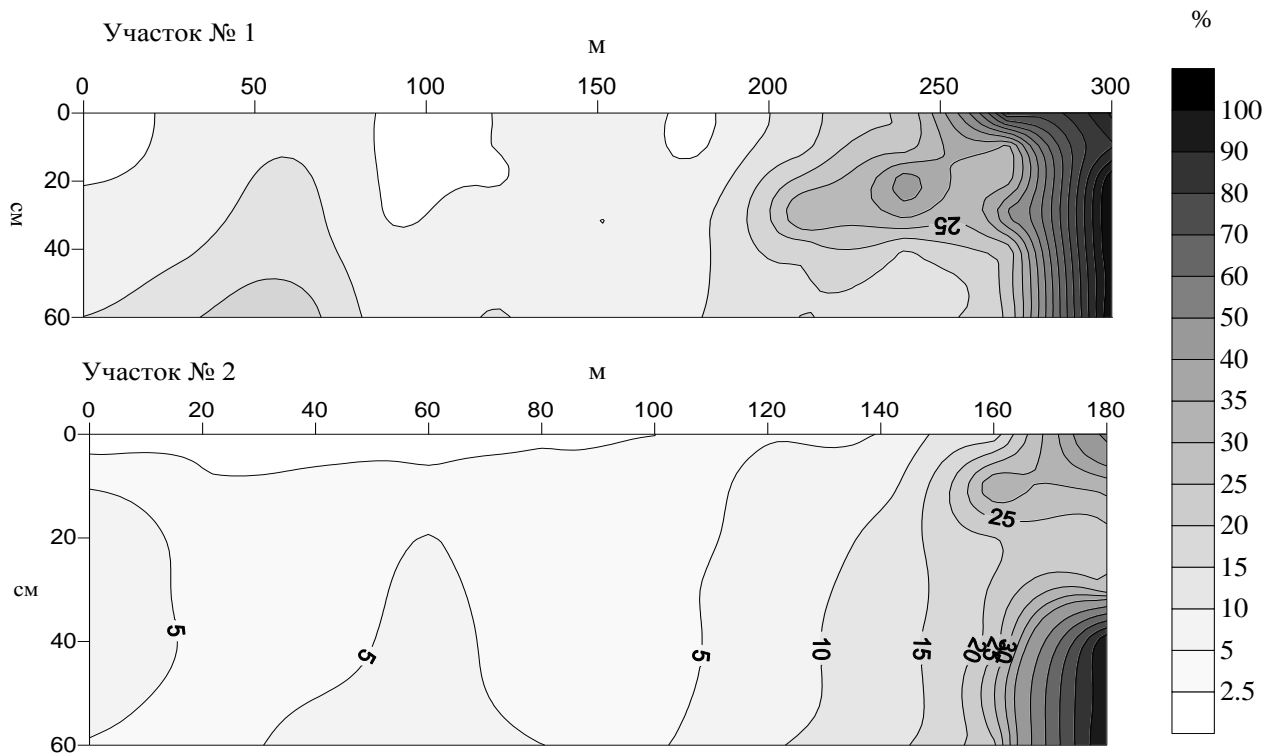

Рисунок 1. Изоплеты влажности по трансектам участков № 1 и 2

Результаты показали, что почвы в западной части дельты Волги меньше обеспечены влагой.

Водопрopusкная способность почв по профилю соответствует свойствам конкретной почвы. На рисунке 2 представлено изменение значения коэффициента фильтрации изученных типов почв.

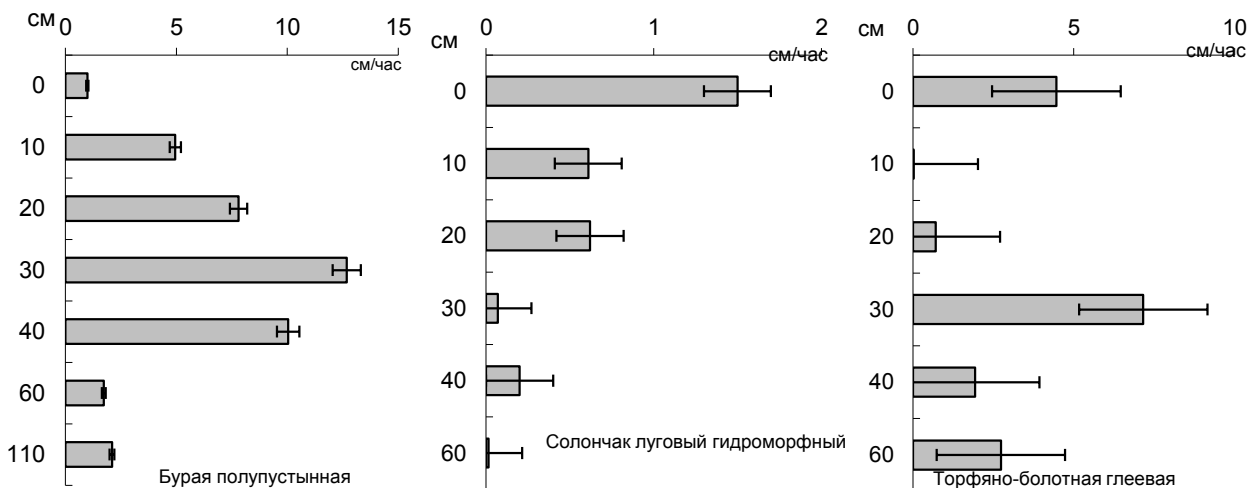

Рисунок 2. Коэффициенты фильтрации почв участка № 1

Установлено, фильтрационные свойства почв разной типовой принадлежности, значительно отличаются друг от друга.

Наилучшей водопропускной способностью характеризуется бурая аридная почва, однако на поверхности пропускная способность значительно ниже, что связано с иссушением, тяжелым гранулометрическим составом и бесструктурностью. Также отмечено падение водопроницаемости в местах локализации солей. (таблица 2). Поэтому для солончака изменение пропускной способности тесно коррелирует с распределением солей в профиле. Увеличение количества солей сопровождается падением фильтрационных свойств почвы. Значительным препятствием для прохождения влаги вниз по профилю является близкое залегание грунтовых вод и наличие капиллярного подпора. Здесь самые высокие фильтрационные величины соответствуют поверхности, чему способствует хорошо развитая корневая система луговых представителей флоры.

Самой низкой пропускной способностью обладают торфяно-болотные глеевые почвы, так как отторфованность обеспечивает высокую влагоемкость почвы. Большое количество остатков болотной растительности и гидрофильного органического вещества обеспечивают протекание процессов пептизации коллоидных частиц, в результате чего поры и ходы от корневищ рогоза и тростника сокращаются, и пропускная способность резко падает. Данный тип почв приурочен к понижениям и западинам и формируется при застойном водном режиме.

Результаты позволили предположить процесс функционирования почвенных комплексов и влияние их на состояние экосистем.

Повышение уровня грунтовых вод, в том числе во время весенне-летних половодий приводит к подъёму уровня воды во время паводка, особенно в межбугровых понижениях и затопленными оказываются близлежащие местообитания. Начинают формироваться почвы в условиях периодически застойного водного режима и интенсивный подъем солей к поверхности с капиллярными токами. После схода воды, переувлажненная почва находится под воздействием солнечных лучей и высоких температур воздуха, за счет чего влага из почвы начинает интенсивно испаряться и в почве аккумулируются соли. Эти процессы приводят к формированию луговых гидроморфных солончаков. При дальнейшем подъеме уровня воды в водотоках, в том числе в первую очередь за счет подъема уровня Каспия, увеличивается обводненность территории и солончаки подвергаются олуговению с соответствующей сменой растительности.

На фоне увеличения общей обводненности территории во время поднятия уровня Каспия доля периодически затапливаемых территорий возрастает и увеличивается доля заболоченных почв, перешедших в вышеуказанную категорию с соответствующим изменением растительности. При продолжительности этих процессов ареал затопления увеличивается, и подтопление начинает оказывать влияние на полугидроморфные и даже автоморфные почвы. Это приводит к увеличению интенсивности экологического прессинга на бугры Бэра через активную дегрессию пастбищ, так как на сухих буграх скапливаются огромные стада крупного и мелкого скота. Кроме того, сельскохозяйственные угодья, расположенные на равнинных

территориях и луговых местообитаниях оказываются затопленными или подтопленными, что приводит к сокращению урожайности и уменьшению пастбищ.

В случае понижения уровня Каспия в почвенном покрове наблюдаются обратные явления, сопровождающиеся началом нового эволюционного этапа для различных типов почв. В этом случае происходит обратный переход заболоченных почв к луговым гидроморфным солончакам, а полугидроморфных почв к автоморфным. Все это сопровождается интенсивными негативными процессами опустынивания, деградации почв в виде засоления и уменьшения влагообеспеченности.

Таким образом, состояние экосистем волжской дельты определяет гидрологический режим территории, формирующийся в тесной зависимости от уровня Каспийского моря. Периоды критического повышения и понижения уровня Каспия сопровождаются ухудшением состояния сельскохозяйственных угодий, потерей пастбищных местообитаний, выводом земель из сельскохозяйственного использования, биоразнообразия ихтиофауны, что незамедлительно сказывается на экономике региона, нарастании социальной напряженности и повышении экологической напряженности.

Литература

1. Большев 1962 – Большев Н.Н. Почвы / Природа и сельское хозяйство Волго-Ахтубинской долины и дельты Волги. М.: Изд-во МГУ, 1962. С.57-117.
2. Владыченский 1958 – Владыченский С.А. Водно-физические свойства почв Волго-Ахтубинской поймы и волжской дельты и их изменения в зависимости от почвообразовательного процесса / Почвенно-мелиоративные исследования Волго-Ахтубинской поймы и дельты Волги. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. С. 96-162.
3. Геннадиев, Касимов, Голованов и др. 1998 – Геннадиев А.Н., Касимов Н.С., Голованов Д.Л. и др. Эволюция почв прибрежной зоны при быстром изменении уровня Каспийского моря // Почвоведение. 1998. №9. С. 1029-1037.
4. Глазовский 1987 – Глазовский Н.Ф. Современное соленакопление в аридных областях. М.: Наука, 1987.176с
5. Качинский 1945 – Качинский Н.А. Новое в теории о водонепроницаемых почвенно-грунтовых экранах // Почвоведение. 1945. № 5-6.
6. Ковда 1947 – Ковда В.А. Происхождение и режим засоленных почв. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т.2. 375 с.
7. Лебедев А.Ф. О слоистом торфяно-песчаном экране в песчаных дамбах и плотинах. Зап. гос. гидрологич. ин-та, т.Х. 1933.
8. Летунов 1992 – Летунов П.А. Почвы Волго-Ахтубинской поймы и дельты Волги / Памяти акад. Вильямса. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1992. С. 433-481.
9. Плюснин 1938 – Плюснин И.И. Почвы Волго-Ахтубинской поймы: к познанию аллювия и аллювиальных почв. Сталинград: Областное

книгоиздательство, 1938. 275с

10. Шейн 2001 – Полевые и лабораторные методы исследования почв / Под ред. Е.В. Шеина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. 198 с
11. Шеппель 1986 – Шеппель П.А. Паводок и пойма. Волгоград: Ниж.-Волж. Кн. Изд-во, 1986. 240 с.

НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Ажмухамедов Искандар Маратович
Астраханский государственный университет
E-mail: iskander_agm@mail.ru

Веснинцева Анастасия Алексеевна
Астраханский государственный университет
E-mail: an_vesnaa@mail.ru

Аннотация: Одним из наиболее опасных проявлений процесса распространения деструктивной информации в сети Интернет является продвижение по Всемирной сети идеологии экстремизма. В статье рассматриваются особенности распространения материалов экстремистского характера в сети Интернет. Дано юридическое определение понятия «экстремизм». Приведены примеры деструктивного контента. Описаны основные направления и способы противодействия данному явлению. Сделан вывод о том, что наряду с законодательными инициативами, программно-аппаратными средствами и т.п. эффективным способом борьбы с распространением идеологии экстремизма может служить работа добровольных волонтерских молодежных организаций, так называемых интернет-дружин или киберпатрулей.

Ключевые слова: экстремизм, деструктивная информация, Интернет, киберпатруль, социальные сети, цифровая гигиена, информационный иммунитет.

Повсеместное распространение сети Интернет и ее внедрения во все стороны человеческой деятельности привело не только к полному пересмотру бизнес-процессов, процессов личностного развития людей, но и изменило структуру и содержание межличностных контактов, способы получения и потребления информации, которые, к сожалению, не всегда носят конструктивный, позитивный характер [Чусавитина 2014]. Одним из наиболее опасных проявлений процесса распространения деструктивной информации в сети Интернет является продвижение по Всемирной сети идеологии экстремизма.

Экстремизм как явление имеет досрочно давнюю историю. Юридическое определение понятию экстремизма в современном российском законодательстве было дано в 2002 году при принятии Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». Согласно этому закону, экстремистская деятельность – это деятельность, направленная на насильственное нарушение целостности Российской Федерации, создание незаконных вооруженных формирований, осуществление террористической деятельности. Таким образом, к экстремистским принято относить радикальные общественные движения, призывающие к осуществлению террористической деятельности, возбуждению социальной, расовой, национальной или религиозной розни [Федеральный закон...].

Последнее изменение в данное понятие было внесено Федеральным законом от 1 июля 2021 г. N 280-ФЗ «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». На основании данного закона к экстремистским материалам также отнесены «труды руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, выступления, изображения руководителей групп, организаций или движений, признанных преступными в соответствии с приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнбергского трибунала), выступления, изображения руководителей организаций, сотрудничавших с указанными группами, организациями или движениями, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы» [Федеральный закон...].

Рассмотрим данный вопрос в рамках обыденного сознания. Следуя точке зрения видного российского ученого С.Г. Кара-Мурзы примем, как постулат, что в любой социальной системе допускаются лишь такие установления, которые соответствуют требованию выживания и воспроизводства системы [Кара-Мурза 2005].

Как справедливо заметил С.Г. Кара-Мурза, любая сложная система воспроизводится только в том случае, если имеет надежную защиту своей информационной подсистемы. Биологическая клетка имеет специальные структуры, защищающие от проникновения сигналов, нарушающих программу ее деятельности (например, РНК вирусов). Теплокровный организм обладает большой системой иммунитета, которая разрушает проникшие через внешние барьеры информационные агенты (антигены).

Напротив, системы-враги (конкуренты, паразиты и т.д.) применяют информационные воздействия в борьбе за использование чужих ресурсов. «Информационную войну» против своих биологических противников ведет и человек, внедряясь в их информационные системы и посылая в них ложные сообщения.

Информационная война в разных ее проявлениях является неотъемлемой частью жизнедеятельности общества, важным средством достижения целей в конфликтах.

Частные социальные системы тратят большую долю усилий для защиты своих информационных подсистем от чужих сигналов. Известны, например, количественные оценки потерь от информационных преступлений мировой банковской системы. Свою информационную систему жестко охраняют также все мировые религии.

Поэтому, можно считать очевидным, что конкретные социальные системы способны выживать и воспроизводиться как таковые лишь при условии цензуры, контролирующей вход и циркуляцию сигналов (сообщений) по их информационным системам.

Современные масс-медиа открыли новые возможности воздействия, что позволило перенести их с позиций чисто описательных на позиции, которые формируют ситуацию. Таким образом, информационная составляющая, влияя на общественное мнение, уже формирует процессы принятия решений.

Противодействие насаждению экстремистской идеологии в общественном сознании является весьма актуальной задачей. Особое значение решение данной проблемы приобретает в регионах, являющихся многонациональными, поликонфессиональными, граничащими с другими государствами, которые, возможно, проводят иную идеологию и пропагандируют иные общественные ценности [Протасевич 2019]. Ярким примером такого региона является Астраханская область – форпост Российской Федерации в Прикаспийском регионе. Астраханская область – один из наиболее многонациональных регионов в РФ. Здесь проживают представители 147 национальностей, такие как русские, казахи, татары, ногайцы, калмыки и т.д. Конфессиональный состав региона представлен 30 религиозными движениями и объединениями [Астрахань]. Таким образом, Астраханская область является весьма привлекательной площадкой для желающих разжечь национальную или религиозную вражду и неприятие между людьми, населяющими данную территорию.

Для эффективной борьбы с данным явлением необходимо рассмотреть специфику сети Интернет как канала распространения деструктивной информации. При этом необходимо отметить следующие особенности:

- распространяющаяся через Интернет информация доступна значительному (практически неограниченному) кругу лиц, то есть использование информационно-коммуникационных технологий обеспечивает широкий охват целевой аудитории;

- необходимый контент часто доводится не только в виде текстовой информации, но и с использованием различных мультимедийных технологий. Тем самым обеспечивается комплексное, глубокое воздействие на различные стороны психологического восприятия контента пользователем;

- в большинстве случаев контент легко адаптируется под профиль конкретного пользователя, сведения о котором собираются, например, в социальных сетях [Малакаев 2018, Степаненко, Мушинский 2019].

Рассмотрим несколько примеров, иллюстрирующих перечисленные особенности.

Пример №1. Группа в социальной сети «ВКонтакте» под названием «Оправданный терроризм» (рисунок 1 – слева). Группа не является закрытой, поэтому доступ к данному контенту является свободным. На одной из записей сообщества имеется запись «Стань машиной для террора» (рисунок 1 – справа). Данный пост можно расценить как «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма» (статья 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации). Также на рисунках, размещенных в группе, имеется нацистская символика, что подпадает под действие статьи 354.1 УК РФ («Реабилитация нацизма»). Кроме того, в вышеупомянутой группе размещено несколько постов, разжигающих национальную рознь и попадающих под диспозицию статьи 282 УК РФ «Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды».

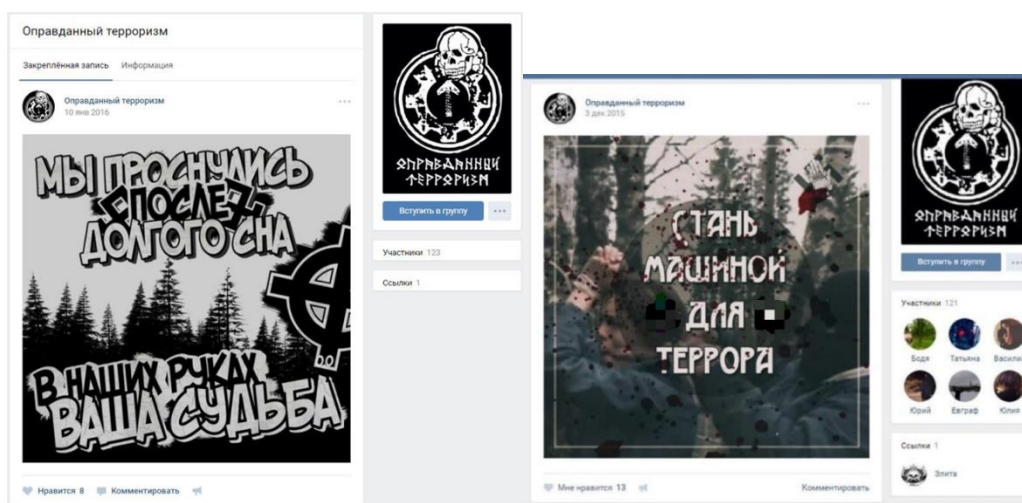

Рисунок 1. Примеры деструктивного контента в социальной сети

Пример №2. Наряду с группами в социальных сетях, в сети Интернет встречается достаточно большое количество сайтов с информацией, запрещенной к распространению согласно Федеральному списку экстремистских материалов (ФСЭМ). Примером таких сайтов является сайт, скриншоты которых приведены на рисунок 2. На нем представлен скриншот сайта, на котором имеются ссылки на песни группы «Циклон Б». Данные произведения упомянуты в ФСЭМ в пунктах 103-114. Таким образом, в данном случае экстремистский контент имеет форму музыкального произведения.

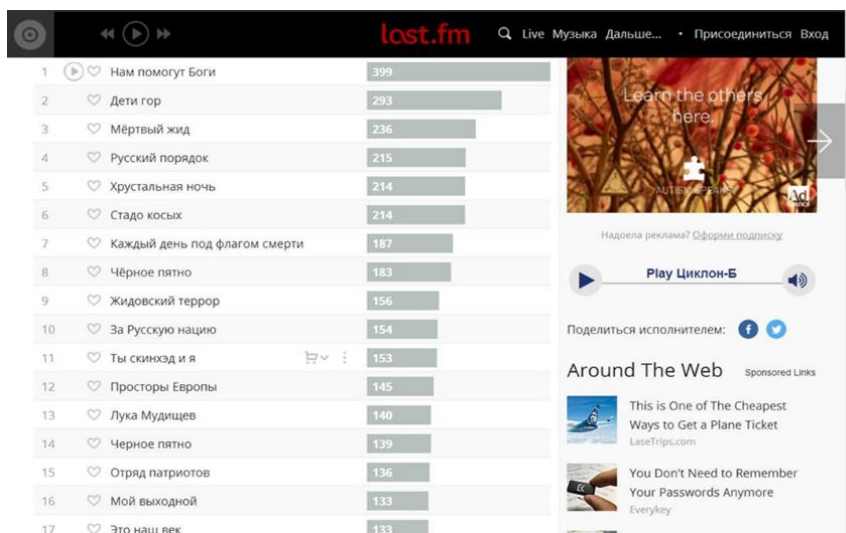

Рисунок 2. Пример деструктивной информации в формате аудиофайлов

Пример, иллюстрирующий третью из упомянутых особенностей (адаптация контента под психологический портрет пользователя), приведен в монографии Л.В. Ярмоленко и соавторов «Механизм рекрутирования молодёжи в экстремизм» [Ярмоленко и др. 2016]. По мнению авторов, Интернет стал ресурсом, с помощью которого лидеры запрещенных группировок вовлекают далеких от политики граждан к действиям экстремистской направленности и террористического характера.

По данным Министерства внутренних дел, в 2020 году число преступлений экстремистской направленности выросло на 42,4 %, а количество преступлений террористического характера увеличилось на 29,7 % по сравнению с 2019 годом (рисунок 3) [Данные МВД...].

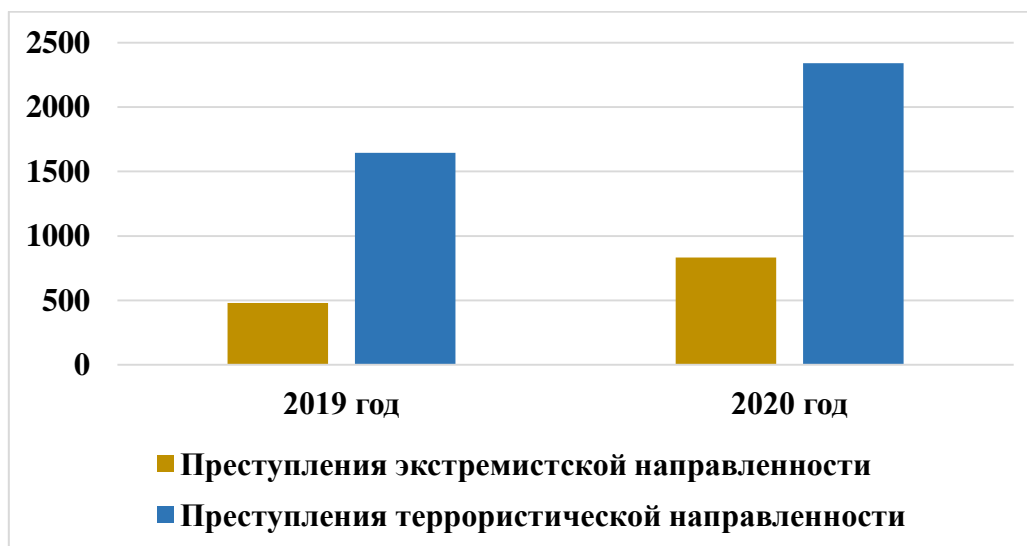

Рисунок 3. Статистика преступлений экстремистской и террористической направленности

При этом большая их часть совершается лицами в возрасте до 30 лет. В процессе вербовки контент подбирается под каждого индивидуально с целью

разжигания у потенциального последователя различных эмоций, побуждающих к противоправным действиям [Осипов 2021].

Например, личность, имеющая религиозные убеждения, подвергается психологической обработке, в результате которой адепт должен с точки зрения кураторов осознать выполнения террористического деяния, как свой религиозный долг (поступок «во имя веры»). Если у адепта имеются конфликты с близкими, со своим окружением, то в качестве мотива совершения приступного действия выбирается месть и т.д.

Таким образом, Всемирная паутина как канал распространения идеологии экстремизма обладает специфическими особенностями. Их необходимо учитывать при планировании и организации мер по противодействию распространению такой информации. Особенно актуально данная работа в молодежной среде. Можно выделить следующие основные направления противодействия идеологии экстремизма и терроризма в обществе:

- формирование правовой культуры среди населения, в том числе путем проведения комплексных мероприятий, круглых столов, интернет-конференций среди молодежной аудитории с целью разъяснения особенностей правоприменения законодательства в области противодействия таким явлениям как экстремизм и терроризм;

- совершенствование нормативно-правовой базы борьбы с указанными явлениями;

- воспитание толерантного мировоззрения, терпимого отношения к людям, вне зависимости от их национальности, социального, материального положения, религии и иных факторов;

- создание эффективной системы общественного мониторинга попыток распространения деструктивной информации на основе добровольного сотрудничества населения с правоохранительными органами.

В свете вышесказанного наряду с законодательными инициативами, программно-аппаратными средствами и т.п. эффективным способом борьбы с распространением идеологии экстремизма может служить работа добровольных волонтерских молодежных организаций, так называемых интернет-дружин или киберпатрулей.

Одно из таких объединений создано и успешно функционирует на базе факультета цифровых технологий и кибербезопасности ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет» с 2015 года. Приведенные выше примеры деструктивного контента были выявлены в результате деятельности указанного волонтерского движения. Члены киберпатруля, кроме мониторинга различных площадок сети Интернет с целью выявления контента содержащего деструктивную информацию, также проводят активную просветительскую работу в молодежной среде г. Астрахани и Астраханской области (школах, колледжах, вузах). Такая деятельность не только помогает удалить деструктивные материалы из публичного доступа, но и вырабатывает у участников волонтерского движения информационный «иммунитет», стойкое неприятие к проявлениям экстремизма (рисунки 4).

Рисунок 4. Выработка информационного «иммунитета»

Экстремизм дестабилизирует, *разрушает* сложившиеся в обществе отношения, ценности и конституционное устройство страны в целом. Если не оказывать противодействие данному явлению на начальных стадиях, то это может привести к террористическим действиям. Поэтому для борьбы с экстремизмом недостаточно работы только правоохранительных органов, необходим комплексный подход и эффективная государственная политика в данном направлении.

Литература

1. Астрахань – Астрахань // Википедия URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Астрахань>.
2. Данные МВД... – Данные МВД и ВС: в 2020 году число зарегистрированных «экстремистских» преступлений выросло, число приговоров сократилось // Информационно-аналитический центр «СОВА» URL:<https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2021/02/d43634/>
3. Кара-Мурза 2005 – Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Изд-во: Эксмо, 2005. 832 с.
4. Малакаев 2018 – Малакаев О. С. Экстремизм в социальных сетях // Вестник ИКИАТ. 2018. №2 (37). С. 83-86.
5. Осипов 2021 – Осипов А. П. Противодействие терроризму и экстремизму // Закон и право. 2021. №2. С. 89-91.
6. Протасевич 2019 – Протасевич А. А. О противодействии экстремизму в современном мире // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т.13. №1. С. 172-176.

7. Степаненко, Мушинский 2019 – Степаненко Д. А., Мушинский М. А. Эффективность противодействия экстремизму // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. №5. С. 803-815.
8. Федеральный закон... – Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями).
9. Чусавитина 2014 – Чусавитина Г.Н. Информационная безопасность и вопросы профилактики кибер-экстремизма среди молодежи. М.: ФЛИНТА, 2014. 161 с.
10. Ярмоленко и др. 2016 – Ярмоленко Л. В., Киселева Е. Е., Зубова О. Г., Бочарникова И. С., Миронова Ю. Г. Механизм рекрутирования молодёжи в экстремизм: монография / Под общей ред. Л. В. Ярмоленко. Астрахань: Издатель: Сорокин Р. В., 2016. 310 с.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПРИМОРСКОГО РЕГИОНА: БЮДЖЕТНАЯ ПОДГОТОВКА КАДРОВ В СЕВАСТОПОЛЕ

Кондрашихин Андрей Борисович
Академия труда и социальных отношений
E-mail: kondrashihin.asi@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены задачи совершенствования комплексной безопасности в информационной сфере для приморских регионов с позиций кадрового обеспечения на бюджетном финансировании. Анализируемые данные несут особую актуальность, имеют свои особенности и могут изучаться в открытом доступе. Комплексность обслуживания информационных задач обусловлена множественностью трактовок базового термина и обширностью методологического инструментария вокруг задач исследования, анализа, обработки, хранения, преобразования, передачи, утилизации информации и создаваемых на её основе продуктов. Отмечено, что для Севастополя задачи сохранения информации являются традиционными в силу его геополитического положения и природно-географических характеристик. Изменение материального базиса производства и соответствующей ему системы производственных отношений привели к появлению новых режимов доступа к информации. Наряду с государственной тайной и традиционными грифами «Секретно», «Для служебного пользования» вокруг финансовых активов негосударственных корпоративных структур сформировались специфичные виды информационного продукта: коммерческая, конфиденциальная, инсайдерская информации. Появился раздел «Персональные данные» как особая часть информационного пространства общества. Выполнена ретроспектива трансформации трудовой функции информационной защиты, кадровой подготовки, существования тренинговых агентств, школ; использования навыки военнослужащих армии и Черноморского флота, спецподразделений. Подготовка кадров высшей квалификации (доктора и кандидаты наук) проходила в подразделениях Высшей аттестационной комиссии. Проанализирована вузовская подготовка кадров на бюджетной основе, действие профильной выпускающей кафедры «Информационная безопасность» в гражданском вузе по уровням подготовки бакалавриата, магистратуры,

специалитета. Отмечена внебюджетная подготовка аналогичного направления в военном вузе Севастополя. Выделены перспективы дальнейшего увеличения бюджетного финансирования для укрепления материально-технической базы, других образовательных организаций, повышение квалификации работников, занятых в системе безопасного функционирования производительных сил региона.

Ключевые слова: информация; безопасность; приморский регион; кадровая подготовка; Севастополь; бюджетное финансирование; кафедра.

Информация с обслуживающей её инфраструктурой становятся важнейшим элементом системы производительных сил (ПС) на постсоветском пространстве [Доронина 2015, с. 25] и фактором устойчивости региональных хозяйственных комплексов [Девицына 2018, с. 9]. Быстрое развитие материально-технической базы генерации и распространения информационных продуктов перевели работу с ними в разряд профессиональной деятельности человека [Гончаренко 2012, с. 97] с соответствующим нормативно-правовым, финансовым, кадровым сопровождением [Дегтярев 2015, с. 12]. Задачи совершенствования комплексной безопасности в информационной сфере для приморских регионов [Романова 2015, с. 267] несут особую актуальность [Ожиганова 2012, с. 184], имеют свои особенности [Черничкин 2019, с. 234] и могут анализироваться в открытом доступе [Sapozhnikov et all 2018].

Информация как категория и предмет исследования различных отраслей науки приобрела обособленный статус для систем ПС на рубеже тысячелетий [Кондрашихин 2021, с. 585], что обусловило значительный рост числа диссертационных исследований, связанных с этой категорией человеческого знания [Кротов 2016, с. 40]. Комплексность обслуживания информационных задач [Шумейко 2016, с. 200] обусловлена множественностью трактовок базового термина и обширностью методологического инструментария вокруг проблематики исследования, анализа, обработки, хранения, преобразования, передачи, утилизации информации и создаваемых на её основе продуктов [Костюков 2015, с. 26]. Одновременно вопросы информационной безопасности также получали многообразную классификацию и группировки в зависимости от параметров исследования, а вовлечение человеческого капитала в разнообразные конфигурации информационной работы выполнялось на основе теории, практики, нормативных требований и фактических результатов в информационной сфере бытия [Чернявская, Третьякова 2016, с. 55].

Для города Севастополя задачи сохранения информации являются традиционными в силу его особого геополитического положения и природно-географических характеристик. Город живёт и развивается в акватории Черноморского региона, в новейших геополитических условиях рассматривается частью Большого Средиземноморья. Вопросы комплексной безопасности изучаются в контексте единой государственной политики, на единой методологической базе, с использованием опыта безопасного функционирования иных приморских регионов и стратегических задач. Традиционно городская община отличается высоким инновационно-

интеллектуальным потенциалом. Уровень кадровой подготовки в информационной сфере поддерживается преимущественно собственной образовательной инфраструктурой, частично – внешними интервенциями (удалённые методы повышения квалификации и получения образования, трудовая миграция преподавательских рабочих кадров, новейшие дистанционные образовательные технологии etc.).

Существовавшая в советский период система информационной безопасности охватывала практически все сферы бытия горожан, приучала жителей к умению беречь государственные и иные секреты, реагировать на внешние попытки вторжения в информационное пространство, нести ответственность за информационные кризисы, быть внимательными и бдительными в повседневности. Наряду с соединениями и частями Советской Армии, Черноморского флота (ЧФ) на территории города базировались подразделения пограничной службы СССР, профессионально обеспечивавшие безопасность границ, включая информационную компоненту. Их территориальная локализация оптимально отвечала требованиям государственной безопасности, отсутствие института частной собственности позволяло беспрепятственно и в короткие сроки решать вопросы размещения объектов инфраструктуры и подразделений. Севастополь по праву считается своеобразным форпостом Родины на южных, юго-западных рубежах.

Повторявшиеся в советский период внешние геополитические вызовы вынуждали руководства государства, флота и города постоянно совершенствовать сферу безопасности в Черноморском регионе, в том числе кадровым подкреплением. Налаженная идейно-патриотическая работа, деятельность профильных кафедр в городских вузах и университетах марксизма-ленинизма, политические информации, иные информационные действия способствовали укреплению сферы информации и безопасного обращения с ней. Соответственно эпохе подбирались инструменты общественного воздействия и организация информационной сферы жизни. Так, в городском Телефонном справочнике 1974 г. [Телефоны 1974] из множества подразделений, отвечавших за безопасность и неприкосновенность рубежей государства, можно обнаружить лишь несколько ссылок на специализированные службы, выполнявшие роль окон взаимодействия с гражданским населением (front-office в современном рыночном восприятии).

Начавшиеся экономические трансформации на постсоветском пространстве видоизменили не только структуру и содержание материального базиса ПС, но привели и к существенным изменениям всей надстроечной структуры нематериальной природы, включая связанные с оборотом информации элементы, звенья, инфраструктуру. В этом смысле особую ценность приобретает обмен опытом информационного строительства, добываемый в регионах, сходных по геополитике и решаемым задачам, в первую очередь, приморских. Базирование флота и его «вrostание» в городскую инфраструктуру, социально-экономическую систему городов, повседневность граждан обуславливает специфику информационной безопасности как комплексной задачи, в том числе кадровых задач.

По мере приватизации имущества государственных предприятий часть работников информационной сферы перемещалась в штатные подразделения частных хозяйствующих субъектов, создаваемых на их материальной базе, выполняя функции информационной безопасности уже под уставные требования рыночных образований. Зачастую выполнение трудовой функции информационной защиты возлагалось на лиц, ответственных за комплексную безопасность предприятия. Кадровую подготовку осуществляли тренинговые агентства, школы; использовались навыки военнослужащих армии и ЧФ, спецподразделений, которые стали создаваться в бывших союзных республиках. Подготовка кадров высшей квалификации (доктора и кандидаты наук) проходила в подразделениях Высшей аттестационной комиссии (ВАК). Для защиты информации большую роль сыграл технический прогресс и радиоэлектронные средства снятия (фиксации) информации, распространение которых в широкой практике негласного мониторинга стимулировало квалификационный рост как специалистов в сфере информационной защиты, так и граждан-пользователей, потенциальных объектов информационного мониторинга.

Изменение материального базиса производства и соответствующей ему системы производственных отношений привели к появлению новых режимов доступа к информации. Наряду с государственной тайной и традиционными грифами «Секретно», «Для служебного пользования» вокруг финансовых активов негосударственных корпоративных структур сформировались специфичные виды информационного продукта: коммерческая, конфиденциальная, инсайдерская информации, другие. Появился раздел «Персональные данные» как особая часть информационного пространства общества. Пределы, формы, материальные воплощения каждого из специфических видов информации постепенно вырисовывались, закреплялись в нормативно-правовых актах, внедрялись в практику технологического оборота информации, получали судебную оценку.

Началась подготовка кадров в вузах Севастополя. Так, было внедрено направление подготовки «Административный менеджмент в сфере защиты информации с ограниченным доступом» в университете – предшественнике создания ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» (СевГУ). Это потребовало определённого переформатирования профессорско-преподавательских кадров (главным образом, за счёт интеллектуального и производственного вклада местных специалистов в сфере защиты информации). На постсоветском пространстве стали защищаться докторские и кандидатские диссертации в отрасли технических наук (шифр специальности ВАК 05.00.00), юридических наук (12.07.00), экономических наук (08.00.00 – экономическая безопасность) и других.

Сегодня в едином гражданском вузе Севастополя СевГУ действует профильная выпускающая кафедра «Информационная безопасность», ответственная за подготовку и выпуск специалистов уровней бакалавриата (шифр 10.03.01), магистратуры (10.04.01), специалитета (10.05.01) [Севастопольский...]. В 2021 г. для поступления абитуриентам было

предложено 80 мест (10.03.01), в том числе 60 – на бюджетной основе (из них 6 – особая квота), что составило 3,35% объёма бюджетного заказа вуза для бакалавриата (2,93% годового бюджетного заказа для вузов Севастополя по соответствующему уровню подготовки). Коммерческая стоимость ежегодного обучения предложена в сумме 114,0 тыс. руб. Обучение организовано в очной форме. Выпускающая кафедра расположена в здании кадетского корпуса постройки начала XX века, в живописном месте города возле береговой черты. На территории кампуса расположено студенческое общежитие, созданы иные условия для подготовки кадров для безопасности в информационной сфере.

Одновременно размещён государственный заказ на подготовку в магистратуре (10.04.01) – 14 мест (очная, очно-заочная формы), что составляет 4,08% общеузовского заказа в магистратуру (совпадает с сопоставлением к общегородскому магистерскому гос. заказу). Стоимость коммерческой магистратуры по этому направлению подготовки установлена в размере 121,0 тыс. руб. за год (52,0 – для очно-заочной формы), а общее число коммерческих мест магистратуры – 40. Также для образовательного уровня специалитет (10.05.01) предложено 25 коммерческих мест очной формы с размером ежегодной оплаты в 114,0 тыс. руб. Таким образом, общее число мест для подготовки лиц с высшим образованием по информационной безопасности в СевГУ оценивается в 159 ед., из них на бюджетной основе – 74 (абсолютная совокупная бюджетная обеспеченность) или 3,48% от объёма бюджетных мест в целом по вузу (относительная совокупная бюджетная обеспеченность). По итогам вступительной кампании состоялось зачисление, государственный бюджетный заказ выполнен, обуславливая устойчивость кадровой подготовки и функционирования систем информационной безопасности для Севастополя.

Судя по информации, размещённой на сайте образовательной организации, кафедра располагает необходимой материальной, учебно-методической базой для качественной подготовки кадров и выполнения бюджетного заказа. Анализ персональных данных, размещённых в открытом доступе, позволяет оценить потенциал профессорско-преподавательского состава кафедры по количественным параметрам. Всего подготовку специалистов на кафедре выполняет 21 научно-педагогический работник (НПР) [Севастопольский...]. Из них на должности профессора – 2 лица, доцента – 8, старшего преподавателя – 5, преподавателя – 2, ассистента – 3. Одно должностное лицо выполняет трудовую функцию заведывания кафедрой. Бюджетное обеспечение на текущий год составляет около 3,5 мест на одного НПР (из расчёта объёма финансирования одного вступительного года). Долевое участие НПР кафедры в общем объёме работников образовательной организации составляет 1,34%, что в обратном соотношении с относительной бюджетной обеспеченностью даёт превышение с коэффициентом 2,60, соответствуя важности задач кадровой подготовки специалистов информационной безопасности на бюджетной основе.

Девять сотрудников (42,86% от опубликованного в открытом доступе штатного состава), занятые подготовкой студентов, имеют учёные (научные) степени:

- доктор физико-математических наук – 1;
- доктор технических наук – 1;
- кандидат физико-математических наук – 1;
- кандидат технических наук – 5;
- кандидат юридических наук – 1.

Учёное звание профессора согласно тем же данным имеет 1 должностное лицо (4,76% от целочисленного состава кафедры), доцента – 6 (28,57% штатного состава кафедры). Отражённый в открытом доступе профессиональный стаж (стаж работы по специальности) колеблется в промежутках от 0,2 до 37 лет, а усреднённый стаж НПР кафедры в пересчёте на одного работника составляет 13,5 лет, отвечая задачам устойчивой подготовки кадров для информационных систем. Анализ открытых баз данных позволяет обнаружить не менее трёх ссылок на диссертационные работы НПР кафедры, что отражает в целом тренды информационной безопасности.

Гражданский факультет Черноморского высшего военно-морского училища имени П.С. Нахимова (ЧВВМУ) предлагает абитуриентам направление подготовки «Информационная безопасность телекоммуникационных систем» на коммерческой основе [Черноморское высшее...]. Специализированная кафедра «Электроники и информационной безопасности» имеет укомплектованный штатный состав из 15 лиц, аккредитацию, материально-техническую базу и методическое сопровождение для качественной кадровой подготовки выпускников в этой сфере. НПР кафедры распределены по трудовым функциям: заведующего кафедрой – 1 лицо; профессора – 1; доцента – 6; старшего преподавателя – 7. Учёное звание профессора имеют 2 работника, доцента – 4. Научные разработки и диссертационные исследования сотрудников кафедры сосредоточены в отрасли технических наук (шифр ВАК 05.00.00), при этом учёная степень доктора наук отражена за одним лицом, кандидата наук – у шести специалистов. В открытом доступе удаётся обнаружить ссылки не менее двух диссертаций, что соответствует принятому режиму информационной безопасности.

Трудоустройство выпускников осуществляют Федеральные службы безопасности, технического и экспортного контроля, судебных приставов, налоговой службы, Центробанк России, подразделения ЧФ, негосударственные субъекты хозяйствования, Министерство внутренних дел. Знания и навыки безопасного обращения с информационными продуктами позволяют специалистам решать задачи обслуживания комплексной безопасности в приморском регионе и за его пределами. Дальнейшее увеличение бюджетного финансирования можно направить на укрепление материально-технической базы кафедр, других образовательных организаций в этой сфере, повышение квалификации работников, занятых в системе безопасного функционирования производительных сил региона.

Литература

1. Гончаренко 2012 – Гончаренко Ю.Ю. Структура контура управления информационной безопасностью предприятия // Экономика и управление. 2012. № 5. С. 97-101.
2. Девицына 2018 – Девицына С. Н. Информационная безопасность: рабочая программа дисциплины. Севастополь: ФГАОУ ВО "Севастопольский государственный университет", 2018. 22 с.
3. Дегтярев 2015 – Дегтярев А.Н. Ортогонализация функций и повышение помехоустойчивости высокоскоростных систем передачи информации. М.: Вузовский учебник, 2015. 152 с.
4. Доронина 2015 – Доронина Ю. В. Реинжиниринг информационных систем. М.: ООО "Издательство "Спутник+", 2015. 170 с.
5. Кондрашихин 2021 – Кондрашихин А. Б. Научный потенциал города: методология исследования в открытом доступе // Экономика и предпринимательство. 2021. №1(126). С. 585-591. DOI 10.34925/EIP.2021.126.01.112.
6. Костюков 2015 – Костюков А. Д. Конфликт поколений / Чтения молодых ученых: Материалы международной научно-практической конференции (Пятигорск, 27 марта 2015 года). Пятигорск: Северокавказское издательство МИЛ, 2015. С. 25-30.
7. Кротов 2016 – Кротов К. В. Градиентный метод формирования динамических расписаний обработки данных в конвейерной системе при различных моментах времени их поступления // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Информационные технологии. 2016. Т. 14. № 1. С. 39-60.
8. Ожиганова 2012 – Ожиганова М. И. Классификация систем экологического мониторинга как информационных средств предотвращения чрезвычайных ситуаций // Системы контроля окружающей среды. 2012. № 18. С. 184-187.
9. Романова 2015 – Романова А. П. Специфика межкультурных коммуникаций на фронтальных территориях // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 3(44). С. 266-271.
10. Севастопольский... – Севастопольский государственный университет. Официальный сайт. URL: <https://www.sevsu.ru/univers/iriib/ib>
11. Телефоны 1974 – Телефоны Севастополя / Справочник. Севастополь: Севгортипография, 1974. 727 с.
12. Черничкин 2019 – Черничкин Д. А. Отношение к религиозной трансгрессии в поликонфессиональном регионе: экспертное мнение // Актуальные проблемы современного общества: сборник научных статей по материалам Всероссийской (национальной) научной конференции, Орёл, 17–18 июня 2019 года. Орел: ООО «Модуль-К», 2019. С. 233-239.
13. Черноморское высшее... – Черноморское высшее военно-морское училище имени П.С. Нахимова. Официальный сайт. URL: <https://www.chvvmu.ru/fakultet-informacionnoj-bezopasnos/>
14. Чернявская, Третьякова 2016 – Чернявская С. А., Третьякова Л.В. Причины снижения уровня математической подготовки выпускников школ // Прикладные задачи математики: материалы XXIV международной научно-

технической конференции (Севастополь, 12–16 сентября 2016 года). Севастополь: ФГАОУ ВО "Севастопольский государственный университет", 2016. С. 55-57.

15. Шумейко 2016 – Шумейко И. П. Пассивный акустический мониторинг естественных процессов в океане // Физическое и математическое моделирование процессов в геосредах: Сборник тезисов докладов Второй международной научной школы молодых ученых, Москва, 19–21 октября 2016 года. Москва: ООО "ПРИНТ ПРО", 2016. С. 200-202.
16. Sapozhnikov et all 2018 – Sapozhnikov N., Polyakov A., Bryukhovetskiy A., Moiseev D. Modelling performing calculations over the data presented in a probabilistic form // MATEC Web of Conferences: 2018 International Conference on Modern Trends in Manufacturing Technologies and Equipment, ICMTMTE 2018, Sevastopol, 10–14 сентября 2018 года. Sevastopol: EDP Sciences, 2018. P. 4-19. DOI 10.1051/matecconf/201822404019.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ АУДИТА ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЪЕКТОВ КРИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Смирнов Глеб Евгеньевич

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина)

E-mail: science.cybersec@yandex.ru

Макаренко Сергей Иванович

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина)

E-mail: mak-serg@yandex.ru

Аннотация: В 2017 г. в России был принят федеральный закон (ФЗ) № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». Данный закон устанавливает перечень объектов и субъектов, относящихся к критической информационной инфраструктуре (КИИ) РФ, а также обязует специальные службы разработать комплекс мер направленных на обеспечение их информационной безопасности (ИБ).

Ключевые слова: критическая информационная инфраструктура, информационная безопасность, государственная система обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак, аудит, тестирование, информационно-техническое воздействие.

Введение

В п. 8 ст. 2 федерального закона (ФЗ) № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» указан перечень сфер критической информационной инфраструктуры (КИИ), в числе которых значится оборонная сфера и сфера связи.

К объектам КИИ относятся:

- информационные системы субъектов КИИ;
- информационно-телекоммуникационные сети субъектов КИИ;
- автоматизированные системы управления субъектов КИИ;
- единая сеть электросвязи (ЕСЭ), обеспечивающая взаимодействие вышеуказанных объектов.

К субъектам КИИ относятся:

- государственные органы и государственные учреждения;
- организации здравоохранения;
- организации науки;
- организации транспорта;
- организации связи;
- организации энергетики;
- организации банковской сферы и иных сфер финансового рынка;
- организации топливно-энергетического комплекса;
- организации атомной энергии;
- организации оборонной промышленности;
- организации ракетно-космической промышленности;
- организации горнодобывающей промышленности;
- организации металлургической промышленности;
- организации химической промышленности;
- российские юридические лица, которые обеспечивают взаимодействие указанных субъектов.

Таким образом, к КИИ РФ, в соответствии с ФЗ-187, отнесены практически все, так или иначе, значимые объекты и субъекты, определяющие жизнедеятельность государства.

Как показал анализ работ [Макаренко 2017а; 2017б] одним из наиболее важных, но при этом уязвимых для внешних воздействий объектов КИИ РФ являются телекоммуникационные системы специального назначения (ТКС СН) в составе ЕСЭ. Для реализации аудита состояния информационной безопасности (ИБ) и защиты КИИ в РФ с начала 2010-х годов были начаты работы по созданию государственной системы обнаружения и предупреждения компьютерных атак (ГосСОПКА), основанных на централизованном использовании взаимоувязанных систем обнаружения вторжений IDS (Intrusion Detection System), систем предотвращения вторжений IPS (Intrusion Prevention System), систем предотвращения утечек конфиденциальных данных DLP (Data

Leak Prevention), а также систем управления инцидентами информационной безопасности SIEM (Security Information and Event Management).

Анализ существующей системы аудита защищенности критической информационной инфраструктуры в рамках системы госсопка и выявление ее недостатков

В составе ГосСОПКА создается система государственных и частных центров, которые обслуживают субъекты КИИ. Такой центр берет на себя часть функций безопасности, необходимых для противодействия информационно-техническим воздействиям (ИТВ) на информационные системы (ИС) субъектов КИИ. Как правило, к таким функциям относятся:

- выявление и анализ уязвимостей, обслуживаемых ИС, координация действий по устранению выявленных уязвимостей;
- анализ событий, регистрируемых компонентами обслуживаемых ИС и средств их защиты, для поиска признаков ИТВ, направленных на эти системы;
- координация действий по реагированию на обнаруженные ИТВ, а если атака привела к инциденту – по ликвидации последствий такого инцидента;
- расследование инцидентов и ретроспективный анализ ИТВ, которые не удалось предотвратить;
- информирование персонала обслуживаемых ИТВ, проведение киберучений.

Для выполнения вышеуказанных функций, центры ГосСОПКА тесно интегрируются с защищаемыми ИС – они получают полные инвентаризационные данные ИС, контролируют их защищенность и анализируют события, регистрируемые их средствами защиты. При этом данные центры не заменяют собой собственные системы защиты ИС т.к. владельцы объектов КИИ должны обеспечивать их ИБ самостоятельно, а центр ГосСОПКА своей деятельностью лишь компенсирует возможные ошибки.

В работе [Кузнецов 2019] проведен анализ роли ГосСОПКА в нормативных документах о безопасности КИИ. Показано, что с одной стороны, владельцы значимых объектов КИИ обязаны выполнять требования ФСТЭК РФ по обеспечению безопасности этих объектов (ч. 3 ст. 9 ФЗ-187) и создавать системы защиты этих объектов (ст. 10 ФЗ-187). В соответствии с требованиями ФСТЭК (Приказ ФСТЭК России от 25.12.2017 «Об утверждении Требований по обеспечению безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры РФ») в системе защиты должны быть реализованы базовые меры, многие из которых непосредственно направлены на противодействие ИТВ злоумышленников [Кузнецов 2019]:

- инвентаризация компонентов информационных систем и анализ их уязвимостей;
- контроль и анализ сетевого трафика;

- мониторинг безопасности;
- антивирусная защита;
- предотвращение вторжений;
- реагирование на инциденты и т.п.

При этом владелец имеет право самостоятельно решать, как именно будут реализованы эти меры защиты (ч. 1 ст. 9 ФЗ-187). Более того, эти меры защиты являются всего лишь базовыми, то есть необходимыми, но не достаточными для обеспечения безопасности объекта КИИ. В соответствии с существующими процедурами, владелец объекта КИИ должен самостоятельно провести анализ угроз, актуальных для объекта, самостоятельно определить, как должны быть реализованы базовые меры защиты, а если их окажется недостаточно для защиты от угроз – самостоятельно усилить базовые меры защиты или разработать дополнительные [Кузнецов 2019].

Ядром центра ГосСОПКА является SIEM-система. Именно на нее возлагаются основные задачи по аудиту ИБ – сбору данных о событиях в ТКС СН, их анализу и выявлению инцидентов.

Один из главных, недостатков ГосСОПКА – центры ГосСОПКА по своему принципу функционирования ориентированы на сбор данных об уже произошедших инцидентах ИБ, а также на сбор доказательств для оперативного исследования этих инцидентов. Такая ориентированность центров ГосСОПКА на фиксирование инцидентов в режиме «постфактум», обусловлена общими недостатками существующих подходов к аудиту состояния ИБ ИС.

Анализ перспективных технических решений по данной системе, представленный в работе [Петренко, Ступин 2017], показывает недостаточную проработку практических вопросов контроля защищенности объектов КИИ. Анализ исследований в области стратегии развития комплекса ГосСОПКА [Марков 2017, Котенко, Саенко 2012] и SIEM систем [Котенко, Саенко 2012] показывает отсутствие в этих системах подсистем какой-либо экспериментальной проверки защищенности контролируемых объектов.

Государственные регуляторы (ФСБ и ФСТЭК), в существующих нормативных актах, тщательно подчеркивают, что аудит и защита объекта КИИ от ИТВ – обязанность и ответственность самого субъекта КИИ: государство не намерено разделять с ним эту ответственность, каким-либо образом подтверждая достаточность принятых субъектом мер защиты. В таких условиях владельцы объектов КИИ, вынуждены интенсифицировать работы по аудиту защищенности объектов КИИ путем создания центров ГосСОПКА, а также передачи результатов такого аудита в головной орган системы ГосСОПКА – в Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам (НКЦКИ). Учитывая это, можно сделать вывод, что исследование вопросов повышения результативности аудита за счет повышения качества оценки защищенности объектов КИИ является актуальной задачей, имеющей существенное значение для практического развития возможностей системы ГосСОПКА.

Анализ существующих подходов к аудиту

Одной из составляющих процесса всестороннего обеспечения ИБ является аудит информационных систем. Именно аудит позволяет оценить правильность и адекватность принимаемых мер защиты, внедрения новых способов и средств обеспечения ИБ, и в итоге – дать окончательную оценку достигаемому уровню защищенности.

Однако, требования по ИБ, как правило, формулируются по итогам анализа инцидентов, что приводит к тому, что они регулярно отстают от современных возможностей и практики действий нарушителей.

Как показано в работах [Макаренко 2018а; 2018б] новым подходом к оценке защищенности ИБ объектов КИИ является аудит на основе экспериментальных исследований системы. Такой аудит, проводится с применением тестовых ИТВ [Макаренко 2016], соответствующих прогнозируемым воздействиям злоумышленника, с целью практической проверки эффективности технических или организационных мер защиты, а также выявления новых уязвимостей объекта КИИ. Основной формой проведения аудита ИБ на основе экспериментальных исследований системы является тестирование объекта специальными ИТВ.

Общая классификация мероприятий, способов и средств тестирования, используемых при аудите ИБ, представлена на рис. 1.

При этом в настоящее время научно-обоснованные требования к наборам ИТВ, используемых при тестировании, не предъявляются. Таким образом, перспективным направлением исследования является повышение качества оценки защищенности объекта КИИ путем научно-обоснованного выбора тестовых ИТВ для проведения его аудита.

Обоснование тестирования как перспективного типа проведения аудита объектов критической информационной инфраструктуры

В настоящее время в теории аудита ИБ сложилась ситуация, при которой большинство работ в этой области ориентировано на исследование экспертного аудита и оценки соответствия преимущественно на основе моделей анализа рисков, либо на основе анализа стандартов ИБ. При этом, тестирование и, в особенности, тестирование специальными средствами и способами, является недостаточно изученной теоретической областью аудита. Работы [Cardwell 2016, Penetration 2011, Valoch 2017], посвященные вопросам экспериментального тестирования реальных информационных систем, рассматривают такие способы и сценарии исключительно как «тестирование на проникновение» или как «инструментальный аудит», при этом проведение такого типа аудита в отечественной практике не регламентируется каким-либо системным или хотя бы общетеоретическим подходом. В некоторых отечественных работах по тестированию на проникновение акцент делается на необходимости выявления наиболее «зрелищных» уязвимостей или тех уязвимостей, устранение которых принесет максимальные экономические

выгоды компании, выполняющей аудит. Как показывает анализ [Богораз, Пескова 2013, Klíma 2016] зарубежных и отечественных методик тестирования на проникновение (OSSTMM, ISSAF, OWASP, PTES, NIST SP 800-115, BSI, PETA, методика от Positive Technology, методика от Digital Security), они не содержат исчерпывающего обоснования параметров и критериев выбора тестовых ИТВ, особенно применительно к объектам КИИ.

Вместе с тем, прослеживается тенденция к наращиванию доли тестов, которые проводятся в форме экспериментальных исследований реального объекта или его прототипа. Особенно это характерно при тестировании программного обеспечения. Как правило, для этого используются виртуальные машины, на которых осуществляется контролируемое выполнение тестируемого программного обеспечения. Дальнейшее развитие данного подхода к тестированию привело к разработке так называемых киберполигонов, которые виртуализируют как аппаратное, так и программное обеспечение распределенной информационной системы и позволяют отработать защиту от различных известных ИТВ. Сейчас это направление активно развивается, и ему посвящены работы [Климов 2016, Климов, Сычѳв 2015, Петренко А., Петренко С. 2015].

Как показано в работах [Макаренко 2018а; 2018б], тестирование является более гибким инструментом аудита чем, например, мероприятия оценки соответствия, так как его проведение не ограничено рамками действующих стандартов и регламентов. Это позволяет выбирать более широкий диапазон средств и способов тестирования, а также быть более избирательным в направлении достижения цели аудита. Например, проводить тестовое исследование объектов КИИ к угрозам и выявлять уязвимости, еще не описанные в базах угроз и уязвимостей. При тестировании объектов КИИ целесообразно сформировать и придерживаться системного подхода к проведению тестирования специальными средствами и способами ИТВ. При этом такое тестирование необходимо рассматривать как основную форму контроля устойчивости объектов КИИ к целенаправленным воздействиям сил информационных операций недружественных стран.

Вышеуказанные факторы позволили сформулировать проблемную ситуацию – между необходимостью повышения качества оценки защищенности объекта КИИ путем обоснованного выбора ИТВ при проведении его аудита и невозможностью разработки такого научно-обоснованного решения, на основе современного уровня развития научно-методического аппарата аудита информационных систем в составе теории информационной безопасности.

Постановка и формализация научной задачи разработки модели и методики обоснования тестовых информационно-технических воздействий при оценке защищенности объекта критической информационной инфраструктуры

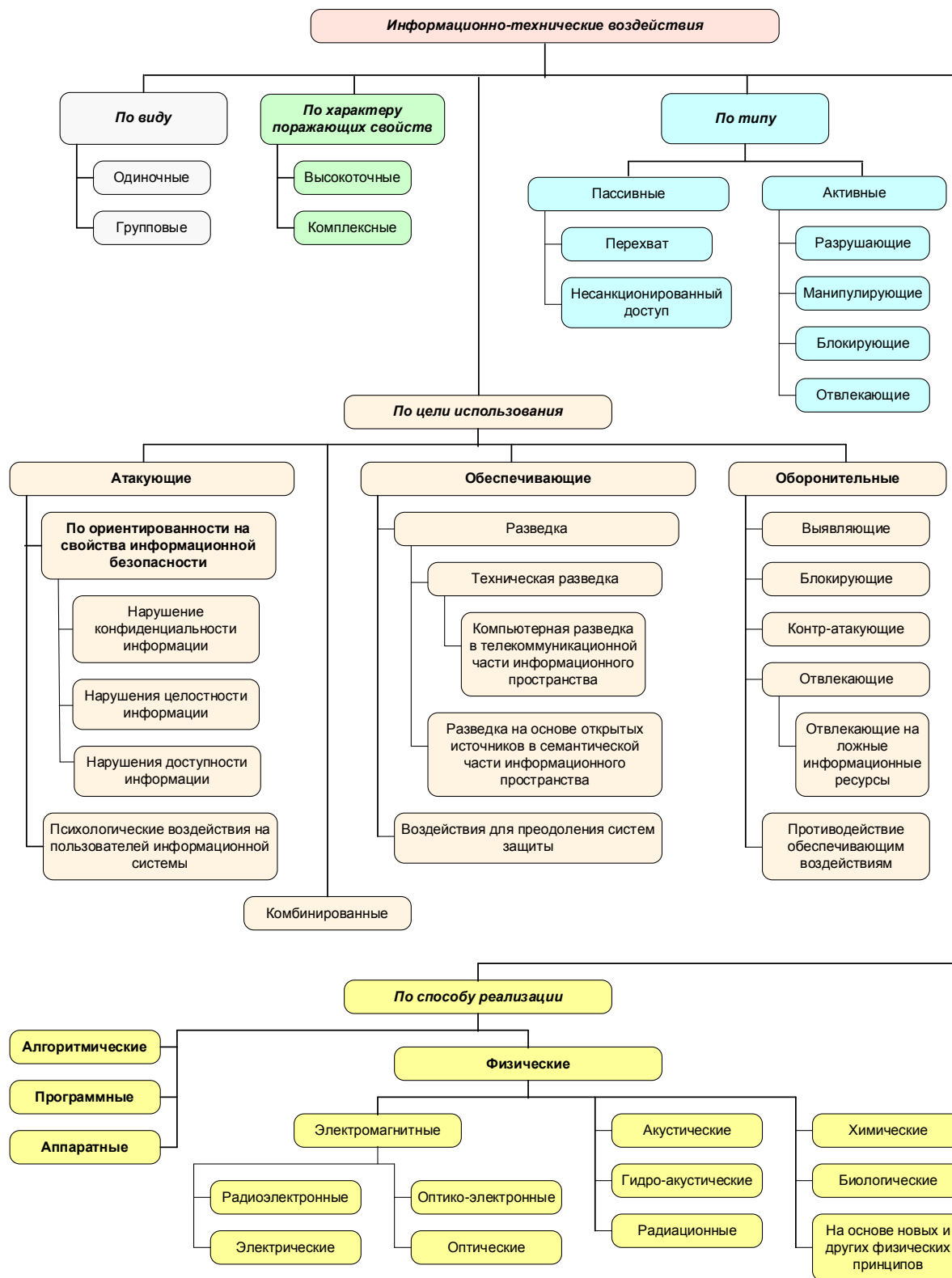

Рисунок 1. Классификация ИТВ, предназначенных для тестирования объектов КИИ [Макаренко 2018б]

Для разрешения данной проблемной ситуации может быть сформулирована актуальная цель исследования – повышение качества оценки защищенности объекта КИИ путем обоснованного выбора тестовых ИТВ при проведении его аудита. Объектом исследования являются тестовые ИТВ, используемые для оценки защищенности КИИ, а предметом исследования –

качество набора тестовых ИТВ, используемых для оценки защищенности объекта КИИ.

Для решения общей научной задачи в интересах достижения поставленной цели, она была декомпозирована на частные научные задачи:

- 1) разработка модели тестирования защищенности объекта КИИ;
- 2) разработка методики обоснования набора тестовых ИТВ для оценки целевых уязвимостей объекта КИИ;
- 3) обоснование набора тестовых ИТВ для рациональной полноты оценки уязвимостей объекта КИИ в условиях ограниченных ресурсов;
а также частную прикладную задачу;
- 4) разработка научно-обоснованных технических решений по архитектуре автоматизированного комплекса тестирования защищенности объекта КИИ.

Решением этих частных задач будут следующие научные и прикладные результаты значимые для развития теории аудита ИБ и обладающие практическим эффектом в части повышения качества оценки защищенности объекта КИИ путем обоснованного выбора тестовых ИТВ при проведении его аудита комплексом ГосСОПКА.

Теоретическая значимость исследования заключается:

- в разработке новых элементов научно-методического аппарата аудита информационных систем в составе теории ИБ, а именно – модели и методики обоснования тестовых ИТВ при оценке защищенности объекта КИИ;
- в развитии общего подхода к превентивному аудиту защищенности объектов КИИ, не путем сравнительного анализа с требованиями нормативных актов в области обеспечения ИБ, а путем непосредственного воздействия на объекты тестовых ИТВ, аналогичных прогнозируемым ИТВ злоумышленников;
- в развитии теоретической формы знаний в области повышения эффективности оценки защищенности объектов КИИ к прогнозируемым ИТВ злоумышленников, которые выходят за рамки существующих стандартов, рекомендаций и нормативных актов в области обеспечения ИБ;
- в развитии теоретического инструментария выбора тестовых ИТВ, в частности – выбора ИТВ по показателю качества «полнота тестирования / стоимость тестирования», при решении задачи превентивного аудита защищенности объектов КИИ.

Практическая значимость исследования состоит в актуализации разработанных модели и методики по отношению к потребностям практики, заключающейся в доведении их до рекомендаций по архитектуре автоматизированного комплекса тестирования защищенности объекта КИИ, что позволяет на практике обеспечить тестирование и оценку защищенности объекта КИИ, при этом, на настоящий момент, в центрах ГосСОПКА, подобный функционал оценки защищенности объекта КИИ отсутствует.

Благодарность: Исследование проводится в рамках гранта РФФИ № 19-07-00774-А «Исследование проблемы интероперабельности при реализации принципов сетевых информационных управляющих систем».

Литература

1. Макаренко 2017а – Макаренко С. И. Перспективы и проблемные вопросы развития сетей связи специального назначения // Системы управления, связи и безопасности. 2017. № 2. С. 18-69.
2. Макаренко 2017б – Макаренко С. И. Описательная модель сети связи специального назначения // Системы управления, связи и безопасности. 2017. № 2. С. 113-164.
3. Кузнецов 2019 – Кузнецов Д. ГосСОПКА: что такое, зачем нужна и как устроена // Anti-Malware 02.04.2019. URL: https://www.anti-malware.ru/analytics/Technology_Analysis/gossopka-what-is-it-how-it-works
4. Петренко, Ступин 2017 – Петренко С. А., Ступин Д. Д. Национальная система раннего предупреждения о компьютерном нападении. Монография. СПб.: издательский дом «Афина», 2017. 440 с.
5. Марков 2017 – Марков А. С. Технические решения по реализации подсистем ГосСОПКА // Сборник научных трудов V Международной научно-практической конференции. 2017. С. 85-96
6. Котенко, Саенко 2012 – Котенко И. В., Саенко И. Б. SIEM-системы для управления информацией и событиями безопасности // Защита информации. Инсайд. 2012. № 5 (47). С. 54-65.
7. Макаренко 2018а – Макаренко С. И. Аудит информационной безопасности: основные этапы, концептуальные основы, классификация мероприятий // Системы управления, связи и безопасности. 2018. № 1. С. 1-29.
8. Макаренко 2018б – Макаренко С. И. Аудит безопасности критической инфраструктуры специальными информационными воздействиями. Монография. – СПб.: Научно-технологические технологии, 2018. – 122 с.
9. Макаренко 2016 – Макаренко С. И. Информационное оружие в технической сфере: терминология, классификация, примеры // Системы управления, связи и безопасности. 2016. № 3. С. 292-376.
10. Cardwell 2016 – Cardwell K. Building Virtual Pentesting Labs for Advanced Penetration Testing. – Birmingham: Pact Publishing, 2016. – 518 с.
11. Penetration 2011 – Penetration Testing. Procedures & Methodologies. EC-Council Press, 2011. 237 с.
12. Baloch 2017 – Baloch R. Ethical hacking and penetration testing guide. London: CRC Press, 2017. 492 с.
13. Богораз, Пескова 2013 – Богораз А. Г., Пескова О. Ю. Сравнительный анализ методик оценки межсетевых экранов // Труды объединённой научной конференции «Интернет и современное общество». СПб.: НИУ ИТМО, 2013. С. 202-209.

14. Klíma 2016 – Klíma T. PETA: Methodology of information systems security penetration testing // Acta Informatica Pragensia. 2016. Т. 5. № 2. С. 98-117.
15. Климов 2016 – Климов С. М. Имитационные модели испытаний критически важных информационных объектов в условиях компьютерных атак // Известия ЮФУ. Технические науки. 2016. № 8 (181). С. 27-36.
16. Климов, Сычѳв 2015 – Климов С. М., Сычѳв М. П. Стендовый полигон учебно-тренировочных и испытательных средств в области обеспечения информационной безопасности // Информационное противодействие угрозам терроризма. 2015. № 24. С. 206-213.
17. Петренко А., Петренко С. 2015 – Петренко А. А., Петренко С. А. Киберучения: методические рекомендации ENISA // Вопросы кибербезопасности. 2015. № 3 (11). С. 2-14

ESG – ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Вострикова Екатерина Олеговна
Астраханский государственный университет
E-mail: Katrin-16@yandex.ru

Мешкова Анна Павловна
Астраханский государственный университет
E-mail: anna.meshkova_82@mail.ru.

Аннотация: *Концепция регионального развития и управления совершает значительную трансформацию в текущих реалиях. Каждый российский регион в целях устойчивого развития и обеспечения экономической безопасности пытается найти точки роста, источники финансирования проектов, спроектировать и создать правильные стимулы всем региональным экономическим агентам. Сегодня экологические, социальные и вопросы корпоративного управления оказываются ключевыми факторами для обеспечения устойчивого развития компаний, государств, общества. По мнению авторов, формирование региональной политики экономической безопасности с учетом ESG-критериев может позволить региональным властям сотрудничать и поощрять на своей территории деятельность фирм, экономическая политика которых отвечает определенным стандартам корпоративной социальной ответственности, этическим нормам, фирмам, которые зарабатывают определенный репутационный капитал в глазах потребителей и общества в целом. Но ESG-повестка не должна ухудшать положение бизнеса, а практика показывает, что у многих российских регионов недостаточно средств, чтобы перейти к принципам устойчивого развития. Тем не менее, следование ESG принципам является сигналом, что территория может служить надежным объектом для инвестиций в долгосрочном периоде. Игнорирование тенденций ESG на уровне региональных властей*

может привести к снижению конкурентоспособности данных территорий по многим позициям.

Ключевые слова: *экономическая безопасность, ESG-критерии, устойчивое развитие, регион, ответственное потребление, экономический рост, угрозы экономической безопасности, риски, экономические шоки, геополитика, пандемия COVID-19, «зеленое» финансирование.*

В последнее десятилетие экономическая безопасность на различных уровнях стала объектом детального изучения представителей разных наук: как экономистов, так и юристов, социологов, историков, политологов, медиков, экологов и др. Подобный интерес со стороны представителей «неэкономических» направлений к казалось бы вполне «экономическому» вопросу можно объяснить современными мегатрендами, связанными с повышенным запросом мирового сообщества к вопросам охраны окружающей среды, борьбой с коррупцией на разных уровнях, защитой прав человека, защитой персональных данных (и ответственного использования их фирмами), а также вопросами и проблемами, которые поставили перед обществом глобальные шоки, такие как пандемия COVID-19.

В современной неустойчивой геополитической обстановке, обусловленной возрастающей неопределенностью, негативными последствиями глобальной рецессии 2020 года, вызванной производственным спадом, связанным с пандемией COVID-19, необходимостью международной экономической интеграции, значительно повышающей риски пагубного воздействия мировых кризисов, вопрос обеспечения собственной экономической безопасности государства выдвигается на первый план. При этом, по существу, понятия экономической безопасности страны важную роль играет региональная составляющая.

Таким образом, первостепенной целью экономической политики становится разработка и обеспечение стратегии экономической безопасности каждого отдельного региона, в зависимости от его природно-климатических, социально-демографических, национально-культурных, экономических, экологических и исторических особенностей. Экономическая безопасность региона является понятием, которое включает в себя все основные аспекты эффективной жизнедеятельности граждан. Критерии, по которым осуществляется оценка экономической безопасности региона, представляют собой ключевые сферы жизни каждого отдельно взятого экономического агента и гражданина, а, значит, сам уровень экономической безопасности региона является наиболее важным вопросом для всего общества, и страны в целом.

Экономическая безопасность региона: теоретический аспект

Мировые события, как в экономической, так и в политической сферах, определяют остроту проблемы национальной политики экономической

безопасности в целом, которая непосредственно влияет на каждую из стран в отдельности [Федор, Тимошенко 2012, с. 209].

Экономическую безопасность региона можно описать как «совокупность условий и факторов, характеризующих текущее состояние экономики, стабильность, устойчивость и поступательность ее развития; и комплекс мер, направленных на устойчивое, постоянное развитие и совершенствование экономики региона, обязательно предполагающий механизм противодействия внешним и внутренним угрозам» [Быков 2006, с. 62].

Или же экономическая безопасность региона – это совокупность действий, которые направлены на регулярное и устойчивое развитие экономики региона с помощью создания конкурентных и финансовых условий, улучшения качества жизни граждан, а также на защиту интересов граждан и региона от всевозможных возникающих внутренних и внешних угроз [Москалева 2015, с. 34].

Также экономическую безопасность региона можно определить как «состояние, при котором отсутствуют, сведены к минимуму или устранены внутренние и внешние угрозы сохранению социально-экономического и финансового потенциала региона ниже уровня, достаточного для повышения благосостояния его населения» [Сенчагов 2002].

Основное отличие понятий «экономическая безопасность государства» и «экономическая безопасность региона» заключается в том, что экономическая безопасность региона является более узким понятием и направлено на обеспечение безопасности только в конкретном регионе. Именно поэтому для каждого региона необходимо учитывать его особенности, такие как: географическое положение, ресурсная оснащенность, уровень экономического и экологического развития.

Индивидуальная особенность региона формируется благодаря разнообразию принадлежащих ему структурных институтов. Наиболее значимыми элементами структурного устройства региона являются:

- население и охватывающие его сферы жизнедеятельности;
- природно-ресурсная оснащенность региона;
- основные сферы производства, отрасли;
- экономические связи (как внутри страны, так и внешнеэкономические).

Меняющиеся геополитические и геоэкономические условия создают угрозы экономической безопасности региона, которые можно разделить на экзогенные и эндогенные. Первые идентифицируются воздействием внешней среды и внешних факторов:

- изменение федерального законодательства;
- рост уровня инфляции на уровне страны, изменение валютного курса;
- изменение политической ситуации и экономического курса в стране;
- наступление чрезвычайных ситуаций, стихийные бедствия, экономические шоки мирового масштаба.

В данном контексте следует учитывать, что в силу федеративного устройства и особенностей бюджетного федерализма в качестве

рискообразующих факторов для региона может выступать изменение законодательства на федеральном уровне и изменение формата распределения средств из федерального бюджета

Эндогенные же риски возникают по причине внутренних факторов, таких как:

- уровень развития производственных сил региона;
- характер его производственной специализации;
- уровень технологического оснащения производства;
- отсутствие действенных стимулов к развитию экономической системы региона.

Таким образом, определение угроз экономической безопасности региона представляет собой значительный перечень факторов, которые должны быть выявлены, проанализированы, систематизированы и ранжированы по степени вероятностных угроз для каждого отдельного региона. Правительству каждого региона, в свою очередь, при реализации экономической стратегии устойчивого развития для наиболее стабильного и эффективного обеспечения экономической безопасности, следует держать это на контроле, принимая во внимание риски и угрозы, которым подвержен данный регион.

Ключевым условием для обеспечения защиты региона от возникающих внутренних и внешних угроз и обеспечения его устойчивого развития является повышение экономической безопасности региона [Rudenko, 2018, p. 2570].

ESG-критерии и причины их интеграции для оценки деятельности экономических агентов

В настоящее время в академических кругах и бизнес-сообществе все чаще речь идет не только об «экономическом» развитии территорий, а об «экономическом и социальном» развитии. Такая трансформация, вероятно, произошла в результате углубленного интереса к изучению вопросов так называемого «устойчивого развития», которое, в свою очередь, на микроуровне связывают с концепцией «ответственного потребления». Одним из элементов, лежащих в основе этой концепции, являются ограниченные возможности общества (ресурсы, технологии, социальная организация), которые определяют способность удовлетворения потребностей настоящих и будущих поколений [Белинская 2019, с. 10].

Через региональных и мировых экономических кризисов, вызванных различными факторами, а также возрастающие угрозы человеческому здоровью и скорость процессов глобального потепления привели частный сектор к осознанию того, что при оценке эффективности расходов (инвестиций, потребления, государственных расходов), необходимо учитывать их воздействие на общество и окружающую среду (как краткосрочное, так и долгосрочное). Результат и степень ответственности расходов помогает оценить применение ESG-критериев, которые учитывают социальные, экологические и управленческие факторы при оценке инвестиционных проектов.

«Концепция организации в России методологической системы по развитию зеленых финансовых инструментов и проектов ответственного инвестирования» определяет критерии ESG следующим образом: «ESG – экологические и социальные факторы, а также факторы корпоративного управления (ESG – Environmental, Social, Governance), которые соблюдают в своей деятельности компании и организации всех форм собственности и которые учитывают институциональные инвесторы и финансирующие организации в своих инвестиционных стратегиях и кредитных политиках».

Идея применения ESG-критериев в международной практике для принятия решения об инвестировании не является чем-то новым. Интерес к социально-ответственному инвестированию у зарубежных экономических агентов частного сектора начал проявляться еще во второй половине XX века. Политика Евросоюза, направленная на снижение «углеродного следа» в экономике, только усилила переход к этой «новой нормальности».

Что касается подобной практики в России, то далеко не все российские компании при построении своей стратегии принимают во внимание, что принципы социальной, корпоративной, этической и экологической ответственности учитываются рынком при формировании стоимости их акций. Однако запрос российского общества на применение этих критериев присутствует [Савина 2015], тренд на внедрение этих принципов в России формируется благодаря, в том числе, и иностранным инвесторам, которые при принятии финансовых и инвестиционных решений учитывают ESG факторы.

Эксперты оценивают, что доходы населения РФ могут сократиться на 14% к 2035 году в случае, если не произойдет ESG-трансформации, основываясь на сценарии Международного энергетического агентства [Греф 2021].

С одной стороны, ведение социально ответственного бизнеса могут позволить себе только состоятельные страны (забота об экологии, в терминах экономической теории, является нормальным благом: рост доходов увеличивает на него спрос, и наоборот), поэтому в странах со снижающимися реальными доходами увлечение данным трендом может расцениваться как некая непозволительная роскошь (повестку ESG тяжело объяснить бедным).

С другой стороны, игнорирование данной трансформации и исключение ESG трендов при ведении бизнеса, приведет к еще большему снижению реальных доходов в долгосрочной перспективе.

Переориентация сознания и промышленного производства с учетом экологических факторов повышает эффективность производства, снижает выбросы парниковых газов, что в свою очередь, свидетельствует о формировании в экономике новых точек роста, которые повышают инвестиционную активность бизнеса, способствуют созданию новых рабочих мест и ускорению процессов модернизации всей экономики под глобальные ESG-вызовы. И в данном контексте увлечение ESG – это и есть инвестиции (отказ от сегодняшнего «доения» и получения быстрой прибыли ради будущей отдачи), которые призваны диверсифицировать российскую экономику, способствовать ускорению экономического роста.

Так как социально ответственное инвестирование представляет процесс принятия инвестиционных решений, учитывающий в рамках традиционного финансового анализа социальные и экологические последствия инвестиций [Батаева, Вавилина 2016, с. 16], то их применение обладает серьезным потенциалом применения для принятия решений как на уровне отдельных фирм, так и на уровне регионов.

Применение ESG-критериев для совершенствования экономической безопасности региона

Набор индикаторов для оценки уровня экономической безопасности региона может отличаться в зависимости от того, какая методика применяется для анализа, а также в зависимости от специфики региона. Однако условно эти индикаторы можно разделить на следующие группы:

1. Индикаторы, которые определяют финансово-экономическое состояние региона;
2. Индикаторы, которые характеризуют социально-трудовую сферу региона;
3. Индикаторы, которые оценивают демографическую ситуацию в регионе;
4. Индикаторы, которые оценивают стабильность социальной и экологической сферы жизни населения.

Агрегируя и группируя индикаторы таким образом, можно говорить о том, что помимо индикаторов, характеризующих традиционные «экономические» сферы жизни региона (прирост реального ВРП, инвестиции, дефицит или профицит регионального бюджета, степень износа основных производственных фондов и т.д.) оценка экономической безопасности региона сопряжена с учетом целого набора дополнительных факторов (коэффициент рождаемости, уровень преступности, доступность жилья, задолженность по социальным выплатам и заработной плате и т.д.). Речь идет о том, что необходимо учитывать социальные и экологические последствия деятельности, как отдельных экономических агентов, так и целых направлений расходования бюджетных средств (как положительные, так и отрицательные).

При принятии решений на микроуровне основная причина внимания к ESG-критериям обусловлена тем, что частные инвесторы, государство и сами фирмы верят, что применение этих критериев позволяет выявить факторы (прежде всего нефинансового характера), которые могут оказывать долгосрочное влияние на деятельность фирмы (ее финансовые показатели) в лучшую или в худшую сторону [Вострикова, Мешкова 2020, с. 120]. Вероятно, это утверждение будет справедливо и для оценки расходов регионального бюджета.

Применение ESG-критериев позволит выявлять и финансировать те направления расходов бюджета, которые будут оказывать положительный внешний эффект и способствовать устойчивому развитию региона. Формирование региональной политики экономической безопасности с учетом

ESG-критериев также позволит региональным властям сотрудничать и поощрять на своей территории деятельность фирм, экономическая политика которых отвечает определенным стандартам корпоративной социальной ответственности, этическим нормам и которые зарабатывают определенный репутационный капитал в глазах потребителей и общества в целом.

При помощи индикаторов, влияющих на социально-демографическую и экономическую ситуацию в регионе, можно выявить наиболее опасные угрозы, оценить сложившуюся экономическую безопасность, а также на их основании разработать перечень мер, направленных на улучшение положения региона [Маханько, Назаренко 2017, с. 7].

ESG-критерии позволяют идентифицировать глубинные причины динамики региональных показателей экономической безопасности. В частности, отмечаемому уменьшению валового регионального продукта в ряде российских регионов, в том числе в Астраханской области способствует комплекс взаимосвязанных характеристик экономики региона, в число которых входит уменьшение активности предприятий в регионе, в том числе, по причине мер противодействия пандемии COVID-19.

В свою очередь, снижение предпринимательской активности в Астраханском регионе предполагает рост уровня безработицы, как по причине увольнений, так и потому, что участники рынка труда, вступившие в 2020 году в состав рабочей силы, не смогли трудоустроиться. Еще одной причиной подобного роста безработицы может быть доля населения, которая работала неофициально, и с наступлением пандемии COVID-19 попала под сокращение, в результате чего обратилась в службы занятости для получения статуса безработного с целью получения соответствующего пособия. К этой же категории людей могут быть причислены предприниматели, потерявшие свой бизнес в 2020 году.

Трудовая активность населения в свою очередь связана с уровнем доходов, темпами роста ВРП и показателями демографии. Снижение доходов населения региона становится причиной снижения спроса на товары услуги. Низкий спрос на товары и услуги, согласно Минэкономразвития, является ключевой причиной снижения темпов роста ВРП.

На протяжении длительного времени в Астраханской области не наблюдалось миграционного прироста. Состояние этого индикатора свидетельствует о значительных проблемах в регионе: социальных, экономических и экологических, которые связаны, в свою очередь, с климатом и особой структурой производства региона (основным видом экономической деятельности является: добыча полезных ископаемых – 53,1%), побуждающих население покинуть его. Как правило, это молодые специалисты, что усугубляет социально экономические проблемы региона.

Таким образом, создание рабочих мест, инвестиции в социальный капитал и комфортную городскую среду, а также внимание властей к экологическим проблемам региона (именно эти аспекты общественной жизни отражают ESG-критерии) помогут снизить ущерб от выявленных угроз экономической безопасности и способствовать устойчивому развитию региона.

Сегодня в мире в целом и в России в частности ориентация на стратегии устойчивого развития, включающая применение ESG-технологий становится не просто «данью моде». На финансовом рынке фирма, заявляющая о том, что действует ответственно, формирующая свою стратегию исходя из принципов ESG, сигнализирует о том, что она может служить надежным объектом для инвестиций в долгом периоде. Закрепившись в частном секторе, идея социально-ответственного инвестирования постепенно интегрируется в сознание и деятельность общественного сектора. Игнорирование тенденций ESG на уровне региональных властей может привести к «невостребованности» некоторых регионов как объекта для миграции, а также снижению их инвестиционной привлекательности с точки зрения социально-ответственных инвесторов.

Литература

1. Батаева, Вавилина 2016 – Батаева Б.С., Вавилина А.В. Зарубежная практика развития социально ответственных инвестиций // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2016. №1. С. 15-23.
2. Быков 2006 – Быков В. П., Дембовская О. А., Лебедев Е. М. Экономическая безопасность регионов и преодоление угроз в современных условиях // Экономика и эффективность организации производства. 2006. № 5. С. 60-63.
3. Вострикова, Мешкова 2020 – Вострикова Е. О., Мешкова А. П. ESG-критерии в инвестировании: зарубежный и отечественный опыт // Финансовый журнал. 2020. Т. 12. № 4. С. 117–129.
4. Греф считает... — Греф считает, что ESG-трансформация обеспечит долгосрочный экономический рост // <https://tass.ru/ekonomika/12297779>
5. Маханько, Назаренко, Чичканева 2017 – Маханько Г.В., Назаренко Н.А., Чичканева Е.С. Оценка экономической безопасности региона (на примере Краснодарского края) // Научный журнал КубГАУ. 2017. №128 (04). С. 7.
6. Москалева 2015 – Москалева А. Э. Влияние экономики региона на обеспечение экономической безопасности страны // Современные аспекты экономики. 2015. №6(214). С. 34-36.
7. Савина 2015 – Савина Т.Н. Концептуальные основы исследования социально ответственного инвестирования // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 9 (408). С. 52-62.
8. Сенчагов 2002 – Сенчагов В.К. Экономическая безопасность: геополитика, глобализация, самосохранение и развитие (книга четвертая). ИЭ РАН. Москва. ЗАО «Финстатинформ», 2002.
9. Белинская, Кузнецова, Писаренко 2019 –Белинская Л. В., Кузнецова Н. П., Писаренко Ж.В. Страховые компании и пенсионные фонды - системообразующие элементы устойчивого развития / Страхование в информационном обществе – место, задачи, перспективы: сб. трудов XX

- междунар. науч.-практ. конф. г. Владимир, 4-6 июня 2019 г. В 2-х т. Т. 2. 2019. С. 9-15.
10. Федор, Тимошенко 2012 – Федор А. И., Тимошенко М. А. Современные аспекты экономической безопасности // Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 3(20). С. 207-209.
11. Rudenko 2018 – Rudenko M. N. Economic Security of Regions // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. №8. Pp. 2568-2585.

ВЛИЯНИЕ ИНВЕСТИЦИЙ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

Галиева Лия Эдуардовна
Астраханский государственный университет
E-mail: li_galieva@mail.ru

Сурина Елена Алексеевна
Астраханский государственный университет
E-mail: e-zaharkina91@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются состояние и тенденции инвестиционного климата в Каспийском регионе. Категория «экономическая безопасность» способна выявить сильные и слабые стороны экономики региона, проанализировать методы и формы дальнейшего развития международного сотрудничества. В вопросе экономической безопасности, большое значение приобретают инвестиции, способные оказать влияние на развитие экономики, международных отношений, а также привлечь интерес к проблемам и возможностям на Каспии иностранных инвесторов. Были рассмотрены основные инвестиционные проекты между каспийской «пятёркой», определены сильные и слабые отрасли экономики, нуждающиеся в дополнительном инвестировании.

Ключевые слова: инвестиции, экономическая безопасность, экономика, международное сотрудничество, Каспийский регион, каспийская пятёрка.

Каспийский регион является центром повышенного интереса из-за выгодного географического положения и природных ресурсов. Регион представляет собой центр Евразии, через который проходит транспортный транзитный коридор, связывающий Европу с различными регионами Азии [Пушкарёв 2021. с. 214]. Богатые запасы нефти и газа находится на повестке дня в перспективе энергетической политики Европейского союза и США, поэтому Каспий является опорной точкой, где переплетаются экономические, геополитические интересы мировых лидеров.

Безопасность на Каспии закреплена Конвенцией о правовом статусе Каспийского моря, принятой в 2018 г. Данный документ дает прочную основу для экономической безопасности страны, не смотря на изменчивые процессы по всему периметру границ этого региона, и определенные риски на внутривнутриполитическом уровне в самих прикаспийских странах [Конвенция 2018]

Полноценное сотрудничество в многостороннем уровне на Каспии успешно развивается. После подписания Конвенции число участников большого трансконтинентального Каспийского проекта, заметно наращивается. Мировые лидеры, такие как США, Китай, Япония заинтересованы в взаимодействии с каспийской пятёркой [Литера 2007. с. 55]. Такое положение дел имеет двусторонней эффект. С одной стороны - заинтересованность стран, привлекает большее количество иностранных инвестиций для реализации крупных проектов. С другой - влечет за собой опасные последствия, такие как вмешательство в экономику и политику стран Каспийского региона. Некогда определявшие ключевые аспекты ситуации в регионе Россия и Иран в современных условиях постепенно утрачивают свои позиции на Каспии, что во многом связано с активизацией деятельности США и их союзников по выстраиванию партнерских отношений с новыми независимыми государствами.

Основной поток инвестиций сосредоточен в нефтегазовой отрасли. Богатые ресурсы на Каспии способны обеспечит экономическую и политическую стабильность региона. По данным исследования нефтяные запасы Каспийского региона оценены в 17-33 миллиардов баррелей, тогда как в Соединенных Штатах 22 млрд баррелей, а Северном море 17 миллиардов баррелей. При успешно реализованных проектах в нефтяной сфере, можно добиться больших результатов. Азербайджан, Казахстан, Туркменистан в большинстве случаев располагают своими нефтяными запасами на расстоянии от берега. Показатели запасов природного газа в Каспийском регионе превышают нефтяные показатели. Доказанные запасы природного газа оцениваются в 177-182 триллиона кубических футов, в то время как теоретические могут приносить порядка 293 триллионов кубических футов газа. Казахстан и Туркмения входят в двадцатку лучших стран мира по количеству доказанных запасов природного газа [Саркисович 2018]

Экономическая безопасность обуславливается способностью национальной экономики к саморазвитию, которое возможно благодаря наращиванию уровня высокотехнологичного производства, что обеспечит конкурентоспособность экономики страны на мировой арене [Камаев 2019, с. 17]

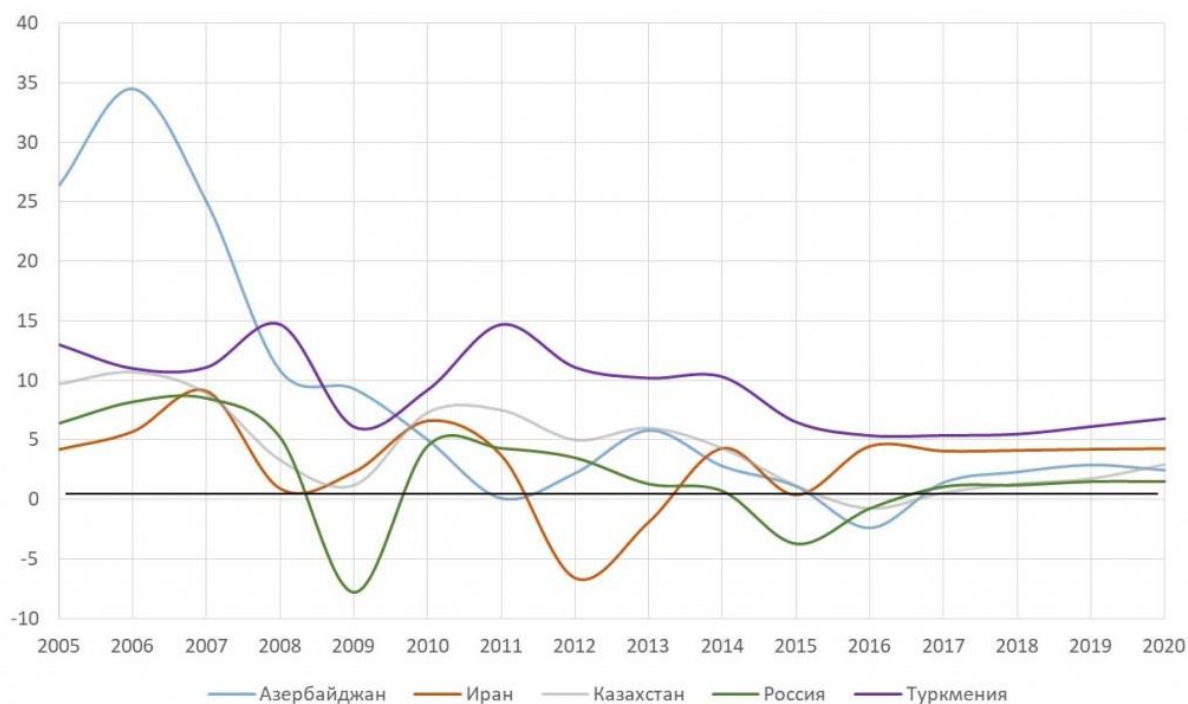

Рисунок 1. Реальный ВВП стран Каспийского региона, ежегодное изменение в %

Реальный ВВП стран Каспийского региона изменчив. Он напрямую зависит от развития экономики страны. Так, ВВП Казахстана в 2017 г. вырос на 4,1 %, а уже в 2019 г. на 4,5 %. Высокий уровень стабильности и развития демонстрирует Туркменистан. В 2017 г. уровень ВВП вырос на 4,8%, а в 2020 на 5,9% относительно предыдущего года [Сайт МВФ]. Несмотря на пандемию COVID 19, которая привела к падению мировой экономики, закрытию границ, сокращению деловых контактов, Туркменистан сумел сохранить внешнеполитическую и экономическую активность.

Каждая страна Каспийского региона стремится к выгодным для себя условиям. Развитие новых инвестиционных проектов способствует повышению экономики и независимости страны от других государств. Конкурентная борьба внешних игроков в Каспийском регионе проявляется в самых разных аспектах. Каждый заинтересованный в положении на Каспии исходит из собственных геополитических интересов.

Для Российской Федерации Каспийский регион необычайно важен в геополитической гонке. По заявлению министра иностранных дел Лаврова С.В. чрезвычайно важно сохранять, предусмотренный конвенции особый статус региона, ответственность за который несет Каспийская пятёрка- Россия, Азербайджан, Казахстан, Иран и Туркменистан. Представителем в регионе от РФ выступает Астраханская область, сосредоточившая в себе большое число инвестиционных проектов, повышающих экономический потенциал страны, а также развивающих международное сотрудничество. Выгодное географическое положение, а именно граница с Казахстаном, Ираном, Туркменистаном, Азербайджаном, богатая ресурсная база, прохождение через регион транспортных коридоров "Север-Юг" и "Запад-Восток", способствуют привлечению инвестиций. В сентябре 1996 г. в Астрахани по вопросам,

связанных с Каспийским регионом, был создан Международный Совет делового сотрудничества «Деловой Каспий». Учредителями Совета стали Торгово-промышленная России, Палата торговли, промышленности и недр Исламской Республики Иран и Торгово-промышленная палата Республики Казахстан. Позже к объединению присоединились ТПП Азербайджана и Туркменистана. Совет был создан для обсуждения экономических вопросах стран-участниц. Все крупные инвестиционные проекты, способствующие развитию региона, освещаются на заседаниях совета. Так, на XIX заседании, основной темой для обсуждения послужило создание коммуникационной площадки для расширения торгово-экономического сотрудничества между странами региона. Главные темы, волнующие участников совета, были туризм, развитие производства и торговли, банковского дела, таможенного регулирования, получения виз и ряд других вопросов. Исходя из итогов заседания, можно сделать вывод, что все страны готовы к развитию экономической отношений и взаимному сотрудничеству.

Один из наиболее крупных инвестиционных проектов, является проект международного транспортного коридора «Север-Юг». МТК СЮ представляет собой связь автомагистралей, железных дорог, портов и даже авиаузлов [Караваев, Тишехьяр 2019, с. 13]. В связи с этим инвестиции поступают не только в развитие портов, но и в другие отрасли, в особенности в развитие железнодорожных путей. Главным узлом МТК СЮ на территории РФ является - Приволжская железная дорога, большая часть экспорта которой приходится на страны каспийской «пятерки».

Еще один большой инвестиционный проект, способный обеспечить экономическую безопасность это создание экономической зоны в морском порту Оля на территории Астраханской области и объединение его с ОЭЗ промышленно-производственного типа «Лотос» в Каспийский кластер. Данное решение способно повысить конкурентоспособности РФ на Каспии, а также привлечь дополнительные грузовые потоки из стран Ближнего востока и Азии. Необходимые инвестиции в ПОЭЗ оценили в 27 млрд руб. [Антонов 2021]. Иностранные инвесторы имеют повышенный интерес к данному проекту, среди них Германия, Иран. Соглашение о взаимодействии подписано с иранскими экономическими зонами «Энзели» и «Чабахар». В июле 2021 г. было заключено соглашение о сотрудничестве между иранским холдингом «Парсиан» и ОЭЗ «Лотос» о создании контейнерной линии через Астраханскую область и иранский порт. Данный маршрут оказался выгоднее и короче других. Соглашение способствует укреплению российско-иранского сотрудничества в сферах промышленности, торговли и инвестиций, включая увеличение объема контейнерных грузоперевозок по МТК «Север-Юг», повышение уровня портовой деятельности и организацию производств на территории особых экономических зон Астраханской области.

К реализации создания портовой экономической зоны были привлечены государственные инвестиции. Для подготовки инженерной территории и модернизации порта Оля было выделено 1,1 млрд руб., а для создания нового морского порта 1,4 млрд руб. Создание ПОЭЗ в районе морского порта Оля в

Астраханской области будет являться отправной точкой по развитию транзитного потенциала МТК «Север-Юг» и повысит конкурентоспособность российских портов на Каспии. По данным на 2021 г. ОЭЗ ППТ «Лотос» выступил резидентом 8 проектов: «Высокотехнологичное производство саморазрушающихся медицинских шприцев третьего поколения»; «Модернизация судостроительного производства»; «Строительство комплекса по производству трубок капельного орошения с использованием биоразлагаемых материалов»; «Создание комплексного современного автоматизированного производства геосинтетических материалов»; «Производство инновационных скоростных маломерных судов специального назначения»; «Создание информационно-аналитического центра по сбору и обработке информации, получаемой посредством морских автономных беспилотных средств»; «Строительство завода по производству мальковых и продукционных кормов для объектов аквакультуры»; «Организация производства очистки балластных вод» [Инвестиционный портал АО]. Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что сохранению и использованию биоресурсов уделяется большое внимание. Стоит отметить, что все 8 проектов находятся в стадии реализации и инвестируются за счёт внебюджетных средств. По прогнозам экспертов, к концу 2030 г. ОЭЗ ПОЭЗ будет осуществлять уже деятельность не менее 26 резидентов, что поспособствует созданию создано не менее 1000 рабочих мест.

Товарооборот между странами Каспийского региона является важным аспектом успешно развивающейся экономики. Например, товарооборот России и Ирана за первое полугодие 2021 г., не смотря на сложную обстановку в мире, связанную с эпидемией COVID19, повышения цен на нефть и политических разногласий, вырос на 40% и составил 1 662,8 млн. долларов [Сайт Федеральной таможенной службы]. Поэтому значительное число инвестиций направлено на развитие путей сообщения. Самым привлекательным иранским прикаспийским городом является город Энзели. Инвестиции, которые составили 7,26 трлн. риалов (\$ 62 700 000) только за первые месяцы 2018г. Порт Энзели имеет стратегическое значение для развития отношений между РФ и Ираном.

Иран активно расширяет границы транспортно-транзитного коридора «Персидский залив – Черное море», участие в котором принимают Армения, Грузия, Болгария, Греция и Азербайджан. Обеспечивая себе тем самым независимость от Турции. Коридор, призван обеспечить экспорт и импорт товаров в Европу.

Ещё одна страна-участница, наращивающая свой экономический потенциал – Казахстан. За период независимости Казахстана привлечено 330 млрд долларов. Более 50 % инвестиций поступают из Евросоюза, 15% из США, около 5 % из Великобритании и КНР. Стоит отметить, что Китай имеет особый интерес к присутствию Казахстана на Каспии. Казахстан является крупнейшим получателем китайских инвестиций в Центральной Азии [Джуманова 2019, с. 96]. В особенности их интересует организация и осуществление транзитного проекта «Один пояс и один путь». Активно развивается инвестиционные

проекты между Казахстаном и другими странами Каспийского региона. Так, например со стороны Ирана поступают инвестиции в развитие Мангистауского района, который граничит с Ираном через Каспий. Многие проекты пока остаются на стадии подготовки к реализации. Однако, президент торгово-промышленной палаты Мехди Бахшанде выступил инициатором инвестирования в развитие Мангистауского региона. Он планирует реализовать проект по постройке нескольких заводов в Актау по производству строительных материалов, сборке автомобилей, а также терминал для хранения фруктов и сухофруктов. Подобные проекты имеют стратегическое значение для укрепления международного сотрудничества между странами Каспийского региона, а также обеспечивают экономическую безопасность.

Проект между Ираном и Казахстаном направлен на развитие транзитного сотрудничества. В 2019 г. было подписано соглашение между директорами портов Энзели и Актау о совместном сотрудничестве. Целью соглашения является привлечение больших грузов по международному коридору Китай – Казахстан – Иран.

Ещё одной страной, проявляющей большой интерес к Каспийскому региону и выступающей в роли иностранного инвестора, является – Румыния. Бухарест является одним из инициаторов создания международного транспортного коридора «Каспийское море — Чёрное море», включающего в себя маршрут: Туркменистан – Азербайджан – Грузия — Румыния. Заявление о создании данного коридора относится к 2018 г. По мнению экспертов коридор должен соединить Каспийское и Черное море через территорию Азербайджана и Грузии. Туркменистан является отправной точкой маршрута, а Румыния – конечной.

Основная доля инвестиций Азербайджана приходится на нефтедобывающую отрасль. Крупнейшим нефтяным месторождением Азербайджана является Азери — Чираг — Гюнешли (АШГ), на долю которого приходится порядка 80% всей нефтедобычи страны (31 млн. тонн из 41–42 млн т). Девять компаний принимают участие в данном проекте: девять компаний: оператор проекта BP (35,8% акций), SOCAR (11,6%), Chevron (11,3%), INPEX (11%), Statoil (8,6%), ExxonMobil (8%), TPAO (6,8%), ITOCHU (4,3%), ONGC Videsh (2,7%) [Караваев, Тишехьяр 2019, с.15].

Характеризуя общую картину Каспийского региона, можно сделать вывод, что не смотря на определенный поток инвестиций, многие сферы деятельности развиты на достаточно слабом уровне. Южная часть Каспийского моря практически неосвоенная, а вход иностранных инвесторов закрыт для западных компаний. Каспийскому региону нужно уделять больше внимания на региональное сотрудничество в различных секторах экономики. Немаловажно осознать доступность всех тех глобальных проектов и инициатив, которые накапливаются на Каспии. Для обеспечения экономической безопасности в регионе, необходимо своевременное принятие решений. В вопросах инвестирования страны должны реагировать на запросы и проблемы инвесторов, но и учитывать интерес масс, населяющих Каспийский регион.

Большие пробелы по-прежнему существуют в вопросах экологии региона. Несмотря на то, что Каспийская экологическая программа, принятая ещё в далёком 1995 г. реализуется, баланс между производственными процессами и охраной окружающей среды не всегда удается сохранить. В связи с ростом «зелёной» экономики, у Каспийского региона есть большой потенциал для привлечения иностранных инвестиций в сохранение экологического благосостояния региона.

Для дальнейшего успешного инвестирования в развитие Каспийского региона, страны-участницы должны наращивать транспортную инфраструктуру, обеспечивать высокотехнологичные и безопасные производства, реализовывать уникальные туристические продукты, урегулировать взаимное разногласия. По состоянию на 2021 г. остается открытым ряд вопросов, требующий участия всех государств. Это разграничение дна, конфликты по рыбным квотам и по осетрам, пропуск потенциальных подводных трубопроводов, трансграничное загрязнение и милитаризация Каспия

Литература

1. Антонов 2021 – Антонов В. Инвестиции в портовую ОЭЗ Астраханской области // Информационно-аналитический портал Каспийский вестник. 2021. URL:<http://casp-geo.ru/investitsii-v-portovuyu-oez-astrahanskoj-oblasti-sostavyat-27-mlrd-rublej/>
2. Джуманова 2019 – Джуманова Р.А. Прямые иностранные инвестиции в Республике Казахстан в условиях цифровизации // Инновации в странах СНГ. 2019. № 5. С. 93-99.
3. Инвестиционный портал – Инвестиционный портал Астраханской области. URL: <http://casp-geo.ru>
4. Камаев 2019 – Камаев И.С. Влияние инвестиций на экономическую безопасность России и развитых стран // Экономика и парадигмы нового времени. Вып. №6. 2019. С. 16-23.
5. Караваев, Тишехьяр 2019 – Караваев А., Тишехьяр М. Международный транспортный коридор «Север-Юг» и сценарии трансрегиональной интеграции // Фонд развития и поддержки международного дискуссионного клуба «Валдай». 2019. С.35.
6. Конвенция... – Конвенция о правовом статусе Каспийского моря, Конвенция от 12 августа 2018 г. URL: <https://www.mid.ru/problematika-bassejna-kaspijskogo-mora>
7. Литера 2007 – Литера Б. Нефть И газ в бассейне каспийского моря: состояния и перспективы // Кавказ и глобализация. 2007. Т. 1(2). С.46-60.
8. Сайт МВФ – Международный валютный фонд. URL: <https://www.imf.org/>
9. Пушкарёв 2021 – Пушкарёв В.В. Каспийский регион в современной политике: проблемы регионального сотрудничества // Вестник удмуртского университета. 2021. №2. С. 211-220.

10. Саркисович 2018 – Саркисович Э. для газеты Экономика Юга России. 2018. №207(7670). URL: <https://rg.ru/2018/09/18/reg-ufo/skolko-na-kaspii-imeetsia-zaparov-nefti-i-gaza>.
11. Федеральная таможенная служба – Федеральная таможенная служба. URL: <https://customs.gov.ru/>

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ СТРАНЫ

Магеррамова Эльвира Джасарат кызы
Астраханский государственный университет
E-mail: elviramagerramova01@gmail.com

Чертина Инна Владимировна
Астраханский государственный университет
E-mail: innacher13@gmail.com

Аннотация: *Миграционные процессы — это сложное явление, затрагивающее базовые составляющие экономической безопасности как стран–доноров, так и стран–реципиентов. Данное явление сопровождало всю историю человечества, однако в современную эпоху углубляющейся глобализации ее масштабы нарастают. В статье рассматриваются вопросы влияния миграции рабочей силы на экономическую безопасность отправляющих и принимающих стран. В ходе исследования авторами выявлено, что данное влияние может быть как положительным, так и отрицательным. Миграционные процессы следует рассматривать как важный аспект государственной политики в сфере управления экономической безопасностью, поскольку такой ракурс анализа проблемы позволяет увидеть ряд возможностей и угроз.*

Ключевые слова: *миграционные процессы, экономическая безопасность, миграционный поток, «утечка умов», прикаспийские страны, мигранты, Россия, Азербайджан, Иран, Казахстан, Туркменистан*

Миграционные процессы как внутреннего, так и внешнего характера определяются различного рода условиями и факторами, определяемыми данными условиями. При этом первичными являются условия внешней и внутренней среды, которые детерминируют те или иные факторы, определяемые сущностью конкретного процесса, явления. Факторы вторичны и порождаются условиями, в которых происходят те или иные явления и процессы [Купрещенко 2020, с. 255].

К положительным последствиям миграции можно отнести увеличение объема национального производства (за счет увеличения трудовых ресурсов).

Этот экономический показатель имеет исключительное значение, из-за этого даже малейшее воздействие миграционных процессов на ВВП/ВРП требует внимания при формировании и реализации эффективной миграционной политики. В результате, мы считаем, что изменение миграционных потоков напрямую влияет на уровень показателей ВВП/ВРП.

Незаконная миграция – одна из негативных последствий. Она приносит прямые убытки в виде недополучения налогов, снижения контроля и управляемости, роста теневого сектора экономики. Нарушается стабильность экономической системы, ставится под сомнение национальная безопасность страны [Лузина 2019, с. 86].

Однако, прежде чем перейти непосредственно к раскрытию вопроса связи состояния экономики конкретной страны или региона и миграционных потоков, соответствующих конкретной территории, дадим определение базовым понятиям. Чаще всего в научной литературе под миграционными процессами подразумевается плановое или стихийное переселение людей из одной географической зоны (населенного пункта, региона, страны) в другую с целью постоянного или временного проживания. Движущей силой миграционных процессов, определяющих их характер, а также отдельные черты, является группа факторов, формирующих притягивающее или выталкивающее воздействие [Massey 1988, с. 396].

При формулировании понятия «экономическая безопасность» в научной среде нет такого единства мнений, как при трактовке термина «миграционные процессы». Однако, в контексте темы работы интересной представляется формулировка М. Чеккорули, которая под экономической безопасностью понимает такой набор свойств макроэкономической системы (например, экономики государства), который позволяет ей сохранять динамическое равновесие при постоянном стремлении воспроизводить новые модели экономических отношений. При этом ключевую роль в обеспечении экономической безопасности данный исследователь отводит человеку, объясняя это тем, что, несмотря на то, что любая экономическая система характеризуется множеством параметров, свойств и внутренних связей, но единственный элемент, который в данной системе обладает способностью целенаправленной деятельности по ее видоизменению и управлению всеми остальными составляющими процессами — это человек [Ceccorulli 2009, с. 219].

После распада СССР в 90-х годах XX века на его месте появился ряд относительно независимых государств. Каспийское море традиционно считается «советским озером». Процесс распада СССР оказал существенное влияние на ситуацию вокруг Каспийского моря. Произошёл радикальный пересмотр многих, ранее стабильных, глобально-политических реалий, связанных со статусом Каспийского моря. Теперь оно оказалось «поделённым» между пятью суверенными государствами: Россией, Казахстаном, Ираном, Азербайджаном, Туркменистаном. Близость Каспийского моря для каждого из пяти стран очень важна, так как она связана с вопросами обеспечения военно-политической и экономической безопасности, важность договорного процесса

становится неоспоримой, поскольку зачастую стороны предлагают взаимоисключающие варианты решения тех или иных проблем региона [Мамедов 2016, с. 159].

С момента образования новых прикаспийских государств прошло два десятилетия, за это время изменился общий характер, потому что она стала менее хаотичной и приобрела достаточно устойчивые направления. На сегодняшний день миграционные потоки формируются под влиянием не «ситуативных» факторов (конфликты, эскалация межэтнической напряженности, развал единого государства), а под влиянием экономических, демографических и других более устойчивых по времени факторов [Мамедов 2016, с. 161].

Миграционная политика российского государства изменилась: были сформулированы институциональная и нормативно-правовая базы, обозначены приоритеты на будущее, хотя необходимо отметить, что это было сделано в нескольких различных документах.

Планирование и реализация миграционной политики происходит как связующий элемент по всем этапам цепи управления экономической безопасностью. Основная задача государственной политики в данном случае заключается в том, чтобы организовать миграционные потоки так, чтобы сохранить баланс между оптимальным уровнем экономической безопасности и соблюдением локальных и международных законодательных актов (это важный ограничивающий фактор). В долгосрочной перспективе те страны, которые рассматривают оптимизацию своих миграционных потоков как стратегический актив в управлении экономической безопасностью, могут развиваться в среднем на 50–70% быстрее [Niebuhr 2010, с. 583].

В Указе «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» от 31 октября 2018 года раскрываются: условия формирования и реализации миграционной политики; цель, задачи и основные принципы миграционной политики; международное сотрудничество Российской Федерации в сфере миграции; информационно-аналитическое обеспечение реализации миграционной политики [Указ 2018].

Привлечение мигрантов в страну очень важно для государства в соответствии с потребностями социально-экономического и демографического развития, с учетом необходимости их социально адаптировать и интегрировать в российскую реальность. На сегодня на территории Российской Федерации, в соответствии с данными Федеральной миграционной службы (ФМС), находятся почти 11 миллионов иностранных граждан с различными целями. По статистике ФМС, в настоящее время на территории Российской Федерации из прикаспийских стран находятся: 588 811 граждан Казахстана (из них мужчин – 370 632, а женщин – 218 179), 518 819 граждан Азербайджана (из них мужчин – 338 562, а женщин – 180 257 женщин), 24 363 гражданина Туркменистана (из них мужчин – 15 450, а женщин – 8 913) и 10 016 граждан Исламской республики Иран (из них мужчин – 7 472, а женщин – 2 544).

Таким образом следует констатировать, что после распада Советского Союза произошел отток людей, которые причисляли себя к русским, из стран

Каспийского региона. Одновременно с этим был и приток трудовых мигрантов из этих стран в Россию, который несколько снизился лишь в 2015–2016 годах. Разрыв экономических связей, изменение глобальной политической ситуации, усиление националистических настроений в бывших советских республиках стали главными причинами этого процесса [Мамедов 2016, с. 162].

Миграционные потоки и проблема их регулирования становятся все более существенным фактором угрозы национальной безопасности для ряда стран, среди которых и Россия, проблема урегулирования миграции для которой становится все более острой на фоне происходящих глобальных и внутриэкономических изменений. Серьезность проблемы контроля миграционных потоков в контексте угрозы национальной безопасности стран обусловлена следующими факторами.

В первую очередь, это масштабы миграционных потоков. Так, в России, по версии МВД, ежегодно находится порядка 9-11 млн. мигрантов – иностранных граждан, прибывающих в РФ с различными целями, как правило, это трудоустройство (67,4%).

Триггерным механизмом миграционной активности традиционно выступает низкий уровень социально-экономического развития ряда стран СНГ, из которых формируется основной поток мигрантов в РФ. При этом вид на жительство или разрешение на временное проживание есть только у миллиона человек (в среднем), большая же часть учтенных трудовых мигрантов (речь идет лишь об учтенных иностранных гражданах, а не о реальных цифрах) работают по выданным патентам. Основные «поставщики» трудовых мигрантов – Таджикистан, Узбекистан, Украина и др. (рис. 1).

На период конца 2020 г. – начала 2021 г. в России официально находятся порядка 6 млн. мигрантов: снижение количества иностранных граждан обусловлено ограничениями, введенными в период пандемии COVID-19, которые вынудили организовать депортацию, временно приостановить потоки приема иностранцев в связи с закрытием границ [Кушхова 2021, с. 256].

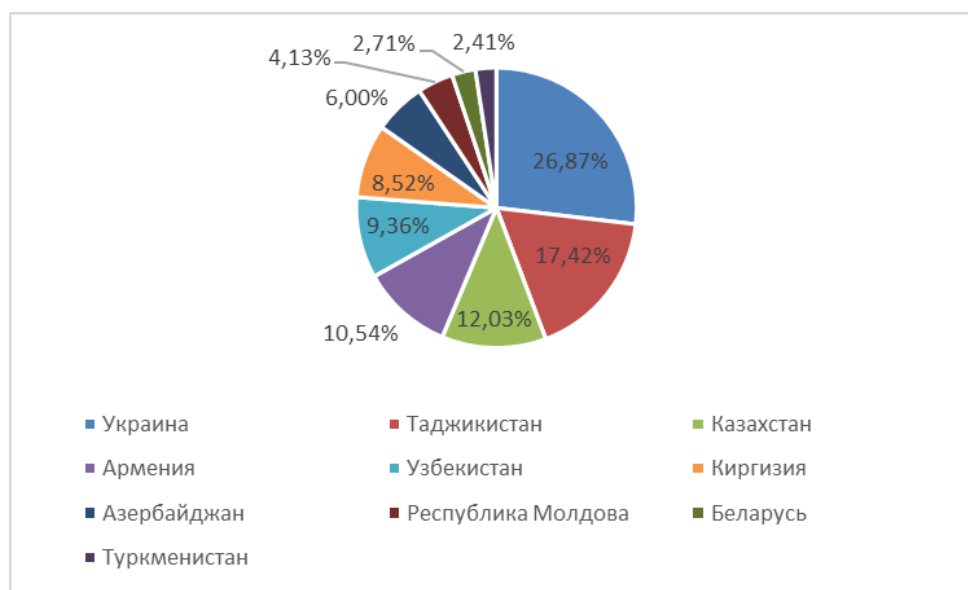

Рисунок 1. Распределение стран по количеству прибывающих в РФ трудовых мигрантов

Приток иностранной рабочей силы может нести такие угрозы для экономической безопасности государства, как:

1) зависимость производственных процессов от использования иностранной рабочей силы. Труд мигрантов дешев, поэтому потребность в них со стороны предпринимателей сохранится;

2) нерациональное размещение мигрантов на территории страны и деформация региональных рынков, восточные регионы Российской Федерации и территории, которые испытывают наибольшую нехватку рабочей силы, признаны приоритетными направлениями для введения мигрантов на постоянное место жительства;

3) рост конкуренции за рабочие места на рынке труда;

4) отток финансовых ресурсов из страны, ухудшение внешнеэкономической составляющей безопасности государства, по оценкам, ежегодно легальные и нелегальные гастарбайтеры вывозят из РФ порядка 12 млрд долл.;

5) развитие теневой экономики с теневыми рабочими местами и заработными платами из-за нелегальных иммигрантов, со своими законами, с теневыми доходами, не подлежащими налогообложению. По экспертным оценкам Форума переселенческих организаций, численность нелегальных мигрантов, которые находятся на территории РФ, достигает 5,5 млн чел., из которых 3,5 млн чел. занимаются незаконной трудовой деятельностью. Интеграция мигрантов в социальную среду является проблемным аспектом миграционной ситуации. Среди россиян преобладает жесткое неприятие мигрантов. Согласно опросу российских граждан, две трети из них считают, что мигрантов «много» или «очень много». Некоторые мигранты приезжают в РФ на постоянное проживание, респонденты негативно относятся к данной ситуации [Гаврилова 2011, с.70].

Мигранты имеют доступ ко всем сферам занятости, а россияне негативно относятся к этому, также они категорически против приобретения мигрантами собственности на территории страны. Большинство из них считают, что власти не должны допускать концентрированного проживания мигрантов в отдельных городах и районах РФ. Но необходимо подчеркнуть, что естественная убыль населения РФ поддерживается также миграционным оттоком населения, как правило, в страны дальнего зарубежья. Для данного процесса характерны черты «утечки умов». Утверждается, что отток трудоспособного населения за границу в какой-то мере положительно влияет на проблему безработицы в государстве. Однако про отток высококвалифицированных специалистов нельзя этого сказать. Рабочая сила данного класса востребована в современной российской экономике. Интеллектуальная миграция подрывает устойчивость рабочей и, в частности, научно-технической составляющей экономической безопасности страны и может отрицательно сказаться на показателях экономического роста [Гаврилова 2011, с. 71].

Целостный взгляд на проблему влияния миграционных процессов на экономическую безопасность позволят сформировать следующие аспекты, выверенные М.А. Клеменсом:

1) влияние миграционных процессов на базовые характеристики экономической безопасности инерционно по своей сущности, поэтому важно разделять краткосрочный и долгосрочный эффекты;

2) при обеспечении экономической безопасности через управление миграционными процессами очень важно учитывать фактор дифференциации квалификационного уровня мигрантов, а также возможность их быстрой культурной адаптации. Необходимо отметить, что без минимального уровня культурной ассимиляции мигранту практически невозможно встроиться в экономические процессы страны-реципиента, а период адаптации тем быстрее проходит, чем ближе культурные среды страны-донора и страны-реципиента [Clemens 2018].

В Астрахани состоялся научный форум «Каспий 2021: пути устойчивого развития». Данный форум обозначил новое направление российской политики в Прикаспийском регионе — формирование здесь крупного научно-образовательного центра и укрепление взаимодействия с академическим сообществом других каспийских государств в рамках повестки всеобъемлющей безопасности. Представители российского вузовского сообщества считают, что наука и образование способны внести серьезный вклад в решение трех взаимосвязанных проблем региона — диверсификация экономики, повышение уровня жизни людей и сохранение экосистемы Каспия.

Прошлогодня ситуация в мировой экономике вновь продемонстрировала масштаб рисков, с которыми сталкивается Астраханская область, по-прежнему значительно зависящая от добычи углеводородов, которую ведут структуры «ЛУКОЙЛа» и «Газпрома». В прошлом году из-за падения цен на нефть и газ область недополучила порядка 12 млрд доходов. В связи с этим, сегодня требуется переустройство экономической модели Астраханской области, где практически отсутствуют предприятия глубоких переделов, что определяет ее зависимость от устойчивости рынка энергоносителей и группы консолидированных налогоплательщиков.

Астрахань сможет стать крупным региональным транспортно-логистическим хабом благодаря пересечению двух международных транспортных коридоров — Север — Юг и Восток — Запад. Для реализации этих амбиций власти предприняли большие усилия по развитию нового порта Оля в дельте Волги, был полностью реконструирован местный аэропорт, приведена в порядок автотрасса Астрахань — Махачкала. Кроме того, планы диверсификации предполагали, что потребности нефтяников ускорят развитие такой исторически сложившейся в регионе отрасли, как судостроение, а дополнительные доходы региону принесет развитие туризма.

Успехи этих начинаний оказались переменными. Туризм и гостеприимство в Астраханской области за последнее десятилетие действительно демонстрировали серьезный прогресс, чему способствовали мероприятия, посвященные 450-летию Астрахани в 2008 году — на

благоустройство города тогда удалось получить огромные средства, в том числе из внебюджетных источников. После этого Астрахань уже не раз принимала крупные международные мероприятия с участием глав прикаспийских стран, а совокупный турпоток к 2018 году достиг 2 млн человек.

Однако достижения в транспортно-логистической сфере оказались куда более скромными. В прошлом году грузооборот портов Астрахань и Оля составил всего 3,1 млн тонн, хотя в 2010 году только через астраханский порт переваливалось около 5 млн тонн грузов, а в первом грузовом районе порта Оля планировалось обслуживать до 8 млн тонн грузов. Одной из главных причин стагнации стало сокращение торговли с Ираном, который в 2017 году вновь оказался под американскими санкциями. Если добавить к этому регулярные проблемы с перевалкой нефти через порт Махачкалы, то общая картина выглядит неутешительно: доля России в совокупном грузообороте каспийских портов снижается.

Экономические и инфраструктурные проблемы провоцируют значительный отток населения. В начале прошлого года руководство Астраханьстата сообщило о смене базового демографического тренда: если прежде динамика численности населения шла по синусоиде, то за последние четыре года прошлого десятилетия регион столкнулся с устойчивым оттоком населения. В 2018—2020 годах население Астраханской области сократилось на 1,9%, упав ниже психологической отметки в миллион человек, при этом естественная убыль составила 3,1%, а миграционная — 16,5% [EurAsia Daily].

Таким образом, в условиях, когда экономика России не успевает перестроиться вслед за динамикой глобальных процессов, тотальными изменениями в структуре рынка, следует особое внимание уделять вопросам обеспечения стабильности регионов как гаранта общенациональной безопасности. Миграционные процессы оказывают воздействие на всевозможные стороны социально-экономической жизни общества. Следовательно, воздействие миграционных процессов неоднозначно, в общей сложности они являются ситуационно обусловленными и требуют непрерывного исследования и рассмотрения.

Литература

1. Указ... – Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» от 31 октября 2018 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310139/
2. Гаврилова 2011 – Гаврилова Т. М. Влияние миграционных процессов на экономическую безопасность России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. №27. С. 67-74.
3. Купрещенко, Кушхова 2020 – Купрещенко Н. П., Кушхова А.А. Факторы формирования миграционных потоков в современной России и их влияние на региональную безопасность // Вестник Московского университета МВД России. 2020. №5. С. 255–258.

4. Кушхова, Купрещенко 2021 – Кушхова А. А., Купрещенко Н. П. Повышение уровня экономической безопасности на основе регулирования миграционных процессов // Вестник Московского университета МВД России. 2021. №2. С. 255-259.
5. Лузина, Елфимова, Высоцкая 2019 – Лузина Т. В., Елфимова О. С., Высоцкая В. Г. Потенциал миграционных процессов в контексте обеспечения экономической безопасности // Общество: политика, экономика, право. 2019. №11 (76). С. 82-88.
6. Мамедов 2016 – Мамедов Н. Ф. Глобальные процессы и факторы, влияющие на миграцию в Каспийском регионе в современных условиях // Известия СПбГЭУ. 2016. №5 (101). С. 158-163.
7. Сессорulli 2009 – Сессорulli M. Migration as a security threat: internal and external dynamics in the European Union // Forum on the Problems of Peace and War in Florence. 2009. № 65/09. Pp. 214–243.
8. Clemens 2018 – Clemens M.A. Migration is a Form of Development: The Need for Innovation to Regulate Migration for Mutual Benefit, UN Population Division // Technical Paper, 2018. № 2017/8. New York: United Nations/.
9. EurAsia Daily – EurAsia Daily. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2021/05/28/rossiyskaya-nauka-vklyuchaetsya-v-kaspiyskuyu-strategiyu>
10. Massey 1988 – Massey D.S. Economic Development and International Migration in Comparative Perspective // Population and Development Review. 1988. Vol. 14. №3. Pp. 383–413.
11. Niebuhr 2010 – Niebuhr A. Migration and Innovation: Does Cultural Diversity Matter For Regional R&D Activity?: Migration And Innovation // Papers In Regional Science. 2010. №89(3). Pp. 563–585.

МИРОВОЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ И ВОЗМОЖНОСТЬ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИИ

Овезниязова Шахноза Улугбековна
Астраханский государственный университет
E-mail: sh.ovezniyazova@gmail.com

Аннотация: В данной статье рассмотрен мировой опыт государственного регулирования и развития логистических операций. Раскрыты особенности реализации основных методологических подходов к построению логистических систем и операций в зарубежных странах в условиях глобализации экономики с последующей конкретизацией механизмов их развития.

Ключевые слова: логистика, логистическая система, логистические операции, инфраструктура логистики, нематериальные логистические потоки.

Экономические механизмы развития государственного регулирования логистических операций являются объектом исследования в практике большинства зарубежных стран. За рубежом современные ученые-экономисты, менеджеры предприятий, предприниматели по мере накопления практического опыта, в том числе в области международных проектов, появления новой информации продолжают активно обсуждать проблемы логистических операций, их организации и обеспечения выхода на оптимальный экономический эффект.

Логистические исследования, реализуемые в зарубежной практике, носят как прикладной, так и теоретический характер. Выполняются различными научными и учебными центрами, отдельными специалистами, а также с привлечением научно-производственных и проектных структур, промышленных и транспортных предприятий. В зарубежной практике, изначально предполагалось, что логистическое управление включает вопросы относимые исключительно к управлению физическим распределением материальных потоков, сбыту продукции, которые были особенно популярны в 60-70-е годы, а также до 90-х годов. Данному аспекту посвящались специальные исследования, разработки, модели, описываемые в научно-периодических изданиях [Шабловская 2019, с. 101].

Значимость данного исследования заключается в том, что в современных условиях глобализации и ориентации на потребителя возникает острая необходимость развитой логистической системы в стране, в том числе и в России. Ведь одним из основных требований, предъявляемых потребителем, является бесперебойная своевременная поставка товара при минимальных издержках. Именно поэтому изучение и возможность применения мирового опыта государственного регулирования логистических операций имеет большое значение для России, поскольку экономика нашей страны все еще отстает от экономик многих зарубежных стран.

На современном этапе в области построения и повышения эффективности логистики, в мировой практике акцентируется внимание на прямую корреляцию материальных логистических потоков, с другими структурами, обслуживающими производство, в том числе с выходом на межнациональный и внешнеэкономический уровни.

В рамках эволюции рыночных отношений с учетом глобализации мировой торговли, интенсификации международных интеграционных отношений, значительный интерес ученых сосредоточился на решении проблем организации логистических операций. Проблемы организации логистических операций находят отражение в научных трудах Сергеева В.И., решение которых сосредоточено на поисках оптимальных организационных решений создания логистических центров [Сергеев 2018, с. 36].

Другие ученые, Костюнина Г. М., Баронов В. И., сосредоточили поиск решения проблем государственного регулирования логистических операций на

принципах исследования деятельности научно-технологических парков и их ролевого значения в логистическом менеджменте [Коровяковский 2018, с. 104]. Также определенные аспекты решения проблем регулирования логистических операций заложены в работах Корбетт Ф. посредством реализации аутсорсинговых проектов [Умбеталиев, Жаксыбаев 2018, с. 192].

Опыт европейских стран и США показывает, что сформированная логистическая система оказывает положительное влияние на экономику страны в целом. Также высок уровень необходимости регулирования логистических операций и для всех предприятий страны, так как она помогает в значительной мере снизить затраты на производство и реализацию, повысить эффективность использования ресурсов и сократить длительность производственного цикла.

Для определения уровня развитости логистической системы стран широко используется индекс LPI (Logistics Performance Index), являющийся одним из наиболее объективных показателей, позволяющих провести сравнительный анализ и помочь странам определить основные проблемы, возможности и перспективы дальнейшего развития в области логистики. Рейтинг позволяет проанализировать оценки 160 стран мира. За основу берутся 6 показателей: национальной таможни, инфраструктуры, системы международных перевозок, нормативной базы, транспортировки, бесперебойности поставок. Они оцениваются по 5 балльной шкале, а затем рассчитывается итоговое среднее значение. Данные рейтинга за 2020 год, предоставленные Всемирным Банком, представлены в таблице [World Bank...].

Таблица 1. Рейтинг LPI

Рейтинг	Страна	Значение LPI
1	Германия	4,20
2	Швеция	4,05
3	Бельгия	4,04
4	Австрия	4,03
5	Япония	4,03
6	Нидерланды	4,02
7	Сингапур	4,0
8	Дания	3,99
9	Великобритания	3,99
10	Финляндия	3,97
14	США	3,89
75	Россия	2,76

Из данных видно, что Российская Федерация находится лишь на 75 месте рейтинга, это означает, что существуют определенные преграды для развития слаженной логистической системы. Но это также является стимулом для проведения подробного анализа, выявления причин отставания, постановки конкретных целей и задач и, в конечном счете, реализации комплекса мер по усовершенствованию существующей системы. 210 Наибольшую долю стран в рейтинге занимают развитые страны Европы и США, так как логистический

сектор в них представляет собой интегрированную, широко развивающуюся систему [World Bank...].

Исследуя зарубежный опыт функционирования государственного регулирования логистических операций, по нашему мнению, можно обозначить экономические и организационные механизмы развития логистики, которые могут быть применимы к опыту функционирования рыночной экономики России.

В общем виде, экономические и организационные механизмы государственного регулирования логистических операций в рамках опыта зарубежных стран, представлены на рисунке.

Рисунок 1. Экономические и организационные механизмы государственного регулирования логистических операций в условиях в рамках опыта зарубежных стран

К экономическим механизмам государственного регулирования логистических операций следует отнести:

- государственная инвестиционная поддержка и развитие национальных железных дорог;
- государственная инвестиционная поддержка в решении экологических проблем автотранспортных сообщений;
- государственная инвестиционная поддержка развития национальных систем малого и среднего бизнеса;

- поиск точечных инвестиционных вложений в развитие макрологистических систем со сроками окупаемости менее 15-20 лет;
- инвестиции в развитие материальных и нематериальных макрологистических систем со стороны частного бизнеса.

К организационным механизмам развития логистических систем в условиях международной интеграции следует отнести:

- создание и динамичное развитие логистических центров и их эффективная интеграция с субъектами бизнеса и предпринимательства;
- создание и динамичное развитие инфраструктуры по обеспечению движения нематериальных логистических потоков (технопарки, инжиниринговые компании, контрактные производства, рекрутинговые и консалтинговые организации);
- международные ассоциации логистических операторов.

Таким образом, нашей стране необходимо интенсивно перенимать опыт этих стран, учитывая свои географические, экономические и иные особенности. Поэтому рассмотрим подробнее, в чем же заключаются основные преимущественные факторы этих стран.

- Внедрение информационных технологий. Создание программного обеспечения, которое охватывает все стадии жизненного цикла продукта, коренным образом влияет на коммуникационную систему, ведь это позволяет дистанционно отслеживать как материальные потоки, так и исполнение должного уровня качества. Пожалуй, это один из главных факторов в условиях повсеместного распространения IT-технологий.

- Значительный уровень ресурсных резервов. Речь идет об оптимизации размещения складских помещений, рациональном определении размера партий продукции, а также применении ресурсосберегающих инструментов.

- Предоставление дополнительных логистических услуг. Подразумевается осуществление складского хранения, перевозки готовой продукции для удовлетворения запросов потребителя. Также широко распространенным явлением выступает осуществление индивидуальных единичных поставок с использованием блокчейнов для минимизации временных издержек.

- Интегрированность. В Европейском союзе существует множество крупных транспортно-логистических компаний. Они позволяют распространять свою деятельность не только на территории одной страны, но и на множество других государственных субъектов. Это позволяет упростить прохождение таможенных пунктов, тем самым обеспечив своевременность поставок.

Исходя из особенностей зарубежных стран, рассмотрим какие же сложности возникают при построении широкой логистической системы в России.

- Низкий уровень развития инфраструктуры и состояния дорог. Требуются значительные инвестиции в данную сферу со стороны государства, чтобы достичь должного уровня.

- Неоптимальные маршруты поставки готовой продукции.

- Техническое и моральное устаревание как транспортных средств, так и грузовых терминалов. Россия отстает по техническому оснащению по сравнению не только с развитыми, но и развивающимися странами.

- Неоптимальное использование временных ресурсов. Из-за простоев значительно увеличивается риск несвоевременных поставок, что вызывает негативную реакцию потребителей.

- Возможные геополитические факторы, ограничивающие или усложняющие поставку товара в другие страны. Или же, например, необходимость пересекать границы государств для доставки в такие субъекты как Калининград, Крым.

- Естественные факторы (например, проблема передвижения водного транспорта в любое время года). Таким образом, мы видим, что достаточно крупный спектр проблем требует решения, важно отметить, что многие из них связаны именно с применением современных ресурсосберегающих транспортных технологий.

Следует рассмотреть возможные способы и подходы для преодоления существующих трудностей:

- Применение концепции логистики. Для того чтобы соответствовать мировым стандартам, необходимо не бояться изменений и коренным образом перестраивать методы ведения бизнеса. Ведь, как уже было сказано, мировые тенденции направлены на удовлетворение индивидуальных запросов потребителя во времени, при этом с минимальными издержками.

- Требуется широкое внедрение логистического менеджмента в организации, чтобы проводить постоянный мониторинг по взаимодействию с поставщиками и потребителями.

- Интеграция. Вступление России во Всемирную торговую организацию уже оказало положительное влияние на сферу логистики. Необходимо также создавать крупные логистические организации и внутри страны, для того чтобы обеспечивать взаимное сотрудничество на большой территории.

- Подготовка специалистов, способных внедрять на предприятие цепи поставок, для синхронизации разнородных единиц бизнес-процесса. - Учет следующих основных тенденций в настоящее время: поставка товаров "от двери до двери", предоставление комплексного логистического обслуживания, наличие эффективной системы финансовых потоков. - Усовершенствование законодательства и увеличение дотаций со стороны государства в данную сферу.

Литература

1. Коровяковский 2018 – Коровяковский Е.К. Международная логистика: учебное пособие. 2018. 296 с.

2. Семёнов 2020 – Семёнов Ю.Е. Терминология логистики // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 10-2 (68). С. 152-155.
3. Сергеев 2018 – Сергеев В. И. Общие тенденции развития логистических центров за рубежом // Логистика и управление цепями поставок. 2018. №5 (52). С. 35-39.
4. Умбеталиев, Жаксыбаев 2018 – Умбеталиев Н.А., Жаксыбаев К.Р. Организация и функционирование логистических систем зарубежных стран // Вестник Карагандинского университета. Серия: Экономика. 2018. Т.89. №1. С. 191-199.
5. Шабловская 2019 – Шабловская А.С. Совершенствование управления логистическими операциями / Логистика – евразийский мост. Материалы XIV Международной научно-практической конференции. Красноярский государственный аграрный университет. 2019. С. 458.
6. World Bank... – World Bank Report. URL: www.info.worldbank.org/etools.

ПОЗИТИВНЫЙ И НОРМАТИВНЫЙ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Муравьев Сергей Рудольфович
Астраханский государственный университет
E-mail: smuraviev@inbox.ru

Аннотация. В статье методология исследования теоретических и практических проблем экономической безопасности рассматривается с точки зрения ее нормативного и позитивного содержания. Выявляются особенности, противоречия и ограничения, свойственные нормативному, оценочному подходу к понятию и критериям экономической безопасности. Сделан вывод о том, что в рамках преимущественно нормативной методологии экономистам и политикам следует достигать высокой степени объективности при формировании целей, оценок и способов обеспечения экономической безопасности, опираясь на результаты позитивных исследований.

Ключевые слова: позитивный анализ, нормативный подход, экономическая безопасность, оценочное суждение, пороговые значения, стратегия.

При рассмотрении методологических подходов к проблеме экономической безопасности сложно не согласиться с утверждением, согласно которому «не существует абсолютно четкого различия между позитивной и нормативной экономической теорией», хотя следует «точно указывать, как и на каком этапе» ценностные суждения «вторгаются в экономическое рассуждение» [Блауг 2004, с. 203]. С одной стороны, очевидно, что угрозы и условия безопасности имеют объективную природу, с другой – оценка степени

безопасности требует определения некоторых норм, а меры по ее обеспечению – расстановки приоритетов.

Прежде всего для предмета статьи важно провести разграничение между позитивным и нормативным анализом, или подходами к проблемам в экономической науке и практике.

Позитивный анализ ищет ответы на вопросы «что было» (какие факты имели место), «что есть» (какие процессы и явления имеют место), «что будет» (что изменится в результате каких-либо действий или действия определенных факторов), выявляет причинно-следственные связи, эффекты влияния законов и правил. Модели, построенные в рамках позитивного анализа, используются для прогнозирования.

Нормативный подход к проблеме дает рекомендации относительно того, «что должно быть» (расстановка приоритетов), «что следует предпринять» (например, отвечать на вопрос, что органы государственной власти должны делать для обеспечения экономической безопасности).

Грани между «нормативным» и «позитивным» начинают стираться, когда мы переходим к процедуре оценивания, особенно, если речь идет не об оценке соответствия факта субъективным критериям, а о сопоставлении значений социально-экономических, финансовых показателей некоторым законодательно определенным или общепринятым нормативам. Конечно, сравнение факта и нормы отвечает на вопрос «что есть». Однако выводы и результат оценки зависят от критериев, которые стали ответом на вопрос «что должно быть». И мы можем спорить о самих критериях, но не о самом факте соответствия. Убедительность нормативных суждений обычно обеспечивается результатами позитивного анализа имеющегося опыта, прогнозов, выводами моделей.

Но между фактами и предложениями о направлении действий нет однозначной связи, поскольку всегда имеются альтернативные способы ответа на вопрос «что следует предпринять». И если выбор одной из альтернатив действий на основе сравнения выгод и затрат кажется объективным, следует учесть, что суждение о выгодах и затратах требует выражения их ценности. И как только изменяется наше представление о ценностях (например, важными становятся не только затраты и результаты в денежном выражении), меняются и результат оценок.

Хотя результаты позитивного анализа могут быть оспорены, именно оценочные суждения чаще всего вызывают полемику. Критерий опровержимости, возможность в принципе подтвердить или опровергнуть гипотезу определяет позитивный анализ и отделяет от нормативного.

Научные споры и исследования, касающиеся содержания понятия экономической безопасности, являются частью нормативной методологии, призванной дать ответ на вопрос, как экономисты должны понимать термин «безопасность» с экономической точки зрения. Вместе с тем, в процессе раскрытия понятия используются позитивные суждения о наличии факторов внешней и внутренней среды, о проявлении свойств экономических объектов, о передаточных механизмах экономической политики.

Во многом многообразии дефиниций экономической безопасности в научных исследованиях, появившейся в первом десятилетии 2000-х годов, отражало отсутствие четкого законодательного определения этого понятия в Государственной стратегии экономической безопасности, утвержденной в 1996 году (далее – Стратегия 1996).

Подробное изложение имеющихся в литературе определений экономической безопасности приводится в монографии Е. И. Кузнецовой, констатирующей отсутствие единого понимания этой категории [Кузнецова 2017, с. 9]. Большинство экономистов поддерживают точку зрения И.Я. Богданова [Богданов 2001 с. 22], согласно которой важнейшими свойствами экономической системы, отражающим способность выдерживать нагрузки и формировать возможности выживания, является устойчивость и развитие, и считают наличие таких свойств характеристикой состояния экономической безопасности.

Обращает на себя внимание то, что многие авторы дефиниций начинают формулировку со слов «состояние экономики». Дальнейшее изложение делает акцент либо на «гарантированной защите», «защищенности» конкретных характеристик этого состояния, либо на характеристике этого состояния как способности государства самостоятельно обеспечивать достижение качественно выраженных прогрессивных экономических и социальных целей.

Сложно сказать, насколько разработчики Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной в 2009 году, ориентировались на содержание научных публикаций и дискуссий. Но термин «национальная безопасность» получил нормативное определение как состояние «защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз», которое позволяет обеспечивать права, свободы, качество жизни граждан, суверенитет и устойчивое развитие России. Это определение было воспроизведено в Стратегии национальной безопасности 2015 года и несколько изменено в новой стратегии 2021 года в части формулировки состояния защищенности как «защищенности национальных интересов Российской Федерации».

Стратегия-2015 вместе с законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (28 июня 2014 года № 172-ФЗ) стала основой для разработки и реализации Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (далее – Стратегия-2017). Трактовка экономической безопасности в Стратегии-2017 дается на основе определения национальной безопасности и лишь конкретизирует его применительно к экономической системе как «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов». Обратим также внимание на трактовку угроз и рисков в Стратегии-2017. Угроза представляет собой условия и факторы, создающие возможность нанесения ущерба национальным интересам в экономической сфере; риск – возможность ущерба при реализации угрозы.

Некоторое отступление от предмета статьи объясняется тем значением, которое имеет понимание безопасности для формирования методологии экономической безопасности.

В литературе есть мнение, что недостатком восприятия экономической безопасности как «состояния защищенности» является сведение безопасности только к адаптационной способности экономики, а это не требует прогнозирования развития [Кузьменко 2016, с.12]. На самом деле в приведённых определениях нет неполноты. Мало того, в них в неявном виде заложен аспект динамики, развития общества и экономики в условиях действия механизма обеспечения безопасности, который должен включать прогнозирование угроз. Проблемы теории безопасности лежат в другой плоскости.

«Стратегические» определения безопасности можно представить как гипотезу: если, несмотря на наличие или реализацию угроз, обеспечивается суверенитет, самостоятельное устойчивое развитие и условия для реализации национальных приоритетов, значит, обществу, институтам власти и экономической системе обеспечивается безопасность. Формулировка гипотезы может быть и обратной по логике: существует такое состояние защищенности, при котором реализация угроз не приводит к ущербу для независимости, для устойчивого развития и условий реализации национальных приоритетов.

Подобного рода гипотезы в принципе нельзя опровергнуть или подтвердить эмпирически. Например, в отношении сохранения суверенитета при наличии соответствующей угрозы нельзя исключить, что этот факт стал не следствием состояния защищенности, а переоценки риска. Следовательно, гипотеза неопровержима. Возможно, сохранение экономического суверенитета потребует компенсации в виде ухудшения условий для экономического развития или для реализации некоторых национальных интересов. Вряд ли в такой ситуации можно строго утверждать, что обеспечивается или не обеспечивается безопасность. Между тем, подобный конфликт целей всегда сопровождает решения в экономической политике.

Это не значит, что государство в принципе не может обеспечить состояние защищенности национальной экономики от внутренних и внешних угроз, также как нельзя утверждать, что оно не способно улучшить общественное благосостояние. Однако следует повторить вывод, сделанный Кеннетом Эрроу в результате парадоксального результата при подтверждении им второй фундаментальной теоремы экономической теории благосостояния: это невозможно формально доказать. Как будет показано далее, проблема с объединениями предпочтений индивидов повторяется в ином аспекте при объединении оценок угрозы для различных национальных экономических интересов и сфер, требующих защищенности.

«Безопасность», в том числе экономическая, является категорией нормативного анализа и представляет собой оценочное суждение по поводу степени защищённости того или иного объекта от влияния конкретных потенциальных или реальных негативных факторов. В свою очередь, степень

защищённости – обратная сторона оценки риска как вероятности нанесения ущерба.

Для того чтобы выносить оценочное суждение, мы должны иметь, с одной стороны, информацию о фактических характеристиках, свойствах объекта или процесса, а с другой стороны – представление о норме, с которой будет сравниваться факт.

В рамках позитивного анализа экономисты избегают определения норм (одно из исключений – экономическая эффективность, выраженная через отношение денежных ценностей), хотя эти нормы могут определяться по результатам их исследований (пример – темп роста ВВП, сохраняющий полную занятость, согласно закону Оукена). Но метод оценки экономической безопасности требует обязательного наличия как показателей, так и норм, то есть характеристик состояния процесса или объекта и их индикаторов – пороговых значений. При этом существует различное понимание того, какую роль играют в системе обеспечения безопасности критерии оценки. Так, одно из мнений состоит в том, пороговые значения определяют границы, при которых страна (регион) будет находиться в зоне экономической безопасности, но они не позволяют определить уровень экономической опасности [Александров 2019, с. 2839].

В этом высказывании имеются противоречия. Оценить «зону экономической безопасности» можно только имея представление об уровне угрозы и механизмах ее нейтрализации. И все же указание на то, что критерии «не позволяют определить уровень экономической опасности», заслуживает внимания, только в другом контексте. В конце концов, для определения уровня опасности можно разработать «несколько критериев по оценке каждого риска», как предлагают некоторые экономисты [Сапожникова 2021, с. 11].

Относительно верным представляется понимание, которое было сформулировано в общих положениях Стратегия 1996, и согласно которому выход за пороговые значения состояния экономики вызывает угрозу экономической безопасности. «Относительным» – с точки зрения логики – это определение является потому, что оно верно в том случае, если рассматриваемые значения частных показателей состояния экономики являются индикаторами риска для состояния экономической системы.

Будет правильным утверждать, что выход за пороговые значения следует воспринимать как угрозу безопасности (поскольку эти значения обосновывались именно с этой целью), но нельзя сказать, что соответствие экономических показателей допустимым значениям означает отсутствие угрозы. Например, если показатели продовольственной независимости не достигают нормативных значений, которые определены Доктриной продовольственной безопасности (далее – Доктрина-2020), то это создает потенциальную угрозу для обеспечения населения страны продовольствием. Но если нормативы соблюдаются и даже превышены, то это не свидетельствует о том, что отсутствуют «условия и факторы, создающие возможность нанесения ущерба» в этой сфере (например, природные катаклизмы). При наличии угрозы такого рода риск как «возможность ущерба при реализации угрозы» зависит от

уровня самой опасности и механизмов обеспечения безопасности (продовольственных резервов, возможностей закупок импортного продовольствия).

В целом, выработка пороговых значений показателей является одной из уязвимых мест методики обеспечения экономической безопасности.

Стратегия-1996 в отличие от ее аналога 2017 года в явном виде предполагала, что состояние экономики в соответствии с требованиями безопасности «должно характеризоваться определенными качественными критериями и параметрами (пороговыми значениями). Показатели экономической безопасности и органы, ответственные за разработку количественных и качественных параметров безопасности, были перечислены Постановлении Правительства РФ от 27 декабря 1996 г. № 1569 «О первоочередных мерах по реализации государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации». Но, по-видимому, как неопределенность, изменчивость состояния экономики 1990-х годов, так и методологические трудности стали препятствием для решения этой задачи. Стратегия-2017, расширив перечень до 40 показателей экономической безопасности, не содержит в своих положениях указаний на методы и перспективы разработки их допустимых значений.

Какое-то время внимание экономистов привлекал комплекс пороговых значений показателей функционирования российской экономики, разработанный С. Глазьевым в конце 1990-х годов. Однако эти критерии стали объектом критических публикаций, в которых обосновывалась их необоснованность и неприменимость даже в развитых странах [Илларионов 1998]. И до настоящего времени подходы к разработке критериев являются предметом научных дискуссий. В рамках альтернативных методик предлагается использовать метод аналогий со странами, сходными по уровню и динамике развития, метод экспертных оценок на основе учета опыта зарубежных стран, среднемировых показателей и тенденций, а также математические модели и методы [Криворотов 2019, с. 896].

На выработку критериев безопасности помимо результатов позитивных исследований влияют политические приоритеты, оценка возможностей экономики и органов государственного регулирования. Поэтому, несмотря на отсутствие видимого прогресса в решении противоречий между подходами к критериям безопасности, имеются пороговые значения относительных показателей государственного внутреннего и внешнего долга, а также финансовые правила (предельный размер заимствований, бюджетного дефицита и пр.), содержащиеся в нормативных правовых актах и методических документах, разработанных исполнительными органами власти федерального уровня.

Если устойчивость – свойство системы, наличие которого характеризует безопасность, то показатели, имеющие непосредственное отношение к долговой и бюджетной устойчивости, в полной мере можно назвать индикаторами безопасности. Они отражают относительные характеристики состояния бюджета и долговых обязательств, поэтому их пороговые значения

не требуют пересмотра на длительных временных интервалах, как правило являясь общепринятыми во многих странах. И все же само наличие нормируемых показателей бюджетной устойчивости (при отсутствии норм для других показателей) главным образом определяется возможностью требований их исполнения. В конце концов, критерии для оценки фактов (в том числе с точки зрения безопасности и эффективности) выбирает тот, кто имеет на это соответствующие полномочия. И даже критерий экономической доступности продовольствия нельзя в полной мере назвать исключением из этого правила. Этот индикатор продовольственной безопасности, устанавливающий нормы потребления пищевых продуктов населением, в отличие от норм для других показателей, имеет объективную основу, связанную с биологическими потребностями человека.

В отличие от Доктрины-2020 предыдущая доктрина продовольственной безопасности (2010 г.) имела систему индикаторов экономической доступности продовольствия, а не единственный показатель потребления пищевых продуктов в расчете на душу населения. Этот усредненный показатель в Доктрине -2020 не отражает требования безопасности для малообеспеченных групп населения, что послужило почвой для критики.

Высший уровень опасности связан с вероятностью ущерба, после которого объект перестает функционировать или теряет целостность. Способность измерения некоторого «запаса прочности» в естественных науках позволяет достаточно точно прогнозировать его значение. Общественные науки, в число которых входит и экономическая наука, имеет дело с социальными системами, свойства которых определяются изменчивыми свойствами и взаимодействиями множества элементов, и почти лишена возможности, а в большинстве случаев – необходимости таких ориентиров.

Поэтому, согласны мы с этими ценностями или нет, задача Доктрины-2020 – обеспечение национальной продовольственной безопасности, а не отдельных групп населения. Как было указано в одной из статей в отношении угроз для субъектов различных уровней экономического пространства: «для страны в целом ущерб по уровням не складывается в общий» [Чекмарев 2020, с. 345].

И в силу несовершенной информации, и из-за различной значимости угроз для различных элементов экономической системы, конфликта между возможностями обеспечить желаемые состояния макроэкономических переменных, нельзя вывести некоторую агрегированную функцию риска для всей экономики и, основываясь на ней, обеспечить оптимальную экономическую безопасность. Неизбежно придется расставлять приоритеты и принимать решения относительно того, для каких сфер и объектов экономики (даже в ущерб другим) обеспечивать «гарантированную защиту». Многочисленные показатели безопасности не позволяют однозначно выявить степень экономической безопасности экономической системы на национальном или региональном уровне, если не предусмотрено основного (приоритетного) оценочного показателя. Кроме того, в этом нет практического смысла, что

можно пояснить на примере применения метода «комплексной оценки экономической безопасности предприятия» [см. Сапожникова 2021, с. 13-14].

Этот предлагаемый метод предполагает расчет сводного коэффициента на основе финансовых показателей, показателей движения кадров, состояния и использования основных средств и фактически выявляет усредненный уровень соответствия результатов финансово-хозяйственной деятельности предприятия их «нормальности». Интегральный коэффициент, конечно, можно интерпретировать как индикатор угрозы. Но для разработки мер по обеспечению экономической безопасности (нормализации ситуации) он не имеет значения. Если, предположим, коэффициенты финансовой устойчивости, ликвидности и платежеспособности сигнализируют о проблемы финансового состояния, лишь они важны для выявления рисков с учетом имеющихся резервов ликвидности и возможностей финансирования. Но даже в этом случае правомерность оценки проблемы может быть оспорена. Так, немецкий специалист в области экономики предприятия Х. Ширенбек указывает на то, что нормативы «разумного финансирования», в частности нормативное значение коэффициент автономии, теоретическому обоснованию не поддаются, а их соблюдение не создает гарантии финансовой устойчивости. Но эти правила важны на практике, потому что в них верят [Ширенбек 2005, с. 746].

Будет ошибкой отрицать значимость ориентиров, норм для наших оценок и действий. Речь идет только о том, что необходимо учитывать «подводные камни», свойственные нормативному подходу к экономической безопасности.

По мнению Дж. Харсаньи, ценностные суждения могут быть объективно обоснованными и необоснованными. Одобрение экономистом выбора средства достижения цели будет обоснованным, если оно основывается на подтвержденной предпосылке о причинно-следственной связи этого инструмента и целевого результата. То же следует сказать о выборе цели, которую экономист считает привлекательной, если верна предпосылке о ее определенных свойствах [Харсаньи 2004, с. 856]. Такая объективность не выходит за рамки нормативного подхода, но создает основу принятия рациональных решений по обеспечению экономической безопасности.

Заметим, что при обосновании инструмента происходит одновременное одобрение соотношенных с целью эффектов его применения, а также признание того, что достижение цели необходимо. Как отметил М. Блауг, царство того, «что есть», постоянно вторгается в царство того, «что должно быть». А то, что есть, постоянно оценивается в свете утверждений о том, что должно быть [Блауг 2004, с. 222]. Это методологическое замечание достаточно точно описывает взаимное пересечение позитивного и нормативного подходов к проблеме экономической безопасности.

Вывод, который следует из вышеприведенных рассуждений, состоит в том, что методологические основы политических решений в сфере целеполагания, разработки критериев оценки безопасности, а также в сфере выбора средств и направлений обеспечения безопасности представляют собой нормативный поход к проблеме. И следует представлять себе его неизбежные ограничения при ее решении. Тем не менее, в основе наших решений и

действий всегда лежат более и менее объективные оценки. Для того чтобы подход к решению проблемы претендовал на определенную «научность» и «объективность», методология теории и практики экономической безопасности должна опираться на результаты экономических исследований, находящихся в плоскости позитивной теории, и раскрывающих действие передаточных механизмов национальной экономической политики, прямых и возможных косвенных эффектов влияния политических инструментов на элементы хозяйственной системы.

Литература

1. Александров 2019 – Александров Г.А., Розов Д.В., Скворцова Г.Г. К вопросу о показателях национальной экономической безопасности: исторический и современный аспекты // Экономические отношения. 2019. Т. 9. № 4. С. 2833-2850.
2. Блауг 2004 – Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. Пер. с англ. / Науч. ред. и вступ. ст. В.С. Автономова. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. 416 с.
3. Богданов 2001 – Богданов И.Я. Экономическая безопасность России: теория и практика. М.: ИСПИ РАН, 2001. 348 с.
4. Илларионов 1998 – Илларионов А. Критерии экономической безопасности // Вопросы экономики. 1998. №10. С. 35-58.
5. Криворотов 2019 – Криворотов В. В., Калина А.В., Белик И.С. Пороговые значения индикативных показателей для диагностики экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2019. Т. 18. № 6. С. 892-910.
6. Кузнецова 2017 – Кузнецова Е. И. Экономическая безопасность и конкурентоспособность. Формирование экономической стратегии государства: монография. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 239 с.
7. Кузьменко 2016 – Кузьменко В.В. Экономическая безопасность: исторический подход к определению сущности // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2016. № 3. С. 9-17.
8. Сапожникова 2021 – Сапожникова С.М., Рейхерт Н.В. Экономическая безопасность: теоретические и практические подходы: монография. Чебоксары: ИД «Среда», 2021. 120 с.
9. Харсаньи 2004 – Харсаньи Дж. Ценностные суждения / Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена: Пер. с англ. М.: Инфра-М., 2004. С. 855-857.
10. Чекмарев 2020 – Чекмарев В.В. Теория экономической безопасности: эволюционный аспект // Экономическая безопасность. 2020. Том 3. № 3. С. 335-350.
11. Ширенбек 2005 – Ширенбек Х. Экономика предприятия: Учебник для вузов. 15-е изд. /Пер. с нем. Под общ. Ред. И. П. Бойко и др. СПб: Питер, 2005. 848 с.

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ В ПЕРИОД КОРОНАКРИЗИСА

Овезниязова Шахноза Улугбековна
Астраханский государственный университет, Россия
E-mail: sh.ovezniyazova@gmail.com

Аннотация: *В рамках данной статьи были проанализированы основные аспекты регулирования логистических операций в период коронакризиса. В связи с чем, первоначально были определены основные понятия, характеризующие данную тему, такие как: логистика, логистическая операция. Проведен обзор данных осуществления логистических операций в период коронавируса, а также обозначены направления их государственного регулирования.*

Ключевые слова: *логистика, логистическая операция, логистический поток, государственное регулирование логистических операций, коронакризис.*

Логистика как технология управления материальными потоками востребована в практической деятельности за счет того, что изменение регулярности и надежности поставок, соотношение платных и бесплатных сопутствующих услуг способствует повышению экономической эффективности деятельности коммерческих и некоммерческих организаций.

В первую очередь следует разобраться с понятиями. Самое емкое и понятное понятие логистики приводит в своем исследовании А.П. Лукиных: «Логистика – наука об организации и управлении материальными и сопутствующими им информационными и финансовыми потоками в цепях поставок» [Лукиных 2019, с. 6]. Следует согласиться с позицией данного автора, поскольку оно включает все основные составляющие логистики.

По мнению В.А. Шумаева, логистическая операция - самостоятельная неделимая часть технологического или организационного процесса логистики, выполняемая с помощью только одного технического устройства в одном месте материального потока [Шумаев 2016, с. 21].

В рамках данной статьи были проанализированы особенности реализации логистических операций в период распространения коронавирусной инфекции. Актуальность данного вопроса связана с тем, что распространение коронавируса нанесло серьезный удар по мировой логистике и обеспечению цепочки поставок сырья и готовой продукции. Так, 7 апреля крупные международные организации: Международный союз дорожного транспорта (IRU) и Международная федерация работников транспорта – опубликовали открытое письмо к правительствам всех стран с просьбой о поддержке транспортной отрасли в условиях распространения COVID-19. Кризис вызвал дисбаланс грузопотоков, связанный с изменениями спроса, приостановкой производств и введенных ограничений. В связи с этим фактором правительства государств и международные организации должны присвоить наивысший

приоритет поддержке непрерывности и прочности цепочек поставок [Логистические тренды...].

Основные мировые логистические тенденции:

1. Снижение грузопотока в мировом и локальных масштабах. Причины очевидны: закрытие границ стран, массовое закрытие торговых точек, рост курса доллара, изоляция населения, снижение спроса и покупательной способности, а также состояние страха и неопределенности у потребителей. Многие фабрики и заводы по всему миру закрыты на карантин – перевозить становится нечего и некому.
2. Отсутствие простых, понятных правил игры в условиях карантина для представителей логистического рынка.

В таких условиях рациональный процесс реализации логистических операций невозможен без эффективной системы государственного регулирования.

Прежде отметим, что рыночная экономика в её «чистом» виде не существует, поскольку наряду с частным сектором, в том или ином виде и объёме в ней представлен государственный сектор. Основное отличие государственных структур, от частных, входящих в логистическую систему состоит в том, что главная цель последних состоит в получении прибыли. Перед государственными структурами кроме коммерческих ставятся цели социально-экономического характера, связанные с решением общенациональных задач. Размеры и влияние государственного сектора на экономику в разных странах различны. Государственные органы власти во многих странах стали основными потребителями в таких секторах экономики, как транспорт, энергетика, здравоохранение, социальная защита, образование. По данным Всемирного банка (2020) мировые государственные закупки составляют 11 трлн долл. США, или 12% от общего мирового ВВП (90 трлн долл. США). В странах Европейского союза расходы более чем 250 000 государственных органов власти на закупку товаров, работ и услуг превысили 14% ВВП (около 2 трлн. евро) [Логистические тренды...].

Расширение сектора государственных закупок сопровождается глобальными трансформациями в проектировании логистических операций. Мировые логистические центры берут на себя роль координатора логистических операций, внедряя новые цифровые инфраструктурные модели поддержки пространственного единства партнёров. Возникает необходимость переосмысления роли государственных элементов-звеньев в цепочках создания стоимости, адаптации государственного регулирования логистических потоков к современным условиям развития экономики.

Сильной стороной преобразований в государственном секторе экономики стали современные цифровые разработки, расширяющие возможности участников рынка подключаться к закупкам в удобный для них временной интервал и из любой точки мира. При этом онлайн-закупки сопровождаются усложнением логистических организационных форм, что связано с формированием адекватной институциональной и юридической базы для государственного регулирования цепей поставок [Борисова 2021, с. 52].

Цифровая трансформация схем реализации логистических операций – основной фактор изменений в действующей системе государственного регулирования цепей поставок. «Новые формальные и неформальные институты возникают по воле и вопреки воле государства. И в том, и в другом случае важны регуляторные и законодательные ограничения институционального обновления цифровой логистики; нужно опережающее законодательство, то есть, упреждающее возникновение проблем и рисков. В практическом плане это может быть реализовано путём запуска экспериментальных площадок, «законодательных песочниц» для отраслей или территорий, где разрешается развитие новых технологий без немедленной правовой ответственности, но под пристальным наблюдением регуляторов. Это нужно для беспилотного транспорта, для финтеха, для анализа больших данных. Так будут созданы условия для реализации процедуры быстрой обратной связи, когда проблемы и риски, возникающие в области новых технологий, приводят к быстрому изменению законодательства, к постоянной точной настройке его регулирования» [Ермаков 2018, с. 18].

В условиях коронакризиса экономическая роль государства существенно возросла. Для противодействия вызовам коронакризиса, обусловленного пандемией и стабилизации макроэкономической ситуации потребовалось государственное регулирование экономики, сопоставимое с действиями органов власти в чрезвычайных ситуациях. При координации реализации логистических операций особое внимание уделялось поддержке предпринимателей и граждан. Государственные заказы формировались в условиях крайней срочности выполнения поставок товарно-материальных ценностей; сокращались сроки проведения тендеров, разработки технических заданий, проектной, сметной и другой документации.

К базовым принципам международного прокьюрента относят: конкуренцию, прозрачность, открытость, подотчётность, справедливость и эффективность проведения государственных закупок. Приоритеты социально-экономической политики конкретной страны часто дополняют международные законодательные акты, и соглашения в части организации и регулирования системы государственных закупок. Экономическая ситуация, сложившаяся в результате коронакризиса, нарушение работы цепей поставок потребовала от государственных органов управления быстрых и гибких мер противостояния вызовам пандемии COVID-19.

В условиях коронакризиса особо востребованным стало сотрудничество между государствами, применение инструментария государственно-частного партнёрства и цифровизации закупочных процедур. Продуманная и сбалансированная политика по закупкам в условиях чрезвычайной ситуации обеспечивалась налаживанием механизма централизации и координации закупок в цифровом формате. В России в условиях эпидемии государственные органы принимают решение о внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ФЗ-44) [Эглит и др. 2019, с. 15].

В соответствии с изменениями, пандемия была признана обстоятельством непреодолимой силы и фактором чрезвычайного непредотвратимого характера, или форс-мажором. Электронный формат государственных закупок, использование цифровых инструментов при разработке каталогов поставщиков, позволили ускорить логистические операции в цепях поставок и расширить круг поставщиков. Минимизация роли государства в некоторых странах Европейского союза в условиях коронакризиса признана стратегической ошибкой. В кризисной ситуации востребована логистика мобилизационного типа; возникает потребность применения научно-методического арсенала военной логистики [Борисова 2021, с. 50].

С позиции логистики мобилизационного типа разрабатывается стратегия регулирования потоковых процессов централизованными методами. Звенья логистической системы сосредоточены на выполнении чрезвычайных задач и для этого используются все чрезвычайные средства. Ключевыми признаками логистической системы, функционирующей в условиях кризиса, становятся: противодействие факторам угрозы целостности системы и концентрация усилий элементов-звеньев на решение задач мобилизации всех ресурсов для достижения заявленной (чрезвычайной) цели. «Для логистических систем хозяйства мобилизационного типа присущи следующие признаки: принцип главного звена; принцип целевой направленности; принцип неукоснительного выполнения заявленной цели; принцип мотивации участников; принцип командной работы; принцип сильной власти (ключевая роль центра координации), принцип дискретности» [Ермаков 2018, с. 52].

Россия продемонстрировала использование инструментов логистики мобилизационного типа в период мирового коронакризиса. Пандемия COVID-19 внесла изменения в государственное регулирование цепей поставок. Правительством России был взят ориентир на мобилизующую функцию и согласование действий всех элементов-звеньев системы для достижения чрезвычайных целей (поставка медицинского оборудования и лекарственных препаратов, строительство и/или передислокация объектов здравоохранения, инвестиции в разработку противовирусных вакцин и др.).

Итак, государственное регулирование логистических операций становится важным фактором поддержки сбалансированного развития хозяйства и стимулом экономического роста страны.

Литература

1. Борисова 2021 – Борисова В.В. Цифровая трансформация институционального обеспечения логистической инфраструктуры региона // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2021. №2(70). С. 45–53.
2. Ермаков 2018 – Ермаков Д.С. Экономическо-правовые основы регулирования транспортно-логистических операций во внешнеэкономической деятельности / Современная экономика: актуальные

вопросы, достижения и инновации. Сборник статей XXI Международной научно-практической конференции. 2018. С. 17-23.

3. Логистические тренды... – Логистические тренды 2020–2021 года: влияние пандемии COVID-19 на перевозки. URL: <https://www.retail.ru/articles/logisticheskie-trendy-2020-2021-goda-vliyanie-pandemii-covid-19-na-perevozki/>
4. Лукиных 2019 – Лукиных А.П. Логистика. Современные проблемы развития // Бенефициар. 2019. № 38. С. 6-9.
5. Шумаев 2016 – Шумаев В. А. Основы логистики: учеб. пособие / В. А. Шумаев. - М.: Юридический институт МИИТ, 2016. - 314 с.
6. Эглит и др. 2019 – Эглит Я.Я., Эглите К.Я., Ковтун А.А., Дмитриев А.А. Возможности применения современных методов в регулировании логистических потоков на транспорте // Системный анализ и логистика. 2019. № 3 (21). С. 13-20.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА: ИННОВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Тошпулотов Алишер Аминович
Российско-Таджикский (Славянский) Университет
E-mail: a.toshpulotov@yandex.com

Аннотация: *Экономическая безопасность – это область научного знания, в рамках которой изучают состояние экономики, при котором обеспечивается достаточно высокий и устойчивый рост экономических показателей; эффективное удовлетворение экономических потребностей; контроль государства за движением и использованием национальных ресурсов; защита экономических интересов страны на национальном и международном уровнях. В статье экономическая безопасность рассматривается как показатель степени защищенности хозяйствующего субъекта, его производственных и социальных отношений от негативного влияния внешних или внутренних факторов, как способность повышать благосостояние народа, как возможность определять внешнюю и внутреннюю политику экономического развития и формировать национальную безопасность. Автор раскрывает инновационную безопасность страны как систему взаимодействия субъектов (государственный сектор, частно-предпринимательский сектор, система образования, независимая экспертиза, конечный потребитель) национальной инновационной системы, обеспечивающую защищенность экономики от внешних и внутренних угроз в научно-технической, интеллектуальной, информационной, инвестиционной сферах, а также в сфере высшего образования. Исследуется взаимосвязь инновационной экономики и экономической безопасности страны, анализируются внутренние и внешние угрозы инновационной безопасности Российской Федерации и их причины, влияние составляющих инновационной экономики на экономическую безопасность страны. В результате проведенного исследования делается вывод о необходимости разработки комплекса мер по повышению эффективности внедрения механизмов обеспечения региональной инновационной безопасности, вносятся предложения по снижению выявленных угроз.*

Ключевые слова: *инновации; безопасность, экономическая безопасность, инновационная безопасность; экономическая безопасность, экономический рост.*

Экономическая безопасность государства предполагает наличие системы, функционирование которой позволяет обеспечить экономическую независимость и эффективность, способность к саморазвитию и прогрессу национальной экономики, конкурентоспособность, стабильность и устойчивость.

В нынешней международной геополитической и экономической ситуации это является приоритетом для развития стабильной экономики, обеспечивающей достойный уровень жизни и позволяющей защитить себя от внешнего давления.

В современных условиях безопасность государства заслуживает особого внимания, поскольку она тесно связана с усиливающейся глобализацией мировой экономики и нарастанием глобальных проблем.

Изучив различные трактовки понятия экономической безопасности, мы считаем, что ее можно охарактеризовать как показатель степени защищенности хозяйствующего субъекта, его производственных и социальных отношений от негативного влияния внешних или внутренних факторов, способности улучшать благосостояние людей, способности определять внешнюю и внутреннюю политику экономического развития и формировать национальную безопасность.

Большинство авторов экономическую безопасность характеризуют как устойчивость экономической системы, другими словами, прочность и надежность ее элементов, вертикальных, горизонтальных и других связей внутри системы, способность выдерживать внутренние и внешние нагрузки.

Современные тенденции развития государства предусматривают постоянный мониторинг внешних и внутренних угроз, которые в последнее время нарастают в связи со сложными взаимоотношениями России и стран запада, нестабильностью ситуации на рынке энергоресурсов в мире, постоянными колебаниями на валютном и финансовом рынках как в мире, так и в России. Все это требует от государства выявления внешних и внутренних угроз экономической безопасности и снижения их негативного влияния с помощью специально разрабатываемых государственных программ.

Такие авторы, как В. Серебрянников, А. Хлопьев прямо отмечают, что экономическая безопасность государства представляет собой деятельность населения, предприятий, государства по выявлению внешних и внутренних угроз и снижению их негативного влияния на экономику государства [Серебрянников 1996, с.62].

Выделяют внешние и внутренние угрозы экономической безопасности государства.

Основными угрозами экономической безопасности государства в сфере товарного рынка являются:

- ориентация экономики России на сырьевые рынки, высокая доля сырьевого экспорта в совокупном объеме и структуре экспорта государства;
- высокая доля вынужденного импорта в общей структуре импорта государства;
- недостаточный государственный контроль экспортной деятельности в России;
- недостаточное развитие государственной поддержки конкурентоспособности отечественной продукции на внешних товарных рынках, рынках технологий и инноваций и т.д.;
- сложность в получении разрешений в экспортной и импортной деятельности;
- слабое развитие транспортной инфраструктуры, которая обеспечивает импортную и экспортную деятельность в России;
- низкий уровень конкурентоспособности отечественных товаров на внутреннем рынке России, что влияет на высокий объем импортной продукции;
- деформация отечественной экономики и недостаточный рост экономики России, а также слабая устойчивость экономики Российской Федерации к различным изменениям внутри государства;
- незаконный вывоз природных ресурсов из России;
- неплатежи по экспортируемым Россией в страны СНГ энергоресурсам;
- сильная зависимость национальной экономики от цен на нефть на мировом рынке;
- инфляционные процессы в экономике Российской Федерации, что мешает активному развитию производственной и экономической деятельности в государстве.

Основными угрозами экономической безопасности государства в сфере денежно-кредитного, финансового и валютного рынка являются:

- нестабильность банковской системы России;
- санкционная политика стран европейского Союза и США, направленная на сдерживание экспортной деятельности Российской Федерации, и ограничение доступа финансовым институтам России к европейским и международным рынкам заимствований;
- отток капитала из России через банковскую систему;
- сильная зависимость национальной валюты России от доллара США;
- спекулятивные действия банков на валютном рынке России.

Таким образом, можно сделать вывод, что в современных условиях развития государства существует большое количество угроз экономической безопасности России как внешних, так и внутренних. Их нейтрализация или минимизация их негативного воздействия является основной задачей государства.

Сегодня общепризнано, что источником экономического роста, условием обеспечения высокого уровня качества жизни населения и уровня

экономической безопасности является выбор страной инновационного пути развития.

Национальная безопасность представлена как целостная, многоуровневая, многокомпонентная система, основным элементом которой являются ценности, значимые для широкого круга социальных общностей.

Структура этой системы обуславливается особенностями устройства и жизненно важными интересами страны, вбирая различные виды безопасностей: экономическую, социальную, политическую, инновационную, экологическую, демографическую, информационную, военную, духовную, др. Национальная безопасность ориентирована на стратегическое планирование в общестрановом масштабе, решение геополитических и внешнеэкономических вопросов, в этой связи ее основополагающая составляющая – экономическая [Копылова 2019, с. 238].

Экономический рост страны сегодня зависит не только от географического положения или запасов природных ресурсов, но и от таких факторов, как интеллектуальный потенциал, использование передовых технологий в производстве, коммерциализация передовых научно-технических разработок и инновационных решений в различных отраслях промышленности.

В современной России, которая осуществляет переход к современной модели экономического роста, все еще наблюдается очень низкий уровень инновационной активности.

Цели, связанные со стимулированием и институциональной поддержкой развития российской науки и инновационных технологий, не реализуются в тех масштабах, которые необходимы для решения существующих задач, стоящих перед высокоразвитыми странами.

Развитие инновационной экономики в некоторой степени способно обеспечить экономическую безопасность страны.

Рассмотрим данные понятия (инновационная экономика и экономическая безопасность) в их взаимосвязи.

Инновационная экономика в целом – это экономика, способная эффективно использовать любые полезные для общества инновации (патенты, лицензии, ноу-хау, заимствованные и собственные новые технологии и т.д.).

Инновации – это ключ к новому росту. В 21 веке, рост новых способов восхождения на холмы инновационных новых задач укрепления экономики, науки и образования, стратегические шаги правительства эволюционных систем. Это развитие регионов, повышение качества государственных услуг, развитие электронного правительства, модернизация правовой системы, достижение повышения качества человеческого капитала и другие стратегические прорывные достижения. Устанавливаются все эти направления, что очень важно. На этот раз четко определите будущее стратегических инновационных программ. Нефтегазовые секторы экономики, поддержка инвесторов и новаторов в этих областях. Малый и средний бизнес, крупные промышленные комплексы помещены в линейку инновационных методов и механизмов всех проектов.

Экономическая безопасность – это совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и самосовершенствованию.

Как видно из данных определения, для обеспечения экономической безопасности важно иметь собственный научно-технологический потенциал, техническую и сырьевую базу, эффективные кадровые резервы.

То есть инновационная экономика влияет на экономическую безопасность страны. Рассмотрим подробнее, в чем заключается это влияние.

Инновационная экономика включает в себе следующие основные составляющие: образование, науку, человеческий капитал (включая высокое качество жизни и специалистов высшей квалификации), инновационную систему, включающую законодательную базу и материальные составляющие инновационной системы (центры трансфера технологий, бизнес-инкубаторы, технопарки, технополисы, инновационные центры, кластеры, территории освоения высоких технологий, венчурный бизнес и др.), инновационную промышленность, реализующую новшества [Воронин 2019, с.16].

Согласно исследованию В. Ю. Лапшина и Н. В. Дементьева, в структуру экономической безопасности входят следующие критерии: ресурсный, экологический, энергетический, инновационный, информационный, социально-направленный. Структура экономической безопасности и инновационной экономики тесно переплетаются, в структуре экономической безопасности присутствует инновационная составляющая, которая касается всех сфер деятельности общества.

Одна из самых важных составляющих инновационной экономики – это человеческий капитал. В экономической безопасности социальная направленность подразумевает безопасное, финансово стабильное состояние граждан. Каждый человек может чувствовать себя экономически защищенным, уверенным в завтрашнем дне, если он обладает необходимыми знаниями и компетентен в своей профессии.

На глобальном рынке, где инновации имеют большое значение, интеллектуальная собственность становится важным элементом в деятельности компаний. Одной из важнейших задач является максимальное повышение эффективности использования кадрового потенциала предприятия, а также повышение знаний и интеллекта сотрудников. Для реализации этой задачи необходимо обеспечить своевременное обучение персонала и его повышение квалификации.

Инновационная экономика ориентируется на использование научных разработок в разных областях деятельности, при этом научные разработки важны не только с теоретической, но и с практической точки зрения.

Один из самых ответственных этапов научно-исследовательских работ – внедрение их результатов. При этом необходимо учитывать экономическую эффективность разработок. Научные разработки способствуют внедрению инноваций в промышленности [Карпов 2019, с. 104].

Технологическая и инновационная составляющие экономической безопасности направлены на развитие в стране собственных технологий и техники, обеспечение их бесперебойной работы и конкурентоспособности на мировом рынке. В этом случае Российская промышленность не будет зависима от технологий других стран.

Итак, инновационная экономика – это общая инновационная система (инфраструктура) в государстве, которая способствует реализации идей ученых на практике и воплощению их в инновационных продуктах.

Среди стратегических угроз национальной безопасности в области инноваций важно выделить такие, как: низкая конкурентоспособность, сохранение экспортно-сырьевой модели развития, высокая зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры, отставание в разработке и внедрении перспективных технологий. Необходимым условием для противостояния угрозам национальной безопасности в области инноваций является обеспечение инновационной безопасности [Спектор 2019, с. 25].

В связи с этим важно рассматривать в структуре экономической безопасности инновационные критерии, выделив инновационную безопасность как составную часть экономической.

Существующая в настоящее время слабая инновационная активность, отставание в области разработки и внедрения новых и перспективных технологий, недостаточный уровень квалификации и ключевых компетенций отечественных специалистов требует инновационного развития, которое подкреплялось бы рядом показателей, необходимых для скорейшей модернизации страны и повышения ее конкурентоспособности на мировой арене.

Инновационная безопасность представляет собой систему взаимодействия субъектов (государственный сектор, частнопредпринимательский сектор, система образования, независимая экспертиза, конечный потребитель) национальной инновационной системы, обеспечивающую защищенность экономики от внешних и внутренних угроз в научно-технической, интеллектуальной, информационной, инвестиционной сферах, а также в сфере высшего образования [Ворожейкин 2019, с. 50].

Среди угроз инновационной безопасности необходимо выделить:

- коррупцию, которой подвергается малый и средний бизнес, достаточно часто именно от них зависит финансирование инновационной сферы и экономики в целом;
- инфляцию;
- малый объем ресурсов финансовой системы;
- низкую инвестиционную привлекательность;
- малочисленность научных кадров.

Проведенное исследование свидетельствует о кризисном состоянии и присутствии угроз различного характера для экономической безопасности РФ в инновационной сфере.

- В связи с чем необходимо рассмотреть решение следующих задач:

- разработку национальной инновационной доктрины;
- формирование инновационной политики и ее составляющих;
- прогнозирование и выявление внешних и внутренних угроз инновационной составляющей экономической безопасности РФ;
- разработку и закрепление на законодательном уровне стратегии в инновационной сфере и долгосрочных программ по реагированию, предупреждению и нейтрализации всевозможных угроз;
- укрепление позиций на внутренних и внешних рынках новых технологий и высокотехнологичной продукции;
- обеспечение равноправного и взаимовыгодного сотрудничества РФ с ведущими государствами в инновационной сфере.

Таким образом, можно сделать вывод, что на экономическое развитие России и ее регионов оказывают влияние инновации. Именно инновации в условиях кризисного состояния российской экономики выступают фактором, определяющим социально-экономические условия жизни населения и отношение к производству и распределению общественного продукта.

Так же следует отметить, что для повышения в России инновационного экономического роста в целях обеспечения экономической безопасности в первую очередь необходимо усиление «внедренческой» составляющей научно-инновационного цикла, сопровождающейся соответствующими капиталовложениями.

Инновационная безопасность определяется как важнейший подвид экономической безопасности страны в следующих аспектах: состояние безопасности национальной экономики, достигаемое за счет активизации инновационных процессов; совокупность условий и факторов для инноваций; способность и способность государства обеспечить высокий уровень инновационного развития.

Суть обеспечения инновационной безопасности заключается в отборе конструктивных инноваций для страны, способных повысить уровень ее конкурентоспособности и способствовать долгосрочному сбалансированному развитию, а также противодействовать или минимизировать риски от проникновения деструктивных инноваций, результат внедрения которых не соответствует интересам развития страны. Это означает не только технологические, маркетинговые или организационные инновации, но и политические, социальные, экологические, культурные, духовные [Волобуева 2019, с. 301].

Литература

1. Аверина, Буянова 2019 – Аверина И.С., Буянова М.Э. Инновационная составляющая экономической безопасности региона: проблемы и пути решения / Актуальные вопросы развития современного общества: сборник научных статей 9-ой Международной научно-практической конференции

- (Курск, 11–12 апреля 2019 года). Юго-западный государственный университет. Курск, 2019. С. 15–19.
2. Волобуева 2019 – Волобуева А.А. Инновационная составляющая экономической безопасности России / Актуальные вопросы налогообложения, налогового администрирования и экономической безопасности: сборник научных статей III Всероссийской научно-практической конференции (Курск, 25 октября 2019 года). Юго-западный государственный университет. Курск, 2019. С. 299–306.
 3. Ворожейкин 2019 – Ворожейкин М. В. Анализ инновационной безопасности Российской Федерации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2019. № 6. С. 48–52.
 4. Воронин, Подмолодина 2019 – Воронин В.П., Подмолодина И.М. государственная инновационная политика в системе экономической безопасности /Перспективы развития биоэкономики: материалы VI Национальной научно-практической конференции научных сотрудников, специалистов, преподавателей, аспирантов и студентов (Воронеж, 8 апреля 2019 года). Воронежский государственный университет инженерных технологий. Воронеж, 2019. С. 15–17.
 5. Карпов 2019 – Карпов Д. В. Национальная инновационная система России как основа экономической безопасности // Экономика и предпринимательство. 2019. № 2(103). С. 103–105.
 6. Копылова 2019 – Копылова В. П. Инновационная безопасность как средство достижения экономического роста в России // От научных идей к стратегии бизнес-развития. М.: Научный консультант, 2019. С. 237–243.
 7. Серебрянников, Хловьев 1996 – Серебрянников В.В., Хлопьев А.С. Социальная безопасность России. М.: МНИИПУ, 1996. 349 с.
 8. Спектор 2019 – Спектор А.А. Инновационная безопасность России на современном этапе. Учебное пособие. Нижний Новгород: Российский университет транспорта, 2019. 50 с.
 9. Срибная, Андропова 2017 – Срибная Е.А., Андропова О.А. Долговая устойчивость как основа обеспечения экономической безопасности Российской Федерации // Институт финансово-кредитных отношений в условиях рыночных трансформаций. 2017. № 4. С. 405–409.

ДИЗЬЮНКТИВНЫЙ СИЛЛОГИЗМ В АРГУМЕНТАТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Зайцев Дмитрий Владимирович
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: zaitsev@philos.msu.ru

Аннотация: В работе рассматривается специфика разделительно-категорических умозаключений на примере дизъюнктивного силлогизма в связи с их использованием в аргументативном дискурсе. Анализируется роль дедуктивных рассуждений в аргументации, обсуждается их связь с естественными рассуждениями. Приводится логический анализ различных типов умозаключений с разделительной посылкой. Специально обсуждаются различия между исключаящим и неисключаящим логическим союзом «или», при этом акцент делается на особенностях когнитивной обработки подобных умозаключений. Выдвигается и теоретически обосновывается гипотеза о различном механизме рассуждений по схеме дизъюнктивного силлогизма и умозаключения с исключаящим разделительным союзом в посылке. Обсуждаются особенности восприятия умозаключений с негативными посылками и/или негативным заключением. В заключительной части показана плодотворность когнитивного подхода к рассуждениям как фактора повышения убедительности.

Ключевые слова: аргументативные рассуждения, дедуктивные рассуждения, умозаключение, дизъюнктивный силлогизм, когнитивные исследования, убедительность аргументации, когнитивный подход к аргументации, разделительный союз «или», негативные высказывания.

Традиционно в аргументации выделяют такие структурные компоненты как тезис (заключение), аргументы (посылки) и форму (переход от аргументов к тезису, способ обоснования или критики тезиса с опорой на аргументы). Очевидно, что форма аргументации может быть любой – демонстративной (соответствующей дедуктивным рассуждениям) и недемонстративной (правдоподобной). В данном исследовании акцент был сделан именно на аргументативных рассуждениях и их формальной экспликации.

Во-первых, эта тема составляет немаловажную часть теории аргументации, согласно позиции, известной как интеракционистский подход к рассуждениям, или аргументативная теория рассуждений, впервые представленной в работе [Mercier, Sperber 2011], главная функция рассуждения – аргументативная. Это означает, что рассуждения направлены в первую очередь на убеждение в социальной коммуникации, и таким образом, они не должны соответствовать в полной мере строгим логико-математическим критериям корректности, а скорее, представляют собой результат адаптации рассуждающего агента к социальной среде.

Во-вторых, исследование аргументативных рассуждений оказывается актуально для активно развивающегося проекта искусственного интеллекта. Аргументативная парадигма, преимущественно представленная исследованиями в сфере формальной аргументации, является одной из доминирующих в компьютерной науке форм представления естественных рассуждений, обработки и представления знаний.

В аргументативном контексте в равной степени важны и интересны исследования как дедуктивных, так и правдоподобных рассуждения, однако именно дедуктивные рассуждения играют ключевую роль в моделировании критики и обоснования в формальной аргументации. Подробнее об этом см. [Зайцев, Беликов 2020]. В этой работе в центре внимания будет не формальная экспликация рассуждений, а их когнитивные особенности на примере

дизъюнктивного силлогизма – одной из разновидностей так называемых разделительно-категорических умозаключений.

В разделительно-категорических умозаключениях имеется две посылки, одна из которых разделительное сложное высказывание с союзом «или», а вторая – утвердительное или отрицательное высказывание. В частности, дизъюнктивный силлогизм, также известный как *modus tollendo ponens* (МТП – отрицающее-утверждающий способ), предполагает использование нестроого (неисключающего) союза «или» в одной из посылок и отрицание одного из членов разделительной посылки в другой. Корректным заключением такого рассуждения становится утверждение второго члена разделительного высказывания.

Пример дизъюнктивного силлогизма:

Это число делится на 2 или на 3. Оно не делится на 2. Следовательно, оно делится на 3.

Логическая форма этого умозаключения: *A или B. Неверно, что A. Следовательно, имеет место B.*

В целом ряде исследований [Aust et al. 2008, Ferrigno et al. 2021, Hill et al. 2012] казалось бы убедительно продемонстрировано, что непосредственно дизъюнктивный силлогизм или его аналоги является одной из базовых форм человеческих и не только человеческих (так могут рассуждать приматы, голуби, крысы и попугаи) рассуждений, возможно даже автоматических и интуитивных, не требующих рефлексии. Однако, это только кажущаяся убедительность, основывающаяся, как показывает более внимательный анализ, на не вполне корректной, обобщенной характеристике такого типа умозаключений.

Дело в том, что кроме дизъюнктивного силлогизма, еще одной корректной формой разделительно-категорических умозаключений является *modus ponendo tollens* (МРТ – утверждающе-отрицающий способ), отличающийся от МТП, во-первых, наличием исключающего союза «или» в посылке, во-вторых, утвердительной второй посылкой, и в-третьих, – отрицательным заключением.

Пример: *Он получил на экзамене 5 или 4. Он получил 5. Значит, он не получил 4.*

Логическая форма: *A либо B. Имеет место A. Следовательно, неверно, что B.*

Ситуация немного осложняется тем, что если в умозаключении первого типа заменить неисключающее «или» на исключающее, а все остальное оставить как в дизъюнктивном силлогизме, то умозаключение будет вполне корректным. Правда его логическая форма будет отличаться от дизъюнктивного силлогизма и представлять собой «смешение» МРТ и МТП.

В многочисленных тестах, на результаты которых ссылаются авторы упомянутых работ, использовался так называемый *cup test* (food choice task) – тест, в котором респонденту (взрослому человеку, ребенку или животному) предъявляют две чашки, в одной из которых точно находится еда. Затем респонденту демонстрируют вторую пустую чашку и предлагают сделать выбор – найти пищу. Важной особенностью этой процедуры является явно исключающий характер вербализации тестового задания – «либо еда находится

в 1 чашке, либо во 2». Естественно, в дизайне подобных экспериментов эта информация не «проговаривается», а представлена визуально. Таким образом получается, что испытуемые были поставлены в ситуацию альтернативного выбора между двумя чашками. Естественно, рассуждение, которое они должны были сделать, не соответствует схеме дизъюнктивного силлогизма – это как раз тот смешанный случай, о котором речь шла выше!

Принципиальная разница между исключаящим и неисключаящим разделительными союзами, которые лингвистически зачастую выражаются одним и тем же союзом «или», состоит в том, что логическая форма «А или (исключаящее) В» предполагает либо истинность А, либо истинность В, в то время как смысл утверждения «А или (неисключаящее) В» состоит в том, что истинно по крайней мере одно из высказываний А или В, а может быть и оба вместе. Получается, что за кажущийся незначительной разницей между двумя схемами умозаключений на самом деле очень существенно. В первой разделительной посылке дизъюнктивного силлогизма, если можно так сказать, больше неопределенности, ведь может статься, что реального выбора между А и В нет – оба положения дел имеют место в действительности. Именно поэтому вторая посылка должна быть отрицательной – просто утверждения, например, А было бы недостаточно для заключения о том, что В не имеет места. Если же разделительная посылка предполагает выбор между двумя альтернативами, то вторая посылка может быть утвердительной (и тогда оставшаяся альтернатива неверна) или отрицательной (тогда напротив – верна вторая альтернатива), и в том, и в другом случае можно сделать корректное заключение.

Резюмируя, следует констатировать, что в случае исключаящего разделительного союза в первой посылке разделительно-категорического умозаключения когнитивному агенту необходимо сделать выбор между двумя альтернативами, что представляет собой принципиально иную и предположительно более простую когнитивную процедуру, чем рассуждение по схеме дизъюнктивного силлогизма.

Несколько неожиданно подтверждение этому факту было обнаружено в ходе предпринятого исследования, которое было совместно запланировано и проведено коллективом, включающем философов-логиков, психо-физиологов и когнитивных психологов (см. [Ковалев и др 2019]). Целью исследования было изучение когнитивных механизмов, соответствующих простейшим умозаключениям, и дизъюнктивному силлогизму в том числе, с использованием метода регистрации движения глаз (eye-tracking). Один из результатов исследования состоял в том, что умозаключения по схеме МРТ (с исключаящим союзом «или») осуществляются быстрее и с меньшим числом ошибок. При этом одна из гипотез исследования, пока получившая частичное подтверждение, состояла в том, что некоторые умозаключения действительно являются простыми, автоматическими, «встроенными» схемами когнитивных процедур, в то время как другие умозаключения предполагают рефлексивное, размышление и в полной мере могут быть названы рассуждениями. К первой группе когнитивных процедур относится МРТ, а вот дизъюнктивный силлогизм как раз принадлежит ко второй группе.

К сожалению, мы не исследовали умозаключения смешанного типа – в дизайне эксперимента это не было предусмотрено. Тем не менее, можно предположить, что статистически они попали бы в область между «медленным» дизъюнктивным силлогизмом и «быстрым» МРТ. Основанием для того предположения служит особенность когнитивной обработки отрицательных высказываний в посылках и заключении.

Хорошо известно, что отрицание в составе умозаключения увеличивает время его понимания и оценки (См. [Evans 1972], [Deutsch R. et al. 2009]), при этом более сложным оказывается восприятие отрицательной посылки, нежели получение отрицательного заключения [Roberge J. J. 1976]. Представляется, что причина этого явления состоит в том, что отрицательное высказывание всегда представляет собой результат некоторого вывода. Наша анатомия и физиология не позволяет непосредственно, перцептивно получать негативную информацию. Я могу видеть красное яблоко, почувствовать запах яблок, ощутить гладкую кожуру и т.п., но я не могу воспринять отсутствие яблока на столе. Для этого мне придется обработать информацию об имеющихся на столе предметах и, убедившись в том, что ни один из них не является яблоком, прийти к негативному заключению: «На столе нет яблока».

В истории философской мысли имеется целый ряд эпистемологических подходов, разделяющих такую трактовку отрицательных высказываний. Достаточно упомянуть лишь два из них. Это воззрения древних буддистов, в частности Дхармакирти, по поводу которых Ф.И. Щербатский афористично заключает, что «вышеприведенные отрицательные суждения сводятся, следовательно, к такому умозаключению: «Здесь нет горшка, потому что горшка, который *мог бы быть воспринят*, мы не воспринимаем» [Щербатской 1995, с. 247]. Аналогичную трактовку отрицательных высказываний находим у предтечи неклассической логики, российского логика Н.А. Васильева, утверждающего о существовании «выводных отрицательных суждений» [Васильев 1989, с. 61].

Естественно, высказанная выше гипотеза пока остается пусть и весьма вероятным, но только предположением, нуждающемся в обосновании и экспериментальном подтверждении.

Возвращаясь к роли дедуктивных рассуждений в аргументации, можно констатировать, что разделительно-категорические умозаключения, в частности дизъюнктивный силлогизм, МРТ и «смешанный» тип умозаключения, о которых шла речь выше, играют различную роль в процессе убеждения. Эта роль всецело обусловлена различием лежащих в основе когнитивных механизмов. Автоматический, практически неререфлексируемый, встроенный и телесно воплощенный когнитивный механизм перехода от информации, представленной в посылках умозаключения, к информации заключения, естественным образом повышает надежность аргументативного рассуждения, на нем основанного. Адресату такой аргументации фактически не нужно проделывать ментальную работу по обработке представленной в ней информации, не говоря уже о самостоятельном рассуждении или его проверке. Здесь ответ на предъявленный аргумент осуществляется почти по схеме

стимул-реакция. Напротив, использование в аргументации сложного и запутанного рассуждения, да еще с негативными посылками, может привести к двум полярным исходам. Либо адресат, не в состоянии полностью понять и проверить рассуждение, примет аргументативное сообщение, что называется «на веру», либо наоборот, отторгнет его как сомнительное, недостоверное и вводящее в заблуждение. Выбор между этими вариантами развития событий зависит скорее от психолого-риторических аспектов аргументации и уже не имеет прямого отношения к рассуждениям как таковым.

Так или иначе, обращение к когнитивным основаниям аргументации не только в привычном контексте позиций, когнитивных омрачений и диагностики адресата, но и применительно к технике аргументативных рассуждений представляет собой относительно новое и перспективное направление исследований.

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 20-18-00158 «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора».

Литература

1. Васильев 1989 – Васильев Н.А. Воображаемая (неаристотелева) логика / Васильев Н.В. Воображаемая логика. Избранные труды. М.: Наука, 1989.
2. Зайцев, Беликов 2020 – Зайцев Д.В., Беликов А.А. Моделируя аргументацию: оценки и рассуждения // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. №. 57. С. 13-24.
3. Ковалев и др 2019 – Ковалев А.И., Кисельников А.А., Зайцев Д.В., Сухотина К.Г., Зайцева Н.В. Исследование процесса умозаключения с помощью технологии ай-трекинга // Cognitive Neuroscience — 2019: материалы международного форума. Екатеринбург, 6–7 ноября 2019 г. / отв. ред. А.А. Печеркина, С.В. Попов. Екатеринбург: Урал. ун-та, 2020. С. 139-141.
4. Щербатский 1995 – Щербатской Ф.И. Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Ч. II. СПб, 1995.
5. Aust et al. 2008 – Aust U., Range F., Steurer M., Huber L. Inferential reasoning by exclusion in pigeons, dogs, and humans // Animal cognition. 2008. Т. 11. №.4. С. 587-597.
6. Evans 1972 – Evans J.St. B.T. Reasoning with negatives // British Journal of Psychology. 1972. Iss. 63. Pp. 213–219.
7. Ferrigno et al. 2021 – Ferrigno S., Huang Y., Cantlon J. F. Reasoning Through the Disjunctive Syllogism in Monkeys // Psychological Science. 2021. Т. 32. №. 2. С. 292-300.
8. Hill et al. 2012 – Hill A., Collier-Baker E., Suddendorf T. Inferential reasoning by exclusion in children (Homo sapiens) // Journal of Comparative Psychology. 2012. Т. 126. №. 3. С. 243.

9. Mercier, Sperber 2011 – Mercier H., Sperber D. Why do humans reason? Arguments for an argumentative theory // Behavioral and brain sciences. 2011. Т. 34. №2. С. 57-74.
10. Deutsch R. et al. 2009 – Deutsch R., Kordts-Freudinger R., Gawronski B., Strack F. Fast and fragile: A new look at the automaticity of negation processing // Experimental psychology. 2009. Т. 56. №. 6. С. 434-446.
11. Roberge 1976 – Roberge J. J. Reasoning with exclusive disjunction arguments // Quarterly Journal of Experimental Psychology. 1976. Т. 28. №. 3. С. 419-427.

АРГУМЕНТАЦИЯ ДИАЛОГ И КОММУНИКАЦИЯ

Беликов Александр Александрович
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
E-mail: belikov_sasha@bk.ru

Боброва Ангелина Сергеевна
Российский государственный гуманитарный университет
E-mail: angelina.bobrova@gmail.com

Елагин Глеб Борисович
E-mail: elagingleb@gmail.com

Карпов Глеб Викторович
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: glebsight@gmail.com

Микиртумов Иван Борисович
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: imikirtumov@gmail.com

Фролов Константин Геннадьевич
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова
E-mail: konstantin-frolov@ya.ru

Шестакова Диана Витальевна
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: dina-1701@yandex.ru

Перова Нина Вадимовна
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: nino4kaperova@gmail.com

Аннотация: *Статья содержит обзор выступлений круглого стола «Аргументация, диалог и коммуникация как факторы безопасности», организованного в рамках проекта РНФ «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора», реализуемого в Санкт-Петербургском государственном университете. В ходе выступлений будут рассмотрены вопросы аргументации в ее различных аспектах: в диалоговом и коммуникативном (Микиртумов И.Б., Елагин Г.Б., Фролов К.Г.), прагма-эпистемическом (Боброва А.С.), логическом (Беликов А.А., Карпов Г.Б.) и лингвистическом (Шестакова Д.В.). Их обсуждение вносит вклад в создание комплексной методологии поиска и отбора решений спора, миссию которой коллектив проекта видит в предотвращении поляризации и радикализации взглядов как фактора общественной безопасности.*

Ключевые слова: *Аргумент, спор, коннексивная логика, логика действий, моральная аргументация, абдукция, риторические структуры.*

В докладах участников Круглого стола «Аргументация, диалог и коммуникация как факторы безопасности» планируется обсудить вопросы исследования аргументации в следующих аспектах: в диалоговом и коммуникативном (Микиртумов И.Б., Елагин Г.Б., Фролов К.Г.), прагма-эпистемическом (Боброва А.С.), логическом (Беликов А.А., Карпов Г.Б.) и лингвистическом (Шестакова Д.В.). Круглый стол организован в рамках проекта РНФ «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора», реализуемого в Санкт-Петербургском государственном университете. Обсуждение указанных аспектов аргументации вносит вклад в создание комплексной методологии поиска и отбора решений спора, миссию которой коллектив проекта видит в предотвращении поляризации и радикализации взглядов как фактора общественной безопасности.

Г.Б. Елагин и И.Б. Микиртумов в докладе «Спор о повестке и его прагматика» рассматривают спор о повестке спора как вид нетематической коммуникации. Тематическим они называют спор, посвященный предмету, т. е. такой, исход которого не влияет на ход коммуникации. Нетематический спор в этом случае ведётся в метапозиции по отношению к тематическому и его предмет – ход коммуникации. В докладе представлены способы оценивания результатов спора о повестке, описываются возможные прагматические позиции агентов, их стратегии и риски, иллюстрируемые примерами сетевых дискуссий в интернете.

Споры о повестке люди ведут постоянно и повсеместно. В них проявляется конфликт интересов, лежащий в основании предполагаемого тематического спора, т. е. расхождения мнений, требующего решения. Это решение несёт риски для участников, поэтому в ряде ситуаций они либо не заинтересованы в коммуникации вообще, либо для них неприемлем проигрыш, либо любой её исход. Решение спора о повестке влияет на то, кто и по каким правилам будет вести спор о предмете. Спектр вариантов решения последнего оказывается, тем самым, ограничен, а иногда и предопределён, вступление в тематический спор

накладывает на участника обязательства, что сокращает социальную дистанцию между ними, выравнивает их права как рациональных агентов.

Чтобы оценить спор и, в частности, спор о повестке, используется четыре шкалы, отражающие четыре аспекта: эпистемический, акциональный, интеракционный и публичный. Для споров о повестке наиболее важными являются играют аспекты, отражающие интеракцию сторон и публичный эффект. Акциональный результат спора, т. е. изменение повестки, обычно становится следствием достижения результата в интеракции и публичном влиянии. Это связано и с историческими формами публичной делиберации, и с тем, как сегодня действуют так называемые неизбранные представители и акционисты. Споры о повестке – эта та сфера, где они достигают успеха в деле признания своей политической субъектности властными и моральными авторитетами.

Спор о повестке и сопряжённый с ним тематическим спор связаны прагматически. В частности, поведение агента в споре о повестке позволяет выявить занимаемую им позицию в отношении обоих споров, а также увидеть в каждом случае стратегию и риски. Можно выделить восемь релевантных позиций и прояснить суть социального акционизма, трактуя его как атаку на индифферентную позицию, суть поведения агента, отказывающегося от всякой коммуникации. Различные формы продвижения и блокирования как в тематическом, так и в нетематическом спорах рассматриваются отдельно. На примерах сетевых споров демонстрируется, что переход на нетематический уровень используется как эффективный маневр, разрушающий интеракцию, так что его блокирование является необходимым ответом, который не связан с тематическим спором, и может в аспекте публичности принести агенту успех [Елагин, Микиртумов 2020].

В докладе К. Г. Фролова «Теоретические моральные аргументы и практические моральные рассуждения: логические и семантические аспекты» исследуются логические связи, а также разрывы этих связей между этической теорией и моральной практикой, что представляется весьма актуальной задачей в свете того, что анализ подобных разрывов позволяет критически осмыслить роль морального теоретизирования в совершенствовании социальных практик и построении безопасного общества.

Выделяется ряд особенностей практических моральных рассуждений (ПМР), отличающих их от валидных теоретических моральных аргументов (ТМА):

(1) в ПМР необязательно наличие логического следования при переходе от посылок к заключению, тогда как для ТМА это требование является строго обязательным;

(2) ПМР в отличие от ТМА в явном виде содержит в числе своих посылок описания так называемых некогнитивных состояний, прежде всего, желаний; некогнитивными называются ментальные состояния, содержание которых не подвергается агентом ревизии даже при поступлении прямых свидетельств того, что положения дел в актуальном мире не соответствуют содержанию этих состояний; по этому критерию некогнитивные состояния строго отличаются от

когнитивных состояний, парадигмальным примером которых являются убеждения;

(3) заключением ПМР является описание действия или намерения агента (или воздержание от него) [Bratman 1987], что делает актуальным подключение средств логики действий для анализа ПМР;

(4) целью ПМР является не истинность [Adler 2008, p.3], а некоторые желаемые характеристики действия (моральность, эффективность, рациональность);

(5) при этом реальный агент вовсе не обязан стремиться к рациональности [Korsgaard 1996], а потому он может грубо нарушить все предписания, вытекающие из ПМР, что также отличает ПМР от ТМА; если посылки ТМА истинны, то в силу логического следования агент никакими средствами не способен сделать заключение ложным, не затронув истинностного значения посылок.

В докладе на конкретных примерах рассматриваются данные характеристические особенности ТМА и ПМР, а также кейсы, ставящие под сомнение четкость указанного деления. Анализ этих примеров и кейсов позволяет глубже раскрыть связь моральной теории и моральной практики.

В докладе А. А. Беликова «О моделировании опровержения для условных высказываний» обозначена одна из главных проблем, послужившая возрождению в середине прошлого века исследований в области коннексивной логики, а именно, возможность построения общей логики, содержащей принцип *субъюнктивной противоположности*. Речь идет о принципе, согласно которому высказывания вида

(I) «если бы p было истинным, то q было бы истинным»

и

(II) «если бы p было истинным, то q было бы ложным» являются несовместимыми”.

Обсуждение этой проблемы, способствовавшее, в целом, введению в логический обиход самого термина *субъюнктивной противоположности*, относится не только к области чистой логики, но может быть интересно и с точки зрения теории аргументации. В своей статье, посвященной формализации логики субъюнктивных условных высказываний Р. Б. Энджэлл [Angell 1962. P.329] замечает, что «её главное значение заключается в демонстрации».

Традиционный подход к экспликации логических отношений между высказываниями не позволяет ухватить некоторых тонкостей взаимодействия между (I) и (II), возникающих в аргументативной и познавательной практиках. Эта проблема становится очень актуальной в контексте исследований логической аргументации (*logic-based argumentation*), поскольку даже в формулировках таких базовых аргументативных понятий как опровержение предполагается использование традиционных подходов к пониманию противоречия. Возникает естественный вопрос: насколько адекватными являются предлагаемые формальные модели аргументации в тех ситуациях, когда мы начинаем уточнять внутреннюю структуру аргументов и тезисов, а именно – допускать, что они могут иметь форму условных высказываний?

В докладе защищается тезис о необходимости различия между тремя типами условной несовместимости высказываний: условное противоречие, условная противоположность и условная подпротивоположность. Мы покажем, что каждое из этих трех отношений может быть адекватно эксплицировано средствами трехзначной логики. Некоторые из рассматриваемых логических теорий уже хорошо известны: логика условного противоречия Д. Кэнтвелла и логика условной противоположности (А. А. Беликов и Е. В. Логинов). В свою очередь, логика условной подпротивоположности является совершенно новой. В предлагается её адекватная формализация в виде аксиоматического исчисления со схемами аксиом. Наконец, предлагается несколько разновидностей отношения аргументативного опровержения, которые основаны на упомянутых ранее трехзначных логических теориях.

Докладе Г.В. Карпова «Логические пререквизиты споров о действиях» посвящен результатам изучения того, каким образом в диалоге происходит выяснение намерений, ценностей, эпистемических, пропозициональных и проч. установок агентов, представляющих собой необходимые элементы в спорах о действиях и практической аргументации. Наряду с упомянутыми, и в целом общеизвестными элементами, предлагается рассмотреть такие, которые, оказывая существенное влияние на характер протекания споров о действиях и их исход, до сих пор не исследованы в достаточной мере. Эти менее изученные элементы названы логическими пререквизитами споров о действиях. К ним относятся следующие четыре элемента:

1. представление агентов о своих собственных структурах, организующих аргументативное и любое другое действие, направленное вовне;
2. логико-эпистемический статус собственной агентности, реализующийся в понятии агентного домена;
3. степень агентности как расширение пространства значений действия;
4. возможность существования действий, направленных на самих себя, различные по своему виду и структуре.

Представление агентов о своих собственных структурах дается через описание логико-онтологических конструкций: холистической, когда агент мыслит себя как того, кто рассуждает и затем действует; не-холистической, когда агент мыслит себя как конгломерат субагентных сущностей, функционально отличных друг от друга. Агентный домен применяется для описания структуры множества возможных действий, когда из различных модальных форм действий составляются агентные профили для каждого из агентов в отношении каждого из возможных положений дел.

В докладе исследуется вопрос о динамике агентных профилей и о роли знания агентных профилей в практической аргументации. Схватывание степени агентности позволяет включать в анализ практической аргументации доводы, использующие представление об усердии или степени желания, с которыми осуществляется то или иное действие. Анализ действий, направленных на самих себя, как, например, действие прощения, открывает для агентов возможность судить о способе принятия решений друг друга, и использовать это в структуре своих доводов. Указанным составляющим практической

аргументации, ее пререквизитам дается модальная интерпретация средствами современной логики действия, позволяющая связать их с уже известными моделями аргументации, эксплуатирующими тот же формальный аппарат и схожие идеи [Карпов 2020].

А.С. Боброва в докладе «Аргументативная схема абдукции и принципы ее работы в диалоге» рассматривает абдукцию – рассуждение или вывод, работающий определенным образом с гипотезами. Если вопрос самобытности этого рассуждения в логике вызывал споры, то в современную теорию аргументации оно входит весьма органично: абдукция задается как вариант аргументативной схемы, то есть стереотипического образца рассуждений, основанного на правилах, погруженных в прагматический контекст. Исходно основу для такой схемы задают логико-эпистемологические исследования, на базе которых Д. Уолтон и Дж. Вагеманс предлагают свои, наиболее известные в теории аргументации, решения. Сегодня их схемы уже не выглядят столь же убедительно, как раньше. За последние годы в области исследования абдукции было получено довольно много качественно новых результатов, и в итоге подход Джосефсонов, на котором, к примеру, базируется схема Уолтона, стал представлять разве что историческую ценность. Несколько скорректировать ситуацию удалось в подходе к пониманию аргументативной схемы абдукции, предложенном Ценкером и Ю, но до конца избавиться от проблемных моментов не удалось и в нем.

В докладе известные аргументативные схемы абдукции (Уолтон, Вагеманс, Ценкер и Ю) рассматриваются сквозь призму двух ключевых логико-эпистемологических теорий [Gabbay, Woods 2005], [Magnani 2010]. Это позволяет разработать основу для современного решения проблемы: абдукция в аргументации должна рассматриваться как рассуждение, отражающее логику догадки (она основана на диалоге, призывающем к исследованию). Абдукция не дает нового знания, а потому ее заключение не столько вырабатывает гипотезу, сколько призывает к дальнейшему исследованию того, что в случае успеха можно будет назвать гипотезой. Такие особенности отражаются на природе иллюкативных актов и критических вопросов, участвующих в абдуктивном процессе.

Анализ абдукции на базе аргументативной схемы позволяет, во-первых, проследить уникальность абдуктивного шага в аргументации и очертить его границы. Во-вторых, схема, будучи соединением логического и прагматического уровней, позволяет размышлять над типом гипотетического речевого акта, способного передать идею абдуктивной догадки, в связи с чем вопрос моделирования абдукции выходит за границы теории аргументации. В-третьих, абдукция с новой силой ставит на повестку обсуждение продуктивности аппарата аргументативных схем: будучи основанной на интеррогации, она показывает, каким образом схемы могут быть органично интегрированы в вопрос-ответные процедуры.

Доклад Д. В. Шестаковой «Теория риторических структур как средство моделирования аргументативного дискурса» посвящен проблеме автоматического создания аннотаций аргументативного текста. Решение этой

проблемы позволит облегчить задачу машинной обработки естественного языка, что особенно перспективно в современном информационном обществе.

Одной из первых к проблеме репрезентации аргументации средствами Теории риторических структур обратилась американский профессор Ненси Грин [Green 2010, с.183]. В отечественной науке данная проблематика практически не изучена. На примере ТРС-анализа аргументативного рассуждения Иммануила Канта из «Критики чистого разума» [Кант 1994, с. 40] Д. В. Шестакова показывает, каким образом можно установить соответствие между дискурсивными риторическими отношениями и структурой аргумента, и демонстрирует возможность моделирования аргументативного дискурса средствами теории риторических структур.

Выбранный текстовый отрывок состоит из 10 дискурсивных единиц, связанных риторическими отношениями. В качестве тезиса выступает дискурсивная единица (1), посылку репрезентирует дискурсивная единица (2–8), (промежуток 9–10) является выводом (Рис.№1):

- (1) Без сомнения, всякое наше познание начинается с опыта;
- (2) в самом деле, чем же пробуждалась бы к деятельности познавательная способность,
- (3) если не предметами,
- (4) которые действуют на наши чувства
- (5) и отчасти сами производят представления,
- (6) отчасти побуждают наш рассудок сравнивать их,
- (7) связывать или разделять
- (8) и таким образом перерабатывать грубый материал чувственных впечатлений в познание предметов, называемое опытом?
- (9) Следовательно, никакое познание не предшествует во времени опыту,
- (10) оно всегда начинается с опыта.

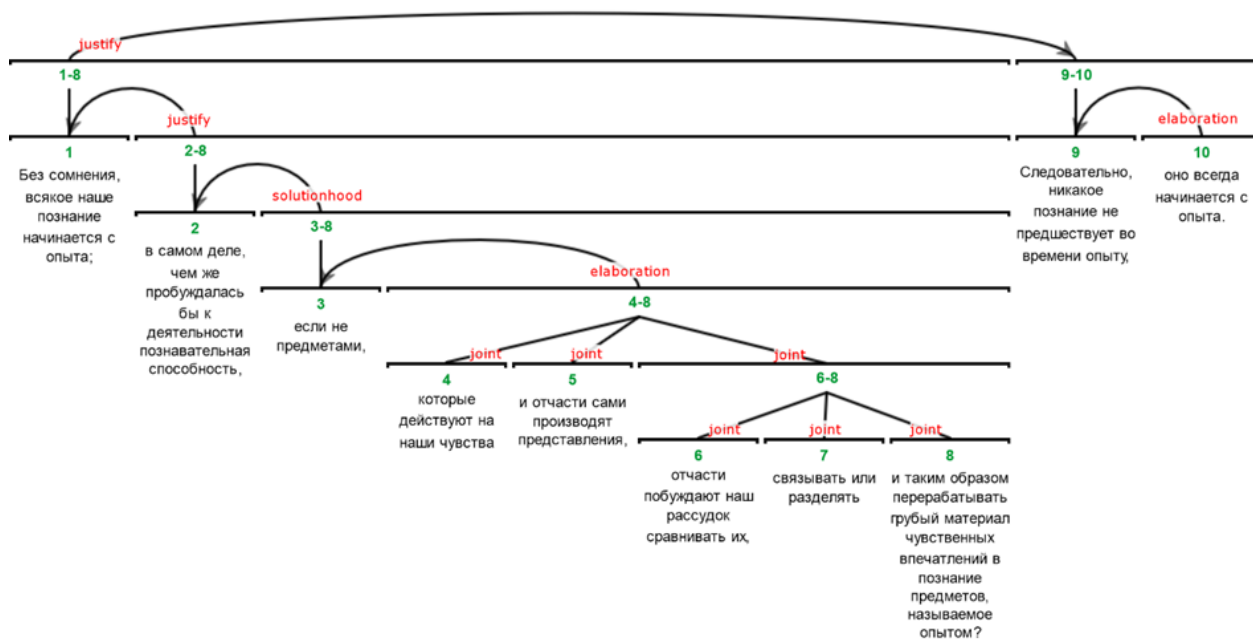

Рисунок 1. Дискурсивные единицы

Тезис (1) и посылка (2–8) представлены в качестве одной дискурсивной единицы, связанной с выводом (9–10) риторическим отношением *Обоснование*, т. е., и тезис, и посылка презентуют условие выполнения вывода. Текстовый сегмент (2–8) обосновывает сам тезис (1) посредством рассуждения (3–8), которое является дискурсивным деревом, детализирующим с помощью *Соединения* однородных сказуемых (3 – 8) пропозицию из элементарной дискурсивной единицы (2). Риторическое отношение *Обоснование* играет здесь ключевую роль, связывая посылки с тезисом и выводом, что обнаруживает его аргументативный характер.

В анализируемом отрывке наблюдается созависимость ядер и спутников аргумента, что говорит о возможности нивелирования спутниковой информации (спутеллита). Аргументативное рассуждение в такой ситуации утратит смысл, сократившись до необоснованного высказывания, не имеющего ни коммуникативной, ни прагматической силы [Mann 1987, с. 82].

По этой причине анализ риторических отношений в текстах доказательных рассуждений приводит к соображению, что в инструментарий ТРС необходимо ввести новое многоядерное отношение *Аргумент*, которое позволит маркировать дискурсивные единицы не как созависимые элементы, а как самостоятельные компоненты рассуждения, имеющие одинаковый нуклеарный статус.

Добавление риторического отношения *Аргумент* в существующий ТРС-инструментарий позволит явно указать на структурное наличие аргумента в тексте, а не просто укажет на некоторые признаки аргументативности риторических отношений между текстовыми промежутками. Предполагается, что *Аргумент* позволит выделить тезис, посылки, вывод в отдельное дискурсивное поддерево, что будет способствовать облегчению задачи распознавания аргумента, например, при машинном обучении.

Уточнение особенностей моделирования аргументации в нормативном и дескриптивном ракурсах, представленное в междисциплинарном обсуждении ее социальных, коммуникативных, логических, прагматических лингвистических аспектов, способствует созданию комплексной методологии поиска и отбора решений споров, что, в свою очередь, открывает перспективу создания механизмов контроля над дискуссиями и делиберациями как фактора общественной и информационной безопасности.

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 20-18-00158: «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора».

Литература

1. Карпов 2020 – Карпов Г. В. Прощение как речевой акт в логике действий // Логические исследования. 2020. Т. 26. No 2. С. 9-38.

2. Adler 2008 – Adler J. Introduction: Philosophical Foundations. In: Reasoning. Studies of Human Inference and Its Foundations, J. Adler, L. Rips (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
3. Angell 1962 – Angell, R.B. A Propositional Logic with Subjunctive Conditionals // Journal of Symbolic Logic. 1962. №27. P. 327–343.
4. Bratman 1987 – Bratman M. Intention, Plans, and Practical Reason. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1987.
5. Korsgaard 1996 – Korsgaard C. Skepticism about Practical Reason. In: Korsgaard C. Creating the Kingdom of Ends. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
6. Green 2010 – Green N. L. Representation of Argumentation in Text with Rhetorical Structure Theory // Argumentation. 2010. Vol. 24. P. 181-196.
7. Mann 1987 – Mann W. C. and Thompson, S. A. Rhetorical Structure Theory: A Framework for the Analysis of Texts // IPRA Papers in Pragmatics. 1987. Vol. 1. № 1. Pp. 79 – 105.
8. Кант 1994 – Кант И. Критика чистого разума // Соч. в 8 т. Т. 3. М.: Чоро, 1994. 41 с.
9. Gabbay, Woods 2005 – Gabbay D.M., Woods J. The Reach of Abduction. Insight and Trial. Amsterdam: Elsevier, 2005.
10. Magnani 2010 – Magnani L. Abductive Cognition: The Epistemological and Eco-Cognitive Dimensions of Hypothetical Reasoning. New York: Springer, 2010.
11. Елагин, Микиртумов 2020 – Елагин, Г. Б., Микиртумов И.Б. Споры в Интернете: поколения X, Y и Z // Дискурс. 2020. Т. 6. № 6. С. 5-19.
12. Josephson, Josephson 1994 – Josephson J. R., Josephson S. G. Abductive Inference: Computation. Philosophy. Technology. New York: Cambridge University Press, 1994.

АЛГОРИТМ ПОИСКА И ОТБОРА РЕШЕНИЙ СПОРА

Лисанюк Елена Николаевна
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: e.lisanuk@spbu.ru

Аннотация: *Предлагается трехэтапный комплексный алгоритм поиска и отбора решений спора, включающий оценку аргументов на трех уровнях – отдельных аргументов, подмножеств аргументов в позициях агентов спора и множества аргументов диалога в целом. На уровне отдельного аргумента при помощи критических вопросов оценивается их состоятельность, трактуемая как способность противостоять критике и контраргументам; на уровне подмножеств оценке подлежит приемлемость аргументов относительно друг друга с учетом их состоятельности; и на множестве аргументов спора оценивается убедительность позиций сторон с учетом первых двух оценок. Алгоритм разработан на основе логики аргументации и абстрактного подхода на Дунговых*

структурах, а также ряда диалектических концепций аргументации. На всех трех уровнях речь идет о локальной оценке аргументов относительно диалога, где они предъявлены. Использование методики критических вопросов позволяет унифицировать оценку качественно разных аргументов – дедуктивных, индуктивных и правдоподобных. Оценка убедительности позиций сторон и установление решения спора осуществляется с учетом типа расхождения во мнениях в диалоге.

Ключевые слова: логика аргументации, оценка аргументов, решение спора, логико-когнитивная теория аргументации, новая диалектика.

Мы предлагаем трехэтапный алгоритм поиска и отбора решений спора на основе логики аргументации [Krause et al. 1995], протоколов репрезентации аргументации с анализируемыми аргументами [Prakken 2011], логико-когнитивной теории аргументации [Лисанюк 2015], концепции «новой диалектики» [Walton 2013].

Оценка аргументов – актуальный вопрос логики аргументации [Amgoud, Ben-Naim 2018, Grossi, Modgil 2019], нового направления на стыке теории аргументации, информатики и логики, возникшего на основе абстрактного подхода к аргументации, отождествляющего убежденность агента в каком-либо положении с тем, «насколько успешно аргумент, поддерживающий это положение, может быть защищен от контраргументов» [Dung 1995, p. 323]. Предлагаемый алгоритм подразумевает локальную оценку аргументации в данном споре на множестве предъявленных в нем аргументов, на основе которой осуществляет поиск и отбор решений. Он включает оценку аргументации на трех уровнях – каждого предъявленного аргумента по отдельности, подмножеств аргументов, составляющих позиций сторон или, если нужно, произвольные наборы аргументов данного спора, и спора в целом, реконструированного как множество всех предъявленных в нем аргументов с учетом вида спора и типа расхождения во мнениях в нем.

Мы предлагаем применять алгоритм к аргументации, предварительно реконструированной посредством картирования следующим образом. Текст, речь или нарратив, содержащий анализируемую аргументацию, представлен как спор между позициями сторон, включающими два и более разных мнения или точек зрения по какому-либо вопросу, для защиты или критики которых стороны предъявили непустое множество аргументов. Методика предварительной реконструкции аргументации в диалоге состоит из 5 шагов:

1. Выделить главный вопрос спора, установить пропозициональное содержание мнений сторон.
2. Выявить ключевые утверждения сторон спора и определить вид расхождения во мнениях (вид спора).
3. Определить аргументы и контраргументы сторон, отграничив их от прочих речевых ходов (вопросов и т.п.).
4. Реконструировать позиции сторон, добавив неявные послышки и заключения.
5. Определить схемы аргументации для каждого аргумента.

Картирование аргументации, в т.ч. цифровое, и включает:

(а) оценку обоснованности и корректности аргументов как молекулярных элементов спора в целях определения состоятельности каждого аргумента по отдельности;

(б) оценку приемлемости аргументов относительно друг друга на множестве аргументов спора в целях поиска и установления подмножества аргументов, составляющего решение спора;

(в) оценку убедительности позиций сторон в целях отбора решений спора, пригодных по специальным критериям.

В алгоритме мы исходим из следующих определений. *Аргумент* – это рассуждение или умозаключение, предназначенное обосновать какое-либо утверждение, выступающее его заключением, путем выведения его из других утверждений, или посылок. В логике аргументации аргумент является атомарной единицей спора, и от его внутреннего строения можно абстрагироваться. Благодаря этому разграничение между дедуктивными и недедуктивными аргументами в смысле обоснованности и корректности становится менее важным по сравнению с тем, каким образом в данном споре установлены отношения между аргументами, что позволяет отказаться от дедуктивного идеала и производить оценку различных по способу демонстрации аргументов независимо.

Спор – это специальная абстракция для репрезентации диалога, где стороны – рациональные агенты, обнаружили расхождение во мнениях по какому-либо вопросу и приводят аргументы для его разрешения путем обоснования своей точки зрения или критики и отклонения других точек зрения. Для репрезентации спора в логике аргументации спор используют понятие множества аргументов, упорядоченных на графе бинарным отношением атаки $F = \langle Arg, attack \rangle$, символизирующем критику или контраргументацию: $attack[\alpha, \beta]$, так что аргумент β отклонен в силу атаки со стороны аргумента α , разве что в подмножестве $S \subseteq F$ найдется аргумент γ , такой что $attack[\gamma, \alpha]$, возвращающий β в F в качестве защищенного. Решением спора мы называем подмножество исходов спора, принадлежащих позиций одной из сторон, а под исходом спора понимаем допустимое множество аргументов, возможно пустое, состоящее из приемлемых аргументов, к которым относятся защищенные и незащищенные аргументы, но не относятся отклоненные аргументы.

Оценка состоятельности аргументов (а) производится при помощи критических вопросов, формулируемых специально для каждого из трех видов аргументов, дедуктивных, индуктивных и правдоподобных. Истинность посылок проверяется посредством критических вопросов к посылкам одинаково для каждого вида аргумента, а демонстрация, т.е. связь между посылками и заключением, проверяется по-разному. Оценка дедуктивных аргументов проверяет их корректность, или логическую форму, как это советуют делать в учебниках по логике, а критические вопросы к правдоподобным аргументам формулируются относительно каждой воплощенной схемы аргументации [Walton et al. 2008]. Формулировки

критических вопросов к демонстрации индуктивных аргументов зависят от вида индукции и удостоверяют обоснованность утверждений обобщения, исключения или причинной связи. Создание корпуса критических вопросов для проверки индуктивных аргументов представляет собой актуальную задачу теории аргументации.

Критические вопросы обеспечивают единообразную оценку аргументов, отличных по способу демонстрации.

Ответы на критические вопросы, разделяют множество аргументов спора на три группы:

- сильно состоятельные, дающие на все критические вопросы ответы, совместимые с заключением;
- средне состоятельные, если подобным образом удастся отклонить не менее половины критических вопросов;
- слабо состоятельные, если подобным образом удастся отклонить менее половины критических вопросов.

Для удобства подсчета можно выразить эти оценки состоятельности (а) при помощи числовых значений, например, 1, 0,5 или 0,1, соответственно. Будем считать, что

- аргумент отклонен, если и только если он атакован равным по состоятельности или более состоятельным аргументом;
- не защищен, если он атакован менее состоятельным аргументом или не атакован;
- защищен, если и только если он был атакован аргументом, который был контратакован и отклонен.

Оценка состоятельности аргументов (а), поиск (б) и отбор решений спора (в) производятся на следующих шагах:

6. Установить состоятельность каждого из аргументов посредством критических вопросов.
7. Определить множество решений - исходов спора.
8. Оценить убедительность позиций сторон через подсчет исходов (защищенных аргументов) и установление решения с учетом вида спора.

Позицию стороны с наибольшим количеством защищенных аргументов в общем случае будем считать наиболее убедительной в смысле изложенной процедуры оценки (в), отождествляя ее с содержательно убедительной и для агентов спора, за исключением случаев глубокого разногласия [Fogelin 1985, Витгенштейн 1994].

Отбор решений из исходов спора - допустимого множества аргументов, производится с учетом вида спора и особенности тактики рациональных агентов в нем. Разграничение между видами спора было разработано в формальной диалектике [Barth, Krabbe 1982] и в дальнейшем развито в прагматической диалектике [Van Eemeren 2004]. Выделяют единичный несмешанный (ЕН), единичный смешанный (ЕС) и множественный смешанный (МС) спор. В ЕН-споре проponent обосновывает свою точку зрения перед лицом аудитории,

выразившей сомнение в ней, но не имеющей альтернативного мнения по обсуждаемому вопросу. В ЕС-споре проponent доказывает свою точку зрения перед лицом оппонента, не согласного с нею и критикующего ее, но не выдвинувшего альтернативной точки по обсуждаемому вопросу. В МС-споре обе стороны, протагонист и антагонист, берут на себя роли проponentа своей точки зрения и оппонента противоположной точки зрения, и защищают каждый свою точку зрения, опровергая противоположную. В ЕН-споре решение представляет собой допустимое подмножество, совпадающее с множеством исходов спора, т.е. включающее защищенные или незащищенные аргументы в защиту точки зрения проponentов. Иными словами, в ЕН-споре берут верх неотклоненные аргументы проponentов, если спор не трансформировался в ЕС-спор в силу возражений аудитории, перешедшей от сомнения к критике. ЕС-спор подразумевает, что для решения спора в пользу проponentов необходимо, чтобы в множестве аргументов в поддержку их точки зрения нашелся хотя бы один защищенный или незащищенный аргумент, в противном случае в споре берет верх точка зрения оппонентов. Для решения МС-спора в пользу любой из сторон необходимо, чтобы в ее позиции количество защищенных или не защищенных аргументов превышало количество таких аргументов в противоположной позиции. Можно сформулировать дополнительные условия отбора решений спора из исходов, если это необходимо, например, с учетом тактики рационального агента или прагма-риторического вида диалога.

Особенности тактики рационального агента в споре зиждутся на двух вычислительных семантических алгоритмах установления исходов спора, доверительном и скептическом. Монотонные аргументы, включая дедуктивные, логика аргументации моделирует на основе скептической семантики: заключение аргумента B приемлемо, если для всякого аргумента в поддержку противоположного заключения найдется атакующий его аргумент, поддерживающий B , в противном случае оно неприемлемо и приемлемым будет противоположное ему заключение [Besnard, Hunter 2008]. Семантика неподвижных точек на основе доверительного алгоритма позволяет вывести заключения из несовместимых посылок и образовать более одного допустимого подмножества аргументов на данном множестве.

Доверительный и скептический алгоритмы можно сопоставить рациональным агентам двух сортов. Эпистемологические оптимисты готовы поверить в обоснованность тезиса на основе хотя бы одного, пусть и слабого аргумента в его поддержку, а эпистемологическим пессимистам требуется наиболее сильный аргумент. В качестве эпистемологических оптимистов можно трактовать аудиторию и оппонента ЕН- и ЕС-спорах соответственно, а в МС-споре обе активные стороны представляют собой эпистемологических пессимистов. Скептический и доверительный алгоритмы установления исходов спора образуют спектр тактик агентов: начиная от самой мягкой доверительной тактики, выбирающей предпочитаемое подмножество, или наибольшее допустимое, такое что добавление еще одного аргумента превратило бы его из бесконфликтного, т.е. не содержащего пар атакующих друг друга аргументов, в конфликтное, до самой агрессивной, выбирающей стабильное подмножество

аргументов, атакующих всякий не принадлежащий ему аргумент, или самой осторожной скептической тактики, выбирающей прочное подмножество – наименьшее допустимое, или самой логически выверенной, выбирающей полное подмножество, исчерпывающее все приемлемые аргументы спора. Формирование подобных подмножеств на множестве аргументов спора осуществляется при помощи специально задаваемой характеристической функции «рационального судьи».

Благодарность: Исследование поддержано РНФ, проект № 20-18-00158 «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора».

Литература

1. Krause et al. 1995 – Krause P., Ambler S.J., Elvang-Gøransson M., Fox J. A logic of argumentation for uncertain reasoning // *Computational Intelligence*. 1995. Iss. 11. Pp. 113–131.
2. Dung 1995 – Dung P.M. On the acceptability of arguments and its fundamental role in nonmonotonic reasoning, logic programming, and n-person games // *Artificial Intelligence*. 1995. Iss. 77. Pp. 321-357.
3. Prakken 2011 – Prakken H. An abstract framework for argumentation with structured arguments // *Argument and Computation*. 2011. Vol. 2. No 1. Pp. 93-124.
4. Лисанюк 2015 – Лисанюк Е.Н. Аргументация и убеждение. СПб, 2015.
5. Walton 2013 – Walton D. *Methods of argumentation*. Cambridge University Press, Cambridge, 2013.
6. Amgoud, Ben-Naim 2018 – Amgoud L., Ben-Naim J. Evaluation of Arguments in Weighted Bipolar Graphs // *International Journal of Approximate Reasoning*. 2018. Vol. 99. P. 39-55.
7. Grossi, Modgil 2019 – Grossi D., Modgil S. On the graded acceptability of arguments in abstract and instantiated argumentation // *Artificial Intelligence*. 2019. Vol. 275. P. 138-173.
8. Walton et al. 2008 – Walton D., Reed Ch., Macagno F. *Argumentation schemes*. Cambridge University Press, 2008.
9. Fogelin 1985 – Fogelin R.J. The Logic of deep disagreement // *Informal Logic*. 2005 (1985). Vol. 25. No.1. P. 3-11.
10. Витгенштейн 1994 – Витгенштейн Л. О достоверности // *Философские работы*. Часть I. М.: Гнозис, 1994. С. 321-405.
11. Barth, Krabbe 1982 – Barth E.M., Krabbe E. *From Axiom to Dialogue* / Walter de Gruyter. Berlin, New York, 1982.
12. Van Eemeren 2004 – Van Eemeren F., Grootendorst R. *A Systematic Theory of Argumentation: the pragma-dialectical approach*. Cambridge: Cambridge UP, 2004.
13. Besnard, Hunter 2008 – Besnard P., Hunter A. *Elements of Argumentation*. The MIT Press, 2008.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

1. **Ажмухамедов Искандар Маратович** – доктор технических наук, профессор, Астраханский государственный университет, г. Астрахань, E-mail: iskander_agm@mail.ru
2. **Бедаев Александр Иванович** – кандидат исторических наук, Астраханский государственный университет, г. Астрахань, E-mail: bedaevalex@yandex.ru
3. **Беликов Александр Александрович** – кандидат философских наук, специалист по учебно-методической работе, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, E-mail: belikov_sasha@bk.ru
4. **Боброва Ангелина Сергеевна** – кандидат философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, E-mail: angelina.bobrova@gmail.com
5. **Бугай Николай Федорович** – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра «Историческая наука России» Института российской истории Российской академии наук, действительный государственный советник Российской Федерации III класса, г. Москва, E-mail: nikolay401@yandex.ru
6. **Веснинцева Анастасия Алексеевна** – магистрант, Астраханский государственный университет, г. Астрахань, E-mail: an_vesnaa@mail.ru
7. **Востриков Игорь Владимирович** – кандидат философских наук, Астраханский государственный университет, г. Астрахань, E-mail: igvladvost@mail.ru
8. **Вострикова Екатерина Олеговна** – кандидат экономических наук, доцент, Астраханский государственный университет, г. Астрахань, E-mail: Katrin-16@yandex.ru.
9. **Галиева Лия Эдуардовна** – студент, Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Россия, E-mail: li_galieva@mail.ru
10. **Глазков Александр Петрович** – доктор философских наук, доцент, Астраханский государственный университет, г. Астрахань, E-mail: alpglazkov@yandex.ru
11. **Гончаров Александр Валентинович** – кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, E-mail: mama15333@mail.ru
12. **Дегтерев Андрей Александрович** – кандидат юридических наук, Астраханский государственный университет, г. Астрахань, E-mail: degterevand@rambler.ru.

13. **Демина Анастасия Владимировна** – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, Астраханский государственный университет, г. Астрахань, E-mail: anastasiya_demin@mail.ru
14. **Джабраилов Юсуп Джабраилович** – кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Региональный центр этнополитических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Махачкала, E-mail: y.djabrailov@yandex.ru
15. **Джафарова Лала Афиг гызы** – диссертант Института права и прав человека Азербайджанской Национальной Академии Наук, г. Баку (Азербайджанская Республика), E-mail: lala-j@hotmail.com
16. **Елагин Глеб Борисович** – бакалавр философии, независимый исследователь, E-mail: elagingleb@gmail.com
17. **Ефимова Людмила Евгеньевна** – кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, E-mail: ef_river@mail.ru
18. **Жексембекова Венера Абыхановна** – доктор политических наук, профессор кафедры политологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан (Республика Казахстан), E-mail: venera6309@mail.ru
19. **Зайцев Дмитрий Владимирович** – доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, E-mail: zaitsev@philos.msu.ru
20. **Карпов Глеб Викторович** – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры логики, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, E-mail: glebsight@gmail.com
21. **Кенжебаева Айымгуль Жолдасбайкызы** – аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, E-mail: aiymgul_92@bk.ru
22. **Кондратьев Владислав Владимирович** – аспирант, Астраханский государственный университет, г. Астрахань, E-mail: kondratijj@yandex.ru
23. **Кондрашихин Андрей Борисович** – доктор экономических наук, кандидат технических наук, магистр теологии, профессор, Институт экономики и права (филиал) Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений», г. Севастополе, E-mail: kondrashihin.asi@mail.ru
24. **Кудряшова Юлия Александровна** – кандидат исторических наук, доцент, Астраханский государственный университет, г. Астрахань, E-mail: Ylyub@mail.ru

25. **Лисанюк Елена Николаевна** – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, E-mail: e.lisanuk@spbu.ru
26. **Лопатинская Тинатин Давидовна** – кандидат философских наук, Астраханский государственный университет, г. Астрахань, E-mail: kardentin@mail.ru
27. **Магеррамова Эльвира Джасарат кызы** – студент, Астраханский государственный университет, г. Астрахань, E-mail: elviramagerramova01@gmail.com
28. **Магрицкий Дмитрий Владимирович** – кандидат географических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, E-mail: magdima@yandex.ru
29. **Макаренко Сергей Иванович** – доктор технических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина), г. Санкт-Петербург, E-mail: makserg@yandex.ru
30. **Малахов Даниил Александрович** – студент II курса магистратуры Факультета управления и политики Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), г. Москва, E-mail: danmalakhov@mail.ru
31. **Мамедов Вугар Гурбан оглы** – доктор медицинских наук, профессор кафедры судебной медицины Азербайджанского медицинского университета, профессор юридического факультета Бакинского Государственного университета, председатель Азербайджанской Ассоциации Биоэтики и Медицинского Права, Исполнительный вице-президент Всемирной Ассоциации Медицинского Права, руководитель Азербайджанского бюро Кафедры ЮНЕСКО по Биоэтике, г. Баку (Азербайджанская Республика), E-mail: vumammadov@yahoo.com
32. **Мешкова Анна Павловна** – кандидат экономических наук, доцент, Астраханский государственный университет, г. Астрахань, E-mail: anna.meshkova_82@mail.ru.
33. **Микиртумов Иван Борисович** – доктор философских наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, E-mail: imikirtumov@gmail.com
34. **Михайлова Елена Александровна** – кандидат социологических наук, доцент, Астраханский государственный университет, г. Астрахань. E-mail: elmikh@mail.ru

35. **Муравьев Сергей Рудольфович** – кандидат экономических наук, доцент, Астраханский государственный университет, г. Астрахань, E-mail: smuraviev@inbox.ru
36. **Намруева Людмила Васильевна** – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, отдел комплексного мониторинга и информационных технологий, Калмыцкий научный центр Российской академии наук, г. Элиста, E-mail: namruevalv@kigiran.com
37. **Овезниязова Шахноза Улугбековна** – магистрант, Астраханский государственный университет, г. Астрахань, E-mail: sh.ovezniyazova@gmail.com
38. **Перова Нина Вадимовна** – студентка 1-го курса магистратуры Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, E-mail: nino4kaperova@gmail.com
39. **Сергазин Ерболат Фаттахович** – доктор PhD по политологии, и.о. доцента кафедры политологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан (Республика Казахстан), E-mail: sergazin1958@mail.ru
40. **Смирнов Глеб Евгеньевич** – преподаватель, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина), г. Санкт-Петербург, E-mail: science.cybersec@yandex.ru
41. **Сурина Елена Алексеевна** – старший преподаватель кафедры экономической теории, Астраханский государственный университет, г. Астрахань, E-mail: e-zaharkina91@mail.ru
42. **Тихонова Валентина Львовна** – кандидат философских наук, доцент, Астраханский государственный университет, Астрахань, E-mail: opera-15@mail.ru
43. **Тошпулотов Алишер Аминович** – докторант (PhD) кафедры экономической теории и мировой экономики, Российско-Таджикский (Славянский) Университет, г. Душанбе (Республика Таджикистан), E-mail: a.toshpulotov@yandex.com
44. **Упир Ирина Романовна** – магистрант, Астраханский государственный университет, г. Астрахань, E-mail: ireneupir@mail.ru
45. **Урузгалиева Майя Елемесовна** – докторант 1 курса кафедры политологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан (Республика Казахстан), E-mail: maikun_93@mail.ru
46. **Федотова Анна Владиславовна** – доктор биологических наук, профессор, Астраханский государственный университет, г. Астрахань, E-mail: a.v.fedotova@gmail.com

47. **Фролов Константин Геннадьевич** – кандидат философских наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова, г. Санкт-Петербург, E-mail: konstantin-frolov@ya.ru
48. **Хлыщева Елена Владиславовна** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии, Астраханский государственный университет, г. Астрахань, E-mail: culture_mar@mail.ru
49. **Холова Любовь Александровна** – младший научный сотрудник Центра изучения проблем комплексной безопасности Каспийского макрорегиона и противодействия терроризму и экстремизму, Астраханский государственный университет, г. Астрахань, E-mail: lyubov.kholova@yandex.ru
50. **Черничкин Дмитрий Алексеевич** – аспирант, младший научный сотрудник Центра изучения проблем комплексной безопасности Каспийского макрорегиона и противодействия терроризму и экстремизму, Астраханский государственный университет, г. Астрахань, E-mail: chernichkin95@mail.ru
51. **Чертина Инна Владимировна** – старший преподаватель кафедры экономической теории, Астраханский государственный университет, г. Астрахань, E-mail: innacher13@gmail.com
52. **Шестакова Диана Витальевна** – студентка 1-го курса магистратуры Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, E-mail: dina-1701@yandex.ru
53. **Яковлева Людмила Вячеславовна** – доктор биологических наук, доцент, Астраханский государственный университет, г. Астрахань, E-mail: yakovleva_lyudmi@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАСПИЙСКОГО МАКРОРЕГИОНА

Сборник научных статей по материалам
Международной научно-практической конференции

28-29 октября 2021 года,
Астрахань, Российская Федерация

Редакционная коллегия:
А.П. Романова, Д.А. Черничкин

Материалы публикуются в авторской редакции.

Техническое редактирование,
компьютерная правка, верстка А.М. Докуниной

Заказ № 4385. Тираж 10 электрон. оптич. дисков
Уч.-изд. л. 14,7. Объем данных 4,01 Мб.

Издательский дом «Астраханский университет»
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
тел. (8512) 24-64-95 (отдел планирования и реализации), 24-68-37
E-mail: asupress@yandex.ru